

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

Кольского научного центра РАН

11/2018(9)

**ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

выпуск 15

Апатиты
2018

Российская Академия Наук

11/2018 (9)

издается с декабря 2010 г.

ТРУДЫ

Кольского научного центра

УДК 550.3
ISSN 2307-5252

Главный редактор – чл.-корр. д.г.-м.н.,
проф. С. В. Кривовичев

Заместители главного редактора:
д.г.-м.н., проф. В. П. Петров
д.т.н., проф. Б. В. Ефимов

Редакционный совет:
академик Г. Г. Матишов,
академик Н. Н. Мельников,
чл.-корр. В. К. Жиров, чл.-корр. А. Н. Николаев,
д.э.н. Ф. Д. Ларичкин, д.т.н. В. А. Маслобоев,
д.г.-м.н. В. П. Петров (зам. главного
редактора), д.т.н. В. А. Путилов,
д.ф.-м.н. Е. Д. Терещенко,
к.г.-м.н. А. Н. Виноградов (отв. секретарь)

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

выпуск 15

Редакционная коллегия серии
«Гуманитарные исследования»:
д.г.-м.н. В. П. Петров (отв. редактор),
д.и.н. И. А. Разумова (зам. отв. редактора),
д.и.н. И. Ю. Винокурова,
д.филол.н. Н. В. Дранникова,
к.филол.н. Н. Н. Измоденова,
к.социол.н. Э. С. Клюкина,
д.э.н. Т. П. Скуфьина, д.и.н. П. В. Федоров,
к.и.н. О. В. Шабалина, к.и.н. К. С. Казакова
(вып. редактор)

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-58457 от 25.06.2014 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Научное издание

Технический редактор: В. Ю. Жиганов

Подписано к печати 05.12.2018. Формат бумаги 70×108 1/16.
Усл. печ. л. 14.52. Заказ № 41. Тираж 500 экз.
Издательство ФГБУН ФИЦ КНЦ РАН
184209, г. Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14
www.naukaprint.ru

184209, Мурманская область, г. Апатиты, ул. Ферсмана, 14,
ФИЦ Кольский научный центр РАН
Тел.: (81555) 79393, 79380, факс: (81555) 76425
E-mail: admin@admksk.apatity.ru, <http://www.kolasc.net.ru>

© Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального исследовательского центра «Кольский научный
центр Российской академии наук», 2018
© ФГБУН ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук»,
2018

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Кузнецова Л. А., Разумова И. А. Роль епархий Мурманской области во взаимодействии религиозного и светского образования.....	7
Давыдова А. С. Сакральное и профанное в пространстве арктических городов	24
Бодрова О. А. «Поморский бренд» в культурно-массовой деятельности Мурманской области. К вопросу о социокультурном потенциале и практике регионального брендинга.....	32
Сулейманова О. А. «Праздник Севера и традиционный День оленовода»: к проблеме изучения культурно- массовой деятельности как формы актуализации этнокультурных традиций аборигенного населения Мурманской области.....	42
Токарев А. Д, Петров В. П. Новые материалы по истории научных исследований на Кольском полуострове в 1931 году (протокол совещания начальников полевых отрядов 26 августа 1931 г.).....	53
Саморукова А. Г., Петров В. П. Советский опыт создания регионального академического кластера на Крайнем Севере (на примере Кольского филиала АН СССР).....	62
Шабалина О. В. Материалы персонального фонда Г. В. Горбацкого Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН как источники по истории арктических исследований...	72
Дубровская Е. Ю. Повседневная жизнь российских военных в Финляндии в годы Первой мировой войны.....	83
Петрашова Д. А., Пожарская В. В., Хорева Е. В., Коломейчук С. Н., Михайлов Р. Е. Особенности психолого-социологического тестирования при проведении цитогенетических исследований детского и подросткового населения Заполярья.....	99
Соловьевская Н. Л. История развития психосоматики.....	110

Юбилеи. Памятные даты

- Петров В. П. Е. К. Козлов — личность своей эпохи, учёный, геолог, организатор науки на Кольском Севере..... 121

Научная жизнь

- Шабалина О. В. Международная научная конференция «Миллеровские чтения-2018: преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия» в Санкт-Петербурге..... 132
- Иванова М. В. XXVII Международная береговая конференция «Арктические берега: путь к устойчивости» в Мурманске..... 135

Ad Memoriam

- Дубровская Е. Ю. Сергей Михайлович Титов (1958–2015) — исследователь военной истории Русского Севера 138

Аспирантские тетради

- Бертош А. А. Материальное историко-культурное наследие в развитии туристской индустрии Арктической зоны РФ (на примере Мурманской области): общая постановка проблемы..... 145
- Зайцев О. А. «Лопарские приходы» в церковно-приходской системе Кольского Севера в XIX – начале XX веков..... 154

Russian Academy of Sciences

11/2018 (9)
Published since 2010

UDC 550.3
ISSN 2307-5252

TRANSACTIONS

Kola Science Centre

Editor-in-Chief – S. V. Krivovichev,
Cor. Member, Dr.Sc. (Geology and Mineralogy)
Deputy Editors-in-Chief:
Prof. V. P. Petrov,
Prof. B. V. Efimov

Editorial Council:
Acad. G. G. Matishov, Acad. N. N. Melnikov,
Cor. Member V. K. Zhironov,
Cor. Member A. N. Nikolaev, Prof. F. D. Larichkin,
Prof. V. A. Masloboev, Prof. V. P. Petrov (Deputy
Editor-in-Chief), Prof. V. A. Putilov,
Prof. E. D. Tereshchenko, Prof. A. N. Vinogradov
(Executive Secretary)

HUMANITARIAN STUDIES

series 15

Editorial Council of
«Humanitarian studies» Series:

Prof. V. P. Petrov (Editor-in-Chief),
Prof. I. A. Razumova (Deputy Editor-in-Chief),
Prof. I. Ju. Vinokurova, Prof. N. V. Drannikova,
PhD (Philosophy) N. N. Izmodenova,
PhD (Sociol.) E. S. Klyukina, Prof. T. P. Skufina,
Prof. P. V. Fedorov, PhD (History) O. V. Shabalina,
PhD (History) K.S. Kazakova (Executive Editor)

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11

Mass Media Registration Certificate issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on June, 25 2014.

14, Fersman str., Apatity, Murmansk Region, 184209, Russia
Tel. (81555) 79380. Fax: (81555) 76425
E-mail: admin@admksk.apatity.ru, <http://www.kolasc.net.ru>

© Barents Center of Humanities KSC RAS, 2016
© Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences", 2018

CONTENTS

	Pages
Kuznetsova L. A., Razumova I. A.	7
Davydova A. S.	24
Bodrova O. A.	32
Suleymanova O. A.	42
Tokarev A. D., Petrov V. P.	53
Samorukova A. G., Petrov V. P.	62
Shabalina O. V. Materials of G. V.	72
Dubrovskaya E. Yu.	83
Petrashova D. A., Pozharskaya V. V., Khoreva E. V., Kolomeichuk S. N., Mikhailov R. E.	99
Solovevskaia N. L.	110

Anniversaries. Memorable dates

Petrov V. P.	121
--------------	-----

Scientific Life

Shabalina O. V.	International scientific conference “Miller readings - 2018: continuity and traditions in preserving and researching the documentary academic heritage” in St. Petersburg.....	132
Ivanova M. V.	XXVII international coastal conference «Arctic shores: shore-up to sustainability» in Murmansk....	135
Ad Memoriam		
Dubrovskaya E. Yu.	Sergey Mikhaylovich Titov (1958–2015) — researcher of the military history of the Russian North.....	138
Postgraduate Notebooks		
Bertosh A. A.	Material historical and cultural heritage in the development of tourism industry of the Arctic zone of the Russian Federation (on the example of the Murmansk region): general statement of the problem.....	145
Zaytsev O. A.	«The lappish parishes» in the church-parish system of the Kola North in the 19th - the beginning of the 20th centuries.....	154

Л. А. Кузнецова, И. А. Разумова

РОЛЬ ЕПАРХИЙ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РЕЛИГИОЗНОГО И СВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

Статья посвящена проблеме взаимоотношения религиозного и светского образования. Она рассматривается в институциональном ракурсе. Предметом эмпирического исследования является сотрудничество епархий Мурманской области с различными структурами светского образования, а также с другими институтами по вопросам науки и образования. Очевидна тенденция к все более интенсивному внедрению образовательно-просветительской деятельности Русской православной церкви в светские образовательные структуры. Исследование определило общие тенденции и различия между Мурманской и Мончегорской и Североморской и Умбской епархиями в отношении взаимодействий со светскими образовательными структурами. Выявлена динамика образовательных событий в 2013–2017 годах. Авторы считают, что основное внимание при изучении взаимодействия светского и религиозного образования должно быть сосредоточено на проблемах школьной образовательной ступени и особенно младшего звена средней школы, где преподаются основы православной культуры.

Ключевые слова:

образование, Мурманская область, православная церковь, епархия, институт.

L. A. Kuznetsova, I. A. Razumova

THE ROLE OF THE EPARCHY OF THE MURMANSK REGION IN THE INTERACTION OF RELIGIOUS AND LIGHTS EDUCATION

Abstract

The problem of relations between religious and secular education is considered in the article. It is considered in an institutional perspective. The subject of the empirical study is a collaboration of the dioceses of the Murmansk region with different structures of secular education as well as with other institutions on issues of science and education. The tendency to more and more intensive implementation of educational activities of the Russian Orthodox Church in secular education is obvious. The study determined the general trends and differences between the Murmansk and Monchegorsk and North Sea and Umba dioceses regarding interactions with secular educational structures. The dynamics of educational events in 2013–2017 are revealed. The authors believe that the main attention in studying the interaction of secular and religious education should be focused on the problems of the school educational level and especially the junior level of the secondary school, where the basics of Orthodox culture are taught.

Keywords:

education, Murmansk region, Orthodox Church, diocese, Institute.

Проблемы и дискуссии

Необходимость исследований образовательной ситуации в стране и отдельных регионах диктуется комплексом обстоятельств. Во-первых, образовательное сообщество (как светское, так и духовное) испытывает потребность в помощи социально-политических реформаторов по разработке и экспериментальному внедрению дифференцированной, сбалансированной

стратегии образования с учетом сложившихся социально-культурных реалий. Во-вторых, несмотря на активное научное обсуждение вопроса, российское законодательство пока не предлагает достаточно четких определений понятий «религиозное образование», «религиоведческое образование», в связи с чем в реальной российской практике нередко возникают проблемы с точным определением лицензированного, юридически и этически безопасного преподавания религии. В-третьих, сравнительно недавние изменения в правовом аспекте взаимодействия религии и церкви обеспечивают реализацию права на религиозное образование. Это право теперь сопровождается институциональными действиями и актами: издание культовой и религиозно-образовательной литературы, создание Учебного комитета РПЦ, воскресных и других церковных школ, рост числа духовных учебных заведений, расширение зарубежных образовательных контактов церкви и т.д.

Полемика по вопросам взаимодействия светских и церковных институтов в области образования имеет давнюю историю, даже если рассматривать только «постсекулярную эпоху», которая в России может вести отсчет с 1990-х годов. Проблемы образования — лишь часть более обширного дискуссионного поля. Оно включает немало проблем, теоретических и социальных, касающихся межинституциональных отношений, их реальной и потенциальной конфликтности. Особенно когда дело касается религиозных институтов, конфликт неизбежно переводится в ценностную плоскость, а потому он исключительно сложен для урегулирования.

Религиозный фактор в развитии социально-политических отношений в России ощущается все сильнее. Аргументированными представляются опасения: «Процессы десекуляризации в обществе, в сфере образования, участие церковнослужителей в социально-экономической жизни страны, а также укрепление взаимосвязей между церковной и государственной элитами порождает у некоторых аналитиков опасения относительно девальвации в России принципа отделения церкви от государства» [Рудыка, 2016: 145] и, соответственно, религии от светского образования.

Церковь интегрирована в гражданское общество и прилагает много усилий для укрепления своих социальных связей. По мнению специалистов, «начало XXI века в отечественном богословии ознаменовалось становлением в ней солидного социального дискурса» [Писманик, 2005: 20]. В начале 2000-х годов были приняты социальные концепции не только РПЦ, но и других конфессий (российских мусульман, евангелистов). В настоящее время РПЦ руководствуется в образовательной деятельности документом «Основы социальной концепции Русской православной церкви» (2000). В нем отмечено: «С православной точки зрения желательно, чтобы вся система образования была построена на религиозных началах и основана на христианских ценностях. Тем не менее, Церковь, следуя многовековой традиции, уважает светскую школу и готова строить свои взаимоотношения с ней исходя из признания человеческой свободы. При этом Церковь считает недопустимой намеренное навязывание учащимся антирелигиозных и антихристианских идей, утверждение монополии материалистического взгляда на мир <...>. Церковь призывает к устранению последствий атеистического контроля над системой государственного образования» [Основы социальной концепции, ЭР].

В силу институциональных особенностей образования с ним интегрировано много социальных субъектов, до известной степени — все общество: государство (органы управления образованием), муниципальные органы, семьи, поселенческие общины, научные организации, педагогические вузы, учреждения культуры, религиозные организации и их образовательные учреждения, производственные, общественные и политические организации, СМИ, учреждения здравоохранения и спорта и другие. В образовательном процессе они выступают в качестве обучающихся, обучаемых, управляющих или обеспечивающих образовательную деятельность (это, в первую очередь, семьи, то есть значительная часть населения). Проблема взаимосвязи семьи и системы образования напрямую связана с вопросами социального функционирования образования, наследования социального статуса и социальной мобильности [Казакова, 2009: 65].

О взаимоотношениях светского и религиозного образования пишут много: педагоги, социологи, культурологи, религиоведы и другие специалисты, придерживающиеся разных мировоззренческих позиций. Еще в начале 2000-х годов автор монографии, посвященной проблеме религиозного образования в светской школе, оптимистично писал о достижении консенсуса в образовательном сообществе: «Сейчас уже почти невозможно встретить православного педагога, знающего светскую школу или работающего в ней, который бы ратовал за немедленное введение в обязательную программу курса религиозного образования. Точно так же почти не осталось профессиональных педагогов, лично придерживающихся нерелигиозных или даже атеистических убеждений, которые бы оспаривали возможность изучения курса религиозной культуры по выбору учащихся в средней школе или отстаивали изучение религии в высшей школе исключительно с философских позиций» [Метлик, 2004 : 203]. Между тем острая полемика продолжается, часто выходя за рамки обсуждения содержательных и методических аспектов. Регулярно в разных городах России проводятся научно-практические конференции на эту тему, в том числе международные. Нередко религиозным радикализмом отличаются позиции представителей не церковных, а гражданских институтов. Свидетельством острой политизации вопроса о религиозном компоненте в школьном образовании может служить книга М. Н. Кузнецова и И. В. Понкина «Бесчестная дискуссия о религиозном образовании в светской школе» [Кузнецов, Понкин, 2005]. Авторы — доктора юридических наук — обрушились на политических, общественных деятелей, ученых, которые выступили против православного образования в школе. Их точка зрения вполне заслуживала бы понимания, если бы не стратегия аргументации, в которой критики концепции религиозного образования обвиняются в «идеологической войне с православием», а ознакомление с теорией В. В. Вернадского приравнивается к «внедрению в сознание учащихся искаженной картины мира».

«Защитниками» религиозного (православно ориентированного) образования стала часть педагогов, оказавшаяся под влиянием не столько религиозного мировоззрения, сколько религиозного дискурса. Еще заметнее явление «дискурсивной перестройки» в публичных выступлениях значительной части управленцев государственной системы образования. Собственно понятие «образование» в этом случае постепенно вытесняется из текстов о «задачах системы образования», заменяясь категорией «духовно-нравственное

воспитание» (что и отличает религиозный дискурс на тему образования): «Система программных мероприятий по доработке и включению духовно-нравственной компоненты в региональную систему начального и общего среднего образования ориентирована на то, что основными задачами духовно-нравственного воспитания в общеобразовательной школе являются — развитие активного культурного сознания и нравственного поведения детей, — духовно-нравственная профилактика развития пороков, — прививка детям и подросткам духовно-нравственного иммунитета», — цитата из опубликованного доклада представителя Министерства образования и науки Удмуртской республики на научно-практическом семинаре «Религия и образование» [Пермякова, ЭР]. В полном согласии с этой позицией в программной педагогической разработке утверждается: «Содержанием взаимодействия государственной системы образования и РПЦ в настоящее время является реализация совместно выработанных путей и средств введения в содержание современного образования опыта духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, накопленного в православной традиции» [Королькова, 2013: 120]. Автор — помощник митрополита Ташкентского и Узбекистанского Викентия по науке и образованию, председатель отдела образования Среднеазиатского митрополичьего округа и директор института экспертизы образовательных программ и государственно-конфессиональных отношений в одном лице (Москва).

Перформативности текстов на темы образования, возможности риторических (идеологических, политических) спекуляций способствуют, во-первых, нечеткость терминологии и неоднозначность интерпретации «светского образования», «религиозного образования», «религиоведческого образования» и других понятий, во-вторых, принцип «нерасторжимости» образования и воспитания. Последнее предполагает, прежде всего, поведенческий и нравственный компоненты, а потому педалирование «воспитания» как цели образования предоставляет возможность снизить самооценку и социальную значимость знания как такового.

Наиболее сбалансированная позиция по вопросу взаимоотношения религии и образования в условиях постсекулярного общества была сформулирована в 1990-е годы французским исследователем — доктором богословия и одновременно видным специалистом в области социологии религии Ж.-П. Виллемом и развита в его трудах. Для современной ситуации он предложил понятие «открытой светскости», связанной с признанием того, что не существует точки зрения, полностью лишенной элементов мифа и веры, поэтому ни одна точка зрения не позволяет относиться с презрением к другим, и утверждал, что в новых условиях задачей школы становится не усвоение секулярного или религиозного знания и ценностей, а ознакомление учащихся с великими символическими системами, с помощью которых люди жили и продолжают жить. Преподавание религии в школе следует рассматривать как часть общеобразовательной миссии школы, а не как часть евангелизирующей миссии церкви, а потому оно должно быть описательным, объективным, критическим, связанным с жизненным опытом учащихся и уважительным ко всем взглядам [Willaime, 1998; Виллем, 2000].

В качестве положительного последствия расширения в научно-образовательной среде религиозных знаний и понимания значимости символических, в том числе религиозных, ценностей может рассматриваться

развитие культурологического кругозора детей и молодежи. Более того, «реалии сегодняшнего дня со всей очевидностью свидетельствуют о том, что чем меньше у школьников и студентов знаний и адекватных представлений о традиционных, так называемых «классических», формах религий, тем более они восприимчивы к пропаганде религиозного экстремизма, идеологи которого умело пользуются мировоззренческой неудовлетворенностью и религиозоведческой некомпетентностью молодежной аудитории. <...>. Примеры агрессивновоеинствующих сообществ легко находятся не только в исламе, но и в христианской среде, в том числе в русле современного православия» [Михайлова, 2017: 101] При этом специалисты и практики в сфере светского образования признают, что результат включения религиозного компонента в образование может оказаться опасным и непредсказуемым, если историко-культурные сведения будут транслироваться детям, учащимся и студентам воцерковленными преподавателями через призму их религиозного восприятия, сопровождаясь утверждением сугубо религиозных ценностей. Для этого существуют специальные духовные учебные заведения (см., напр.: [Абрамов, Корнев, ЭР]).

Государство и церковь в публичных заявлениях настаивают как на плодотворном взаимном сотрудничестве, так и на собственной автономии. В частности, представители духовенства, отвергая тезис оппонентов о сращении церкви и государства, утверждают, что эти институты не всегда поддерживают друг друга. В настоящий момент находятся два основных аргумента: вопрос об абортах и неясная ситуация с образованием. В недавней беседе с корреспондентом интернет-газеты ZNAK пресс-секретарь председателя РПЦ отец Александр Волков признался: «У нас все было непросто с введением преподавания основ православной культуры в школах. И сейчас непросто. В ряде регионов все неплохо, в других все гораздо сложнее. И у самой Церкви еще нет окончательного понимания, как дальше нужно двигаться в этом направлении. Объективно, опыт преподавания основ православной культуры не всегда положительный. Тут есть над чем работать и есть что исправлять — и нам, и государству» [Мы понимаем, ЭР].

Процесс интеграции религиозных институтов и образования затронул все регионы России. В отдельных автономных субъектах РФ, где сильны позиции ислама и отчасти – других конфессий, проблемы обостряются. Сближение РПЦ с государством и одновременно введение курса религии, по мнению специалистов из этих регионов, «способно обострить мировоззренческую и религиозную нетерпимость», а потому «светское и религиозное образование и воспитание россиян в XXI столетии должны развиваться параллельно, а точки соприкосновения (и/или тесного сотрудничества) определяться по мере необходимости» [Муртузалиев, 2005 : 217].

Мурманская область, как и другие российские регионы, включена в процесс церковно-государственного сотрудничества в области образования. Так, по данным Министерства образования области, в 2015/16 учебном году по выбору родителей 30,7 % учеников 4-х классов изучали дисциплину ОПК («Основы православной культуры») в курсе ОРКСЭ («Основы религиозной культуры и светской этики») [Грацианова, ЭР]. Из муниципалитетов на первом месте Ковдорский район (100 %), высокие показатели также у Кольского района (71 %) и города Мурманска (35 %), где деятельность образовательного отдела

епархии особенно активна. Вместе с тем на третьем месте оказался город Апатиты (38,7 %), который считается неофициальной «культурной столицей» области и в котором находятся академический центр и филиал университета. Это заслуживающий внимания факт, если учесть, что на Кольском полуострове в досоветский период православные традиции были закреплены лишь локально, а в советское время о таких традициях, особенно в регионе «социалистических строек», говорить не приходится. Приведенные показатели, соответствующие общему процессу десекуляризации, одновременно свидетельствуют об успешном взаимодействии РПЦ с институтом образования в Мурманской области. Направления сотрудничества определяются официальными соглашениями между Министерством образования Мурманской области, обеими епархиями и Мурманской митрополией. Установилась традиция их подписания на научно-богословских конференциях «Трифоновские чтения» и на Рождественских чтениях, разрабатываются планы совместных действий по реализации соглашений [В Североморской епархии, ЭР; Министерство образования, ЭР; Минобразования, ЭР; Минобрнауки, ЭР; Мурманская епархия, ЭР; Подписано соглашение, ЭР и др.].

Стороны далеко не по всем вопросам приходят к согласию, возможны «ведомственные» конфликтные ситуации. В феврале 2014 года Комитет по образованию администрации города Мурманска проводил мероприятие «Зимняя школа» на тему «Духовно-нравственные ценности православной культуры» для учителей, преподающих основы религиозных культур и светской этики (ОРКСЭ). Отдел религиозного образования и катехизации Мурманской митрополии направил официальный отказ от участия в нем «в связи с тем, что в программе данного мероприятия издательство «Вентана-Граф» представило свои учебники по ОРКСЭ», которые «не предусматривают выбор учебного модуля курса Основы Православной культуры родителями школьников и тем самым нарушают гражданские права родителей на выбор модуля» (со ссылками на Закон об образовании РФ и приказ Министерства образования) [Информация, ЭР]. В любом случае, наблюдается активный диалог между органами управления церковным и государственным образованием, который способен влиять на принятие решений.

Результаты эмпирического исследования

Для определения положительных и отрицательных последствий распространения деятельности конфессий на сферу светского образования необходимо выяснить, как ситуация складывается в отдельных регионах и городах с учетом местных этно-конфессиональных и демографических особенностей. Реальное положение дел определяется тем, как ориентирована и организована деятельность церковных структур в отношении контактов с общественными, образовательными, властными, муниципальными структурами, насколько эта деятельность находит отклик, в чем стороны видят свою цель и проблемы ее достижения, какими представляют реальные и потенциальные результаты своих усилий. Мы обратились к первому из названных аспектов.

Предметом исследования является сотрудничество епархий Мурманской области с различными структурами светского образования, а также с другими институтами по вопросам науки и образования. Источником послужили

официальные сайты епархий: Мурманской и Мончегорской, Североморской. Были выделены и проанализированы события, связанные с образовательной деятельностью, которые отразились в новостных публикациях за пять лет: с 2013 по 2017 год.

С учетом содержания публикаций для первичного анализа события были разделены на категории по институциональному основанию.

1. Деятельность образовательных структур РПЦ (катехизаторские курсы, мероприятия церковного отдела образования, работа приходских школ, деятельность духовно-просветительских центров епархий).

2. Сотрудничество со светскими образовательными структурами и субъектами системы образования:

2.1. с Министерством образования Мурманской области;

2.2. с отделами образования городов и районов, с государственными, коммерческими и общественными организациями, вовлеченными в образовательный процесс (учреждениями дополнительного образования, библиотеками, музеями, студиями, кружками, клубами, ИП-фирмами, лечебными учреждениями, агентствами и т.д.);

2.3. с отдельными школами, колледжами, учителями (в том числе создание и деятельность общества православных педагогов);

2.4. со школьниками (в том числе областные и городские конкурсы на православную тематику), выпускниками школ;

2.5. с вузами, студентами, преподавателями университетов (в том числе научные конференции, издания);

2.6. с дошкольными учреждениями и воспитателями детских садов;

2.7. с дошкольниками.

3. Обращения к органам власти по вопросам науки и образования

4. Сотрудничество со средствами массовой информации по вопросам образования и воспитания:

4.1. с православными СМИ;

4.2. со светскими СМИ (выступления духовенства в светских СМИ и наоборот; совместные мероприятия, издания).

5. Сотрудничество с семьями, родителями учащихся, школьников и дошкольников православных и светских учебных заведений.

На основе контент-анализа статей сделаны подсчеты по годам и кластерам. Единицей счета было образовательное событие, отмеченное в публикации. Многие публикации содержат информацию более чем об одном событии, поэтому число самих публикаций на обоих сайтах примерно в 2,5 раза меньше числа событий. Данные представлены в количестве событий и в процентном соотношении (табл. 1, 2).

Североморская епархия была выделена из состава Мурманской епархии 2 октября 2013 года, тогда же начал действовать и ее официальный сайт. С этого времени возможно сопоставление данных с учетом того, что до октября 2013 года показатели по существу являются совокупными.

Таблица 1

Контент-анализ статей официального сайта Мурманской
и Мончегорской епархии (2013–2017 гг.)

Тематика (направления деятельности)	Количество событий по годам (в процентах от общего числа за год)					Всего за 5 лет
	2013	2014	2015	2016	2017	
1. Деятельность образовательных структур РПЦ	18 (30 %)	34 (32 %)	72 (28,5 %)	64 (32 %)	64 (28,3 %)	252 (30 %)
2. Сотрудничество со светскими образовательными структурами и субъектами системы образования	26 (44 %)	54 (51 %)	137 (54,5 %)	105 (52 %)	113 (50 %)	435 (51 %)
2.1. Сотрудничество с Министерством образования области	5 (8,3 %)	5 (5 %)	19 (7,5 %)	4 (2 %)	4 (1,7 %)	37 (4,3 %)
2.2. с отделами образования городов и районов, учреждениями дополнительного образования, различными организациями	5 (8,3 %)	20 (19 %)	26 (10,3 %)	31 (15,4 %)	30 (13,3 %)	112 (13,2 %)
2.3. с отдельными школами, с учителями школ и преподавателями колледжей	5 (8,3 %)	13 (12 %)	28 (11 %)	21 (10,4 %)	28 (12,4 %)	95 (11,2 %)
2.4. с учащимися, выпускниками школ	4 (6,6 %)	10 (9,4 %)	29 (11,5 %)	18 (9 %)	32 (14 %)	93 (11 %)
2.5. с вузами, студентами, преподавателями	2 (3 %)	2 (2 %)	6 (2,4 %)	4 (2 %)	8 (3,5 %)	22 (2,5 %)
2.6. с дошкольными учреждениями	3 (5 %)	3 (3 %)	13 (5 %)	13 (6,5 %)	5 (2,2 %)	37 (4,3 %)
2.7. с дошкольниками	2 (3 %)	1 (1 %)	16 (6,3 %)	14 (7 %)	6 (2,6 %)	39 (4,5 %)
3. Обращения к органам власти по вопросам науки и образования	2 (3 %)	1 (1 %)	5 (2 %)	10 (5 %)	7 (3,1 %)	25 (3 %)
4. Взаимодействие со СМИ по вопросам образования и воспитания	13 (22 %)	11 (10 %)	16 (6,3 %)	16 (8 %)	34 (15 %)	90 (11 %)
4.1. с православными	11 (18 %)	7 (6,6 %)	10 (4 %)	8 (4 %)	24 (10,6 %)	60 (7,3 %)
4.2. со светскими	2 (3 %)	4 (4 %)	6 (2,4 %)	8 (4 %)	10 (4,4 %)	30 (3,7 %)
5. Сотрудничество с семьями, родителями	1 (2 %)	6 (6 %)	22 (9 %)	6 (3 %)	8 (3,5 %)	43 (5 %)
Всего событий за каждый год:	60 (100 %)	106 (100 %)	252 (100 %)	201 (100 %)	226 (100 %)	845 (100 %)
Итого событий 2013–2017:						

Таблица 2

Контент-анализ статей официального сайта Североморской епархии (2013–2017 гг.)

Тематика (направления деятельности)	Количество событий по годам (в процентах от общего числа за год)					Всего за 5 лет
	2013	2014	2015	2016	2017	
1. Деятельность образовательных структур РПЦ	0 (0%)	5 (17%)	17 (15%)	32 (19,5%)	52 (27,3%)	106 (21%)
2. Сотрудничество со светскими образовательными структурами и субъектами системы образования	0 (0%)	11 (36,4%)	59 (52%)	85 (51,5%)	101 (53,4%)	256 (52%)
2.1. с Министерством образования области	0 (0%)	0 (0%)	2 (2%)	5 (3%)	4 (2%)	11 (2,2%)
2.2. с отделами образования городов и районов, учреждениями дополнительного образования, различными организациями	0 (0%)	4 (13,3%)	29 (25,4%)	36 (22%)	53 (28%)	122 (24,5%)
2.3. с отдельными школами, учителями школ и преподавателями колледжей	0 (0%)	3 (10%)	9 (8%)	10 (6%)	7 (4%)	29 (6%)
2.4. с учащимися и выпускниками школ	0 (0%)	2 (6,6%)	13 (11,4%)	27 (16,5%)	21 (11%)	63 (12,6%)
2.5. с вузами, студентами и преподавателями	0 (0%)	2 (6,6%)	3 (2,6%)	1 (0,6%)	8 (4%)	14 (3%)
2.6. с дошкольными учреждениями	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	1 (0,6%)	2 (1%)	3 (0,6%)
2.7. с дошкольниками	0 (0%)	0 (0%)	3 (2,6%)	5 (3%)	6 (3%)	14 (3%)
3. Обращения к органам власти по вопросам науки и образования	0 (0%)	2 (6,6%)	8 (7%)	10 (6%)	14 (7,3%)	34 (7%)
4. Сотрудничество со СМИ по вопросам образования и воспитания	0 (0%)	12 (40%)	26 (23%)	33 (20%)	15 (8%)	86 (17%)
4.1. с православными	0 (0%)	12 (40%)	15 (13%)	20 (12,2%)	11 (6%)	58 (11,5%)
4.2. со светскими	0 (0%)	0 (0%)	11 (9,6%)	13 (8%)	4 (2%)	28 (5,5%)
5. Сотрудничество с семьями, родителями	0 (0%)	0 (0%)	4 (3,5%)	4 (2,4%)	8 (4%)	16 (3%)
Всего событий за каждый год:	0 (0%)	30 (100%)	114 (100%)	164 (100%)	190 (100%)	498 (100%)
Итого событий 2013–2017:						

Подсчет по обобщающим кластерам показал, что взаимодействие с институтами светского образования относится к приоритетным направлениям деятельности РПЦ. Очевидна тенденция к все более интенсивному внедрению образовательно-просветительской деятельности РПЦ в светские культурно-образовательные структуры. Об этом свидетельствует вес публикаций, в которых в качестве событий отмечены различные виды и результаты сотрудничества с государственными образовательными и культурно-просветительскими учреждениями, региональными и городскими органами управления образованием, общественными организациями и учреждениями дополнительного образования, непосредственно с субъектами образовательной деятельности (обучаемыми разных категорий, педагогами, администраторами и т.д.). Суммарно за все годы по обеим епархиям он почти вдвое превышает показатель статей о событиях, связанных с работой катехизаторских курсов, церковно-приходских школ, мероприятиями церковного отдела образования и т. п., — всем тем, что входит в основной круг деятельности православных образовательных структур, реализуется внутри института для поддержания его стабильности и роста возможностей. Значимость «внешних связей» церковных отделов образования особенно наглядна по данным Североморской епархии: соотношение событий «общегражданской» и внутрицерковной образовательной жизни соответственно 52 % и 21 %. Для Мурманской и Мончегорской епархии эти же показатели составляют 51 % и 30 % (рис. 1, 2).

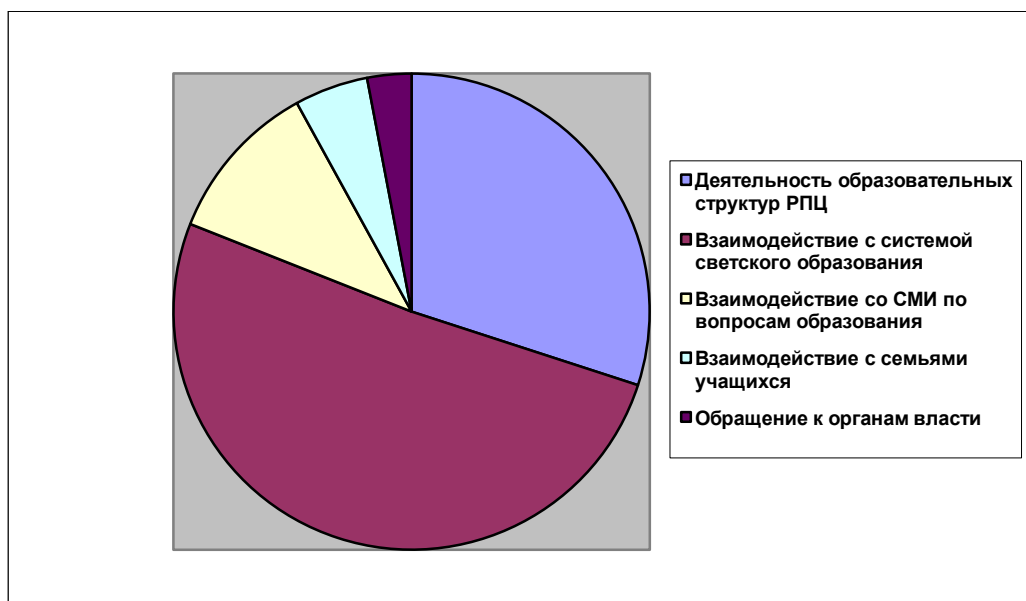

Рис. 1. Тематическое распределение событий за весь период. Сайт Мурманской и Мончегорской епархии

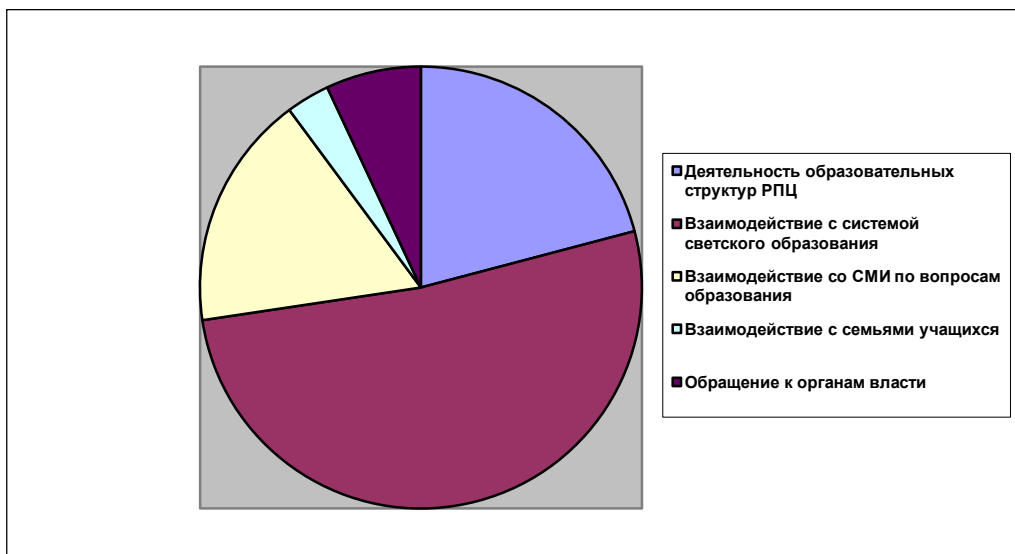

Рис. 2. Тематическое распределение событий за весь период.
Сайт Североморской епархии

Такое соотношение закономерно. В отличие от специальных церковных изданий, сайт — доступный и массовый информационный ресурс, который позволяет привлечь внимание и стимулировать интерес широкой аудитории к деятельности РПЦ, презентировать ее активное участие в общественной жизни, значение просветительских и воспитательных инициатив. Взаимодействие со средствами массовой информации (печатная пресса, телевидение, создание сетевых ресурсов) и их представителями, журналистами, занимает третье по значимости место в структуре образовательной деятельности обеих епархий. Более активна в информационном плане Североморская епархия (свыше 17 % всех событий против 11 % Мурманской и Мончегорской епархий). Использование православных и светских СМИ обеими епархиями находится примерно в равном соотношении 2:1 (7,3 % и 3,7 % для Мурманской епархии, 11,5 % и 5,5 % для Североморской).

В структуре коммуникаций с системой светского образования достаточно высокие показатели характеризуют мероприятия по взаимодействию с местными отделами образования, с учителями и школьниками светских общеобразовательных учреждений, с учреждениями дополнительного образования, культурно-просветительскими, в том числе общественными, организациями. По совокупности образовательно-просветительских коммуникаций наибольшая организационная активность отличает молодую Североморскую епархию (24 % всех событий против 13,2 % Мурманской и Мончегорской епархий). При этом в Мурманской епархии активнее осуществляется работа с отдельными школами и преподавателями (11,2 % против 6 % в Североморской епархии), а также с дошкольными учреждениями и дошкольниками (соответственно 8,8 % против 3,6 %). По всей вероятности, это объясняется устойчивостью связей первой епархии с образовательными и

воспитательными учреждениями, со сложившимися традициями форм взаимодействия. Формированию таких традиций и усилению церковного влияния на учительство способствовало, в частности, учреждение областного общества православных педагогов в сентябре 2008 года.

Примерно равны показатели взаимодействия со школьниками и выпускниками (11 % и 12,6 % по епархиям), а также с вузами (2,5 % и 3 % соответственно), несмотря на то, что высшие учебные заведения области располагаются на территории Мурманской и Мончегорской епархии. Отчасти это связано с активным участием Североморской епархии в организации научно-образовательных мероприятий, в том числе ежегодных «Рождественских чтений» и других.

Североморская епархия уделяет большее внимание, чем Мурманская и Мончегорская, такому аспекту образовательной деятельности, как обращение к органам власти по вопросам науки и образования (7 % против 3 %). В свою очередь, Мурманская и Мончегорская епархия уделяет вдвое больше внимания сотрудничеству с Министерством образования области (4,4 % против 2,2 %). Это представляется логичным, поскольку профиль Североморской епархии предполагает коммуникации, в первую очередь, с военными ведомствами.

Поскольку одна и та же статья может содержать сразу несколько тем (событий), свидетельствующих о влиянии церковной образовательной и просветительской деятельности на другие социальные институты, то имеет смысл говорить о степени насыщенности обоих сайтов подобной информацией. Так, количество статей за 2013–2017 годы на сайте Мурманской и Мончегорской епархии (355) примерно вдвое меньше числа статей сайта Североморской Епархии (644, без учета статей на тему сотрудничества церкви и Северного флота), но на сайте с большим количеством статей вдвое меньше образовательных событий, чем на сайте с меньшим числом статей. На сайте Мурманской и Мончегорской епархии за пять лет насчитывается 845 событий в 355 статьях, на сайте Североморской епархии — 498 событий в 644 статьях. Это означает, что насыщенность контента официального сайта Мурманской и Мончегорской епархии намного превосходит наполнение сайта Североморской епархии. Мы усматриваем в этом действие факторов, во-первых, возраста епархий (и в том числе создания электронных ресурсов: официальный сайт Мурманской и Мончегорской епархии функционирует с 2009 года), во-вторых, демографической и поселенческой специфики «окормляемых» ими территорий, в-третьих, различий в приоритетных направлениях деятельности.

Сопоставление данных по годам позволяет определить некоторые тенденции динамики ситуации (рис.3, 4).

Большой стабильностью характеризуются показатели по Мурманской и Мончегорской епархии. С 2013 по 2016 годы по большинству позиций наблюдается тенденция к росту событий, связанных с взаимодействием со школами, учителями и школьниками, вузами, отделами образования и различными организациями, включенными в культурно-образовательный процесс, со СМИ по вопросам образования (рис. 5, 6). При росте числа публикаций в ряде случаев снижается их процентное соотношение с другими категориями событий, например, это касается взаимодействия со СМИ. На 2015 год приходится наибольшее число событий образовательной жизни епархии, прежде всего в сфере внешних социальных коммуникаций. Это соответствует

тенденции «медленного, но верного», усиления влияния духовных образовательных структур как на общественность, так и на государственные отделы образования страны и органы власти для достижения постепенной легитимации внедрения в сферу образования в целом.

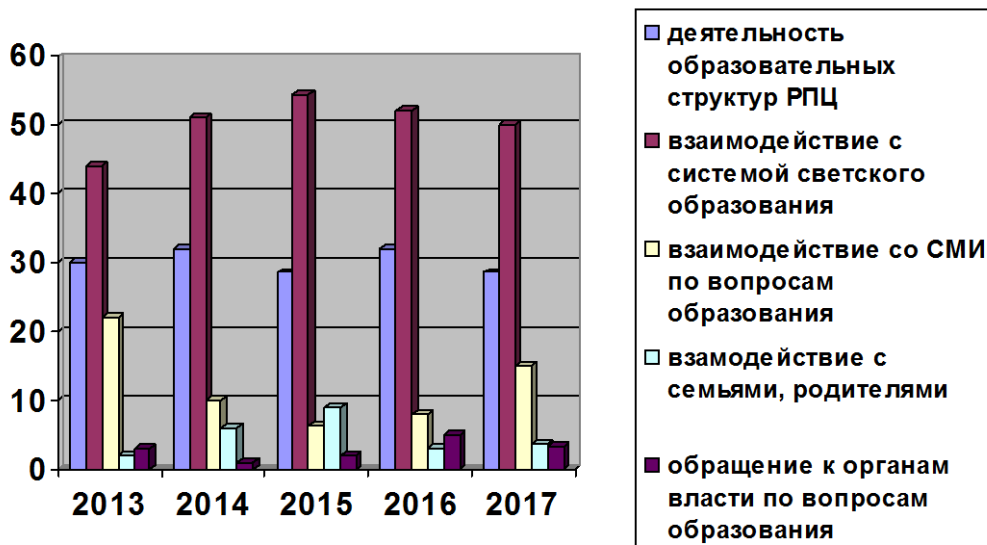

Рис. 3. Динамика соотношения событий за 2013—2017 гг.
Сайт Мурманской и Мончегорской епархии

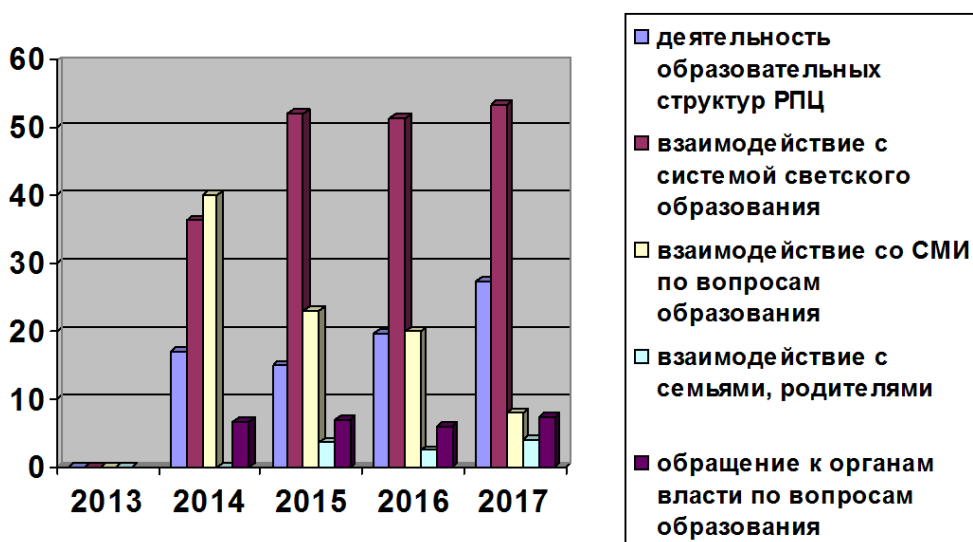

Рис. 4. Динамика соотношения событий за 2013—2017 гг.
Сайт Североморской епархии

Рис. 5. Традиционный молебен на начало учебного года в мурманской прогимназии № 61. 22.09. 2017. Фото с сайта «Спас на Водах».
Url: http://spasnavodah.ru/wp-content/uploads/2017/09/DSC_0201.jpg

Рис. 6. Встреча студентов Мурманского арктического государственного университета с митрополитом Мурманским и Мончегорским Симоном 20. 09. 2017. Фото с сайта МАГУ
Url: http://www.masu.edu.ru/upload/iblock/660/DSC_0037.JPG

С 2016 года количество событий большинства категорий незначительно, но сократилось. Отчасти это может быть связано с освещением более значимых событий, таких, как визит в область патриарха Кирилла в августе 2016 года. Можно также предположить некоторое снижение активности в этой сфере в связи с активизацией общественных дискуссий по вопросу о «давлении» церкви на образование и с попытками сопротивления светских образовательных структур нововведениям духовного толка.

Динамика показателей по Североморской епархии несколько отличается. Во-первых, в недавно созданной епархии в течение нескольких лет укреплялась деятельность церковных образовательных структур. Одновременно от 2014 к 2015 году возросли все показатели взаимодействия с системой светского образования и воспитания, включая дошкольное. После 2015 года по большинству показателей не наблюдается снижения, скорее, наоборот. Исключения составляют взаимодействие со школами и школьниками, а также контакты со СМИ по вопросам образования, которые обнаружили явную тенденцию к снижению. Последнее объяснимо с позиций «особой миссии» Североморской епархии. Ее информационные ресурсы, как и деятельность, ориентированы, в первую очередь, на события духовной жизни ВМФ, а интенсивность этой деятельности во многом зависит от политических факторов. События середины 2010-х годов немало способствовали актуализации специфических задач епархии и соответствующим образом структурировали ее отношения со СМИ.

* * *

На сегодняшний день РПЦ является главным и фактически единственным субъектом религиозного влияния в регионе. Полученные результаты свидетельствуют о несомненных успехах епархий Мурманской области по части сотрудничества с большинством социальных структур, включенных в образовательный процесс, и укрепления своих позиций.

Данные подтверждают, что основное внимание при изучении взаимодействия светского и религиозного образования должно быть сосредоточено на проблемах школьной образовательной ступени, в первую очередь, младшего звена средней школы (где преподаются основы православной культуры), поскольку внимание церкви к школьному образованию — явление, характерное для последних нескольких лет.

Анализ официальных сайтов епархий, дополненный предварительным анализом документов, прессы и других источников, дает основание отнести к приоритетным объектам влияния РПЦ (помимо ВМФ — для Североморской епархии), институты образования и науки. В том числе в сфере этого влияния находится высшая школа, определяется также тенденция к усилению сотрудничества с детскими дошкольными учреждениями.

Учитывая роль научного фактора в развитии региона, можно считать, что взаимодействию в образовательной сфере способствуют контакты церковных и научных институтов. Сформировавшаяся в 2000—2010-е годы новая региональная православная историография, а также регулярное проведение международных научно-богословских историко-краеведческих научных конференций по исторической и общественно-научной проблематике (Феодоритовских чтений и других), научно-издательская деятельность обеих

епархий существенно повлияли на педагогическую среду области и на динамику социокультурной среды в целом. Углубленное исследование этих процессов — дело дальнейшего. Такая необходимость обусловлена поисками оптимальных форм сотрудничества институтов «духовного производства» и прояснением его возможных позитивных и негативных социальных последствий.

Источники

Мурманская и Мончегорская епархия. Официальный сайт. URL: <http://www.mmeparh.ru>

Североморская епархия. Официальный сайт. URL: <http://severeparh.ru/category/news/>.

Список литературы

Абрамов Ю. Ф., Корнев Е. В. Проблема соотношения религиозного и светского образования в современной России: единство и различия // Научная электронная библиотека КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/problema-sootnosheniya-religiovedcheskogo-i-religioznogo-obrazovaniya-v-sovremennoy-rossii-edinstvo-i-razlichiya>. Дата обращения: 05.06.2018

Виллем Ж.-П. Светскость и религиозность современной Франции: пер. с фр. // Государство и церковь в истории Франции и России: материалы российско-французского научного семинара / Рос. Гос. гуманитарный ун-т, Рос.-франц. Центр исторической антропологии им. М. Блока М.: РГГУ, 2000. Ч. I. С. 141–159.

В Североморской епархии началась работа в рамках регионального этапа Рождественских чтений. URL: <http://severeparh.ru/2017/11/23/v-severomorskoj-eparhii-nachalas-rabota-v-ramkax-regionalnogo-etapa-rozhdestvenskix-chtenij/>

Грацианова Н. П. Родители выбирают патриотизм и традиционные ценности. URL: <http://www.mmeparh.ru/node/936>.

Информация отдела религиозного образования и катехизации Мурманской митрополии. URL: <http://www.mmeparh.ru/node/656>

Казакова К. С. Образовательные стратегии современной семьи // Кольский Север в XX – XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2009. С. 64–76.

Королькова И. В. Взаимодействие государственной системы образования и Русской Православной Церкви в сфере духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургской епархии, 2013. 240 с.

Кузнецов М. Н., Понкин И. В. Бесчестная дискуссия о религиозном образовании в светской школе: ложь, подмены, агрессивная ксенофобия: правовой анализ. М.: Изд. Учебно-научного центра довузовского образования. 2005. 216 с.

Метлик И. В. Религия и образование в светской школе. М.: «Планета-2000»; «ППЦ «Пересвет»», 2004. 384 с.

Министерство образования и науки Мурманской области и Североморская епархия подписали Соглашения о сотрудничестве. URL: <https://арктик-тв.рф/news/city/severomorsk/2017/11/23/ministerstvo-obrazovaniya-i-nauki-murmanskoy-oblasti-i-severomorskaya-eparhiya-podpisali-soglasheniya-o-sotrudnichestve>

Минобразования издало приказ «О реализации Плана совместных действий с Мурманской и Мончегорской Епархией». 08.02.2009. URL: <http://www.mmparh.ru/news/?nid=62>

Минобрнауки области и РПЦ подписали соглашение о сотрудничестве // Правительство Мурманской области. Официальный портал. 16.01.2015. URL: <http://gov-murman.ru/info/news/70321/>

Михайлова Л. Б. Знания о религии в системе светского образования: приглашение к дискуссии // Наука и школа, 2017, № 3. С. 100–109.

Мурманская епархия и Министерство образования и науки Мурманской области заключили соглашение о сотрудничестве // Официальный сайт Московского патриархата. 28 декабря 2008. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/516691.html>

Муртузалиев С. И. Интеграция церкви в систему светского образования // Светско-религиозное взаимодействие в изменяющейся России : материалы Всероссийской научной конференции (Белгород, 6-7 октября 2004 года) / [под ред. д. социол. н., проф. Л. Я. Дятченко, к. социол. н., доц. С. Д. Лебедева]. Белгород : Белгородский государственный университет, 2005. С. 213-217.

«Мы понимаем, что живем в обществе, где бесполезно что-то скрывать». Пресс-секретарь патриарха – о взаимоотношениях Церкви с медиа, государством и внешним миром // Интернет-газета ZNAK. URL: https://www.znak.com/2018-07-20/press_sekretar_patriarha_o_vzaimootnosheniyah_cerkvi_s_media_gosudarstvom_i_vneshnim_mirom

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128>

Пермякова Л. И. Обоснование актуальности проблемы духовно-нравственного воспитания детей и молодежи России / Доклады и выступления / Республиканский научно-практический семинар «Религия и образование» // Религиозное образование и катехизация в Удмуртской Митрополии. Отделы религиозного образования Ижевской, Сарапульской и Глазовской епархий. URL: <http://izhoroik.ortox.ru/users/98/1100698/>

Писманик М. Г. О сотрудничестве религиоведов и теологов // Светско-религиозное взаимодействие : материалы Всероссийской научной конференции (Белгород, 6-7 октября 2004 года) / [под ред. д. социол. н., проф. Л. Я. Дятченко, к. социол. н., доц. С.Д. Лебедева]. Белгород : Белгородский государственный университет, 2005. С.16-23.

Подписано Соглашение о сотрудничестве минобрнауки Мурманской области и Мурманской и Мончегорской Епархии // Мурманская область. Официальный портал. 12.10.2012. URL: <http://old.gov-murman.ru/press/?newsid=12592&page=693>

Рудыка Н. А. Русская Православная Церковь как субъект гражданского общества // Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука, и образование: материалы VIII Международной научной конференции, посвященной памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 18–22 мая 2016 г. г. Владимир – Владимир: «Аркаим». Т. 13. С. С. 144–149.

Willaime, Jean-Paul. École et religions : une nouvelle donne ? // Revue française de pédagogie. École et culture religieuse. 1998, No. 125 pp. 7–20.

Сведения об авторах

Кузнецова Лариса Андреевна,

магистрант кафедры экономики, управления и социологии Апатитского филиала Мурманского Арктического государственного университета (МАГУ)

Разумова Ирина Алексеевна,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Kuznetsova Larisa Andreevna,

graduate student of Economics, Management and sociology of the Apatity branch of the Murmansk Arctic State University (MASU)

Razumova Irina Alekseevna,

Doctor of Science (History), Chief Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.24-32

УДК 726.54 (470.21)

А. С. Давыдова

САКРАЛЬНОЕ И ПРОФАНОЕ В ПРОСТРАНСТВЕ АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ

Аннотация

Статья посвящена исследованию сакрального и профанного в пространстве городов Кольского полуострова. На материалах, находящихся в сети Интернет, выявляются основные культурные значения и смыслы, которыми наделяются появляющиеся объекты, как светского, так и религиозного назначения, вызвавшие дискурс в городской среде.

Ключевые слова:

культурное пространство, сакральное пространство, культовая постройка, памятник, Мурманская область.

A. S. Davydova

SACRAL AND THE PROFANE ELEMENTS IN THE SPACE OF ARCTIC TOWNS

Abstract

The article has been presenting the results of the study of sacral and profane elements in the space of towns of Murmansk region. On the base of materials from the Internet, we reveal general cultural significances and meanings about new appear buildings and other new objects as secular so and cult function caused the discourse between citizens.

Keywords:

cultural space, sacral space, sacral building, monument, Murmansk region.

В настоящее время вопросы и проблемы, связанные с исследованием взаимодействия природы, ландшафта и социума являются весьма актуальными для антропологов и этнографов [Романова, Замятин, 2016: 5]. Нередко можно наблюдать синонимизацию понятий «культурный ландшафт», «культурное

пространство», «образ территории». Интерпретации, методология и подходы в изучении категории «пространство» вариативны. Во многом они определяются дисциплиной, в рамках которой оно исследуется.

Одним из первых, обратившихся к вопросам различий восприятия пространства в различных культурах, был французский ученый А. Леруа-Гуран [Leroi-Gourhan, 1993]. В.Л. Каганский полагает, что «всякое земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей — культурный ландшафт, если это пространство одновременно цельно и дифференцировано, а группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически» [Каганский, 2001: 12]. Информационный подход А. Моля [Моль, 1966] предполагает трактование «культурного пространства» исключительно как пространства коммуникативного процесса, который обеспечивает передачу знаний от коллективного уровня индивидуальному. Аксиологический подход В. П. Большакова повествует о подвижности культурного пространства и прозрачности его границ, а также существовании пограничных пространств, которые характеризуются формированием и развитием там пограничных культур [Большаков, Володина, 2002]. В лингвистических исследованиях изучение пространства связано, прежде всего, с соотношением языка и пространства [Кубрякова, 1997; Урысон, 1999; Арутюнова, 1999 и др.]. В антропологии и этнологии сложился особый взгляд на проблематизацию культурного пространства. Он формировался под влиянием антропологической, структурно-семиотической интерпретации этнографического материала, который охватывает так называемое «понимаемое пространство» или пространственные аспекты идейных сторон культуры [Ляпкина, 2008]. Большую концептуальную значимость по проблеме взаимодействия пространства и культуры имеют теоретические подходы и методологические принципы, предложенные В. А. Тишковым. В своих работах «Реквием по этносу, исследования по социально-культурной антропологии» [Тишков, 2003], «Очерки теории и политики этничности в России» [Тишков, 1997] он заложил основы исследования взаимодействия природно-географической среды, государственно-политических образований и этнической мозаики в контексте понятий «граница» и «культура». Разные аспекты проблем взаимодействия культуры и пространства рассматриваются в книге «Культура и пространство» под ред. В. К. Мальковой, В. А. Тишкова [Культура и пространство, 2012]. В работах В.А. Тишкова отражен антропологический подход к изучению пространства — сквозь призму человека: «Нас интересует не просто физическое (объективное) пространство, а конструируемая человеком пространственная среда — своего рода физическое и ментальное выражение организации пространства человеком. Мы рассматриваем не просто природный ландшафт или более широко — природную среду, что делают представители естественных наук, а обращаемся к осмыслению, конструированию и использованию пространства на разных его уровнях от глобально-космического до частного, индивидуального» [Тишков, 2003: 289]. Окружающая природа во всем ее многообразии и коллективные представления о ней, по мнению В. А. Тишкова, — это важнейшая ценность любого территориального сообщества.

Отдельная тема в современных гуманитарных исследованиях междисциплинарного характера — географическое пространство как фактор бытийности культуры. Это направление представлено трудами Д. Н. Замятина

[Замятин, 2006], В. А. Подорога [Подорога, 1995] и др. В. А. Подорога [Подорога, 1995] активно использует понятие культурный ландшафт. Уподобляя ландшафт тексту, в составе литературных текстов он вычленяет локусы смысла, смысловые поля, территории и их границы и взаимоотношение между ними.

Анализируя содержание понятий «культурное пространство», «пространство культуры», «локальная культура», «региональная культура», «культурный ландшафт», Е. А. Воробьева [Воробьева, 2007] выделяет три уровня осмысления локальной культуры. На уровне бытийности конкретных форм локальной культуры ее содержание эксплицировано в культурном ландшафте; уровень понятийности локальной культуры реализуется через конструирование пространства определенного типа культуры; на уровне рефлексивности локальная культура осмысливается в культурном пространстве. П. С. Куприянов и Л. В. Садовникова сосредотачивают свое внимание на том, как воспринимается и используется пространство, как изменяются его культурные смыслы, как создается и функционирует образ пространства в памяти жителей, как пространство пробуждает воспоминания, а память конструирует ландшафт [Куприянов, Садовникова, 2009].

А. Ф. Филиппов делает попытку представить основные теоретические принципы социологии пространств, которые должны позволить исследователю приступить к конкретному изучению пространственных аспектов социальной жизни [Филиппов, 2009].

Суммируя все вышесказанное, остановимся на определении культурного пространства как на восприятии человеком физического пространства и тех символических значений, которыми его наделяет каждая культура.

Несколько сложнее обстоит дело с определением понятия «сакральный ландшафт» и «сакральное пространство». Трудности вызывает не только само исследование, но и определение сакрального. Согласимся с В. И. Харитоновой в том, что эта категория относится к числу наиболее дискуссионных в социальных и гуманитарных науках [Харитоновна, 2010]. В. И. Харитоновна понимает сакральное не в теологическом варианте — как принадлежность и причастность идее бога, а более широко — как «причастность идее ирреального и контактов с ним» [Харитоновна, 2010: 8].

Понятие «сакрального» относится к трансцендентальной, или иррациональной, сфере и, как правило, осмысляются путем противопоставления. Мирча Элиаде предлагает рассматривать концепт в рамках оппозиции «сакральное — профанное» или в противопоставлении «реальное — ирреальное» [Элиаде, 1994].

Многие исследователи придерживаются позиции, что сакральные пространства конструируются. Каким образом это происходит обсуждается в работе В. А. Шнирельмана «Места силы: конструирование сакрального пространства. Введение к дискуссии» [Шнирельман, 2014: 3–9]. Основная мысль заключается в том, что в настоящее время священные места возникают там, где ранее не было никакой религиозной деятельности и в основном религиозная активность концентрируется на археологических памятниках. Конструктивистский подход к пониманию сакрального пространства представлен в работе Е. Головневой и И. Шмидт. Анализируя и описывая Окуневский феномен, они приходят к выводу, что привязка сакрального места к определенному археологическому памятнику — довольно частое явление

в процессе «изобретения традиций» [Головнева, Шмидт, 2015]. С. Тончева также говорит о существовании тесной взаимосвязи между сакральностью и «изобретением» религиозности. Изобретение религиозности, по ее мнению, связано с созданием сакрального пространства, времени, объектов и пр. посредством «нагружения» профанного сакральным [Тончева, 2014: 17].

Остановимся на определении сакрального пространства как физического пространства, нагруженного символическими значениями, относящимися к сфере иррационального. Сакральные пространства связаны с архитектурными или природными объектами и конструируются определенной группой людей. Интерпретировать те или иные аспекты, связанные с восприятием сакрального пространства необходимо в рамках изучаемой культуры, региона.

Сакральное и профанное в пространстве арктических городов

В последнее десятилетие, во многих городах Мурманской области наблюдается процесс переоформления пространства. Во многом он связан с появлением различных объектов как светского, так и религиозного назначения (памятники, часовни, мемориальные доски и т.д.). Выявление основных значений и культурных смыслов, которыми наделяются появляющиеся объекты городской среды, становится весьма актуальным. Появление нового объекта в городском пространстве существенно для горожан и находит отражение в городском локальном тексте. Рассмотрим ситуацию в Кировске и Апатитах. По данным ранее проведенных исследований [Туманова, 2014] абсолютными лирами были часы, расположенные на здании музейно-выставочного центра (именуемые «Биг-беном») в Кировске и памятник «Горнячок», расположенный рядом со зданием музейно-выставочного комплекса. В Апатитах это установленный памятник землякам, погибшим в годы Великой Отечественной Войны. Это сравнительно новые объекты и, как правило, положительно оценивающиеся горожанами. На наш взгляд наибольший интерес представляют несколько объектов, вызвавших резонирующие мнения среди городского населения. Это проект памятника академику А. Е. Ферсману, часовня Феодорита Кольского и буддистская ступа в районе города Апатиты. Тексты, находящиеся в интернет-пространстве (преимущественно в социальной сети «Вконтакте») позволили выявить отношение населения к данным объектам.

Неустановленный памятник или за какое место можно «потереть» академика?!

Часть собранного материала относится к проекту памятника академику А. Е. Ферсману, собственно отсутствующему объекту, однако сохраняющему локальную память о событиях, которые воспрепятствовали его появлению. Общественная полемика, связанная с эскизом будущего памятника, выявила конфликт интересов и ценностей. Несогласие научного сообщества с проектом памятника вызвало активную дискуссию в городской среде.

В Апатитах и Кировске бытует сюжет о том, как в городе Кировске не появился памятник академику Ферсману. В массовом сознании жителей Кировско-Апатитского района фигура Ферсмана представлена как демиургическая, поскольку помимо создания Кольского научного центра РАН, ему приписывается основание городов Кировск и Апатиты [Пация, Разумова, 2006]. В 2013 году у сотрудников музейно-выставочного центра в связи

с 130-летием дня рождения академика возникла идея увековечить память о Ферсмани в виде установки памятника. Однако памятнику не суждено было появиться, поскольку эскиз, понравившийся городским властям, вызвал целую волну возмущения в научном сообществе, в частности, минералогическом [Яроцкая, 2013]. На представленном эскизе академик был маленьким, и, не соответствовал, по мнению представителей научного сообщества, величине образа академика. В числе «возмущенных» оказался также правнук академика: *«Увиденное повергло меня в ужас. Я целиком и полностью на Вашей стороне. Такой памятник ни в коем случае нельзя ставить в любом людном месте, тем более в предполагаемом парке»* [О проекте памятника А. Е. Ферсману, ЭР]. Фразы и образы из текста письма правнука академика, появившиеся после представленных ему фотографий эскиза будущего памятника, стали широко используемыми при дальнейшей аргументации отрицательного отношения к его установке. Автор письма перечисляет ряд причин, по которым, по его мнению, подобного рода памятник не должен существовать: *«1. Созданный скульптором образ ученого носит характер шаржа, может быть использован только в очень узком кругу. Даже «смело предположу», что может быть использован в Вашем кабинете с некоторыми допущениями, но вряд ли подойдет по стилю. 2. В таком стиле допустимо сохранять память об артистах, используя созданные ими образы, например, Моргунов-Никулин-Вицын в образе Балбеса-Труса-Бывалого. Предложенный скульптором образ более походит на Мужичка-Лесовичка из мультфильма, но никак не великого учёного, сделавшего безумно много для своей страны и городов, в которых живут и работают наши современники. 3. Александр Евгеньевич был очень крупного телосложения и почти двухметрового роста. За неуёмную энергию его коллеги ещё при жизни называли «шаровой молнией». Почему скульптор не сочла нужным выделить именно эти черты А. Е. Ферсмана - для меня загадка. 4. Есть много фото, которые можно, с моей точки зрения, взять за основу, где А. Е. Ферсман стоит и фотографируется в полевой экипировке, в той же кепке. Наверняка, эти фото есть и у Вас. 5. Попробовала бы скульптор предложить поставить ещё один памятник Петру I в таком же стиле в Петербурге – ее бы стерли в порошок, и в первую очередь администрация города. Я думаю, что была бы права <...> С уважением, Ферсман Вадим Геннадьевич. Санкт-Петербург, 15.11.2013»* [Там же]. Общественный дискурс, образовавшийся вокруг не появившегося памятника носил характер конфликта интересов и ценностей. Возникший диссонанс в представлениях о «гении места» и возможности функционально использовать данный образ вызвали мощные противостояния. Городские власти хотели установить памятник с целью привлечения внимания, собственно, к городу Кировску: *«В городском ДК был выставлен горячо обсуждаемый нынче макет памятника, – продолжил разговор Андрей Звонарь, исполняющий обязанности главы администрации. – И рядом висела фотография ученого, где он сидит на привале, в такой же позе, с чайником у ноги. Так вот, человек на макете и фотографии – один в один, никакой выдумки художника нет. Отторжение у некоторых людей вызывает сама стилистика этого памятника. Неужели надо поставить в городе еще одного Ленина с протянутой рукой? Ведь изначально не стояла задача воздвигнуть монумент, а поставить памятник, который был бы интересен жителям и гостям города»* [Яроцкая, 2013, ЭР].

Судя по приведенному высказыванию памятник не должен был стать «классическим» и именно это должно было способствовать привлечению к нему всеобщего внимания. И ни в коем случае не содержать в себе советскую символику, которая в массовом сознании приобретает негативные коннотации.

Возведение и установка новых объектов, как светского, так и религиозного назначения, качественно меняет городской и пригородный культурный ландшафт в целом, как и образ конкретного места, сложившегося и закрепившегося в сознании жителей. При этом взаимоотношения нового объекта и устоявшегося образа места могут складываться по-разному. Например, при сооружении и установке культовых объектов делается попытка со стороны представителей определенной конфессии вписать его в культурный ландшафт и социальную память региона.

Сакральный или мирской?

Часовня Феодорита Кольского в виде саамской куваксы была построена в 2014 г. на острове Могильном вблизи Экостровского пролива. Располагается она недалеко от города Апатиты. Для одних – это просто место отдыха, где можно празднично провести время; для других оно связано со свадебным ритуалом, ввиду того, что мост через пролив является традиционно посещаемым свадебными эскортами. Незначительная часть жителей Апатитов, имеющих представления об истории края и особенностях расселения коренного народа считают, что это священная земля, на которой жили предки коренного народа Кольского Севера — саамов, более того, это место саамских захоронений. Установка на полуострове часовни Феодорита Кольского в форме саамского жилища вызвала волну негативных оценок, поскольку данный факт не соответствует представлениям о «канонах» православного храмостроения. Негативную реакцию вызывает совмещение идеи жилища с сакральным объектом, то есть, сочетание мирского и священного [Давыдова, Разумова, 2015].

Еще один объект, месторасположение и целесообразность которого остается дискуссионным — это буддистская ступа, установленная в 2015 году на территории Апатитского района. Объект располагается на въезде в город. Часто у населения города Апатиты возникает вопрос о том, кто именно установил данное культовое сооружение. Появление ступы не вызвало бурной реакции и обсуждений в городской среде. По предварительным данным, установленный объект не распознавался как культовый большинством населения. Спустя два года на ступе появилась надпись: «Россия — православная страна». В социальной сети «ВКонтакте» появилось сообщение в новостной группе об этом событии. Автор новости в описании произошедшего указал на уникальность культовой постройки: «Буддистские ступы в Апатитах являются самыми северными в мире» [В Апатитах осквернили одну из буддистских ступ, ЭР]. Среди комментариев преобладают точки зрения, отражающие неправомерность осквернения сооружения. Интересной является их аргументация: «Россия — многонациональная страна, со свободой Вероисповедания»¹ [Юлия, Там же]. Ироничное высказывание содержит сомнение в существовании свободы вероисповедания.

¹ Здесь и далее сохраняется авторская орфография и пунктуация.

По мнению других горожан, культовые постройки должны служить людям, подобно маяку: «Персонально для меня у ступы большое чисто функциональное преимущество перед церковью — когда по темному времени по ленинградке домой едешь поворот на Апатиты легче заметить. Церкви-то вообще бесполезны» [Николай, Там же]. То есть, выполнять функции, являющиеся для массового сознания типичными в отношении храмовых сооружений — «указывать путь» как в прямом, так и переносном значении.

Возмущение вызывал также факт поругания постройки миролюбивой конфессии: «...буддистов 2 с половиной человека это раз, так что зачем устраивать провокацию нарушая закон, ради того что бы спровоцировать 2.5 человека? Второе - буддизм одна из миролюбивых религий в которой нет даже концепции бога, и если они не реагируют на подрыв 2000ти летних статуй, мировых святынь буддизма, то какие шансы что они среагируют на вот ЭТО?» [Константин, Там же]. Такого, по мнению пользователей, в отношении другой, считающейся более агрессивной конфессией, не могло бы произойти: «Написали бы на мусульманской мечети такое. Не набегались бы потом, пятый угол искали» [Юлиана, Там же]. Мусульманская постройка в Мурманской области всего одна (мечеть в Мурманске). Ее появление и строительство также связывается с неоднозначными мнениями и оценками, что, на наш взгляд, является предметом отдельного исследования.

Дискуссии в интернет-пространстве об осквернении буддисткой ступы быстро иссякли. Горожане сошлись на мнении, что это не провокация конфессиональной междоусобицы, а просто вандализм.

Подведя предварительный итог, отметим, что культурное пространство - это отражение восприятия человеком физического пространства и тех символических значений, которыми его наделяет каждая культура. Сакральные пространства, относящиеся к сфере иррационального, связаны с архитектурными или природными объектами и конструируются определенной группой людей. Интерпретировать те или иные аспекты, связанные с восприятием сакрального пространства необходимо в рамках изучаемой культуры, региона. В Мурманской области в последние десятилетия наблюдается переформлирование пространства — появляются новые объекты как светского, так и религиозного назначения. Появление новой постройки — событие, которое способно проблематизировать религиозно-конфессиональные и социально-культурные взаимодействия в регионе. Восприятие сооружения зависит от социального и профессионального статуса горожан, их религиозной, этнической самоидентификации и прочих характеристик.

Интернет-источники

В Апатитах осквернили одну из буддистских ступ // Сайт Кольский Север. URL: <https://vk.com/kolasever>

Яроцкая Ж. Как это, с чайником? Скандал разгорелся вокруг проекта памятника академику Ферсману в Кировске // Дважды два. 29 ноября, 2013. URL: <http://www.hibiny.com/news/archive/52056>.

О проекте памятника А. Е. Ферсману // Сайт Российского минералогического общества. Новости, анонсы событий и мероприятий URL: <http://www.minsoc.ru/news.php?id=1&nid=2066>

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры. 1999. С.737–791.
- Большаков В. П., Володина Т. В., Выжлецова Н. Е. Своеобразие русской культуры в ее историческом развитии. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. 192 с.
- Воробьева Е. А. Культурный ландшафт как фактор бытийности пространства культуры: на примере этнической картины мира эвенков Восточного Забайкалья: дисс. ... канд. филос. наук. Чита, 2007. 152 с.
- Головнева Е., Шмидт И. Обращение к вере: утопия и сакральное место // Государство, религия, церковь. № 33. 2015. С. 290–321.
- Давыдова А. С., Разумова И. А. Новые культовые постройки в оценках и интерпретациях жителей Кировского и Апатитского районов // Труды Кольского научного центра РАН. Апатиты: КНЦ РАН, 2015. Вып. 8. С. 171–183. (Гуманитарные исследования).
- Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
- Романова Е. Н., Замятин Д. Н. Холодный мир: два полюса измерения // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 5–8.
- Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
- Куприянов П., Садовникова Л. Место памяти в памяти местных: Культурные смыслы городского пространства (по материалам интервью жителей Московского зарядья) // Антропологический Форум. № 11. 2009. С. 370–407.
- Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия АН. Серия Литература и язык. 1997. Т. 56. № 3. 22–32.
- Ляпкина Т. Ф. Концептуализация культурного пространства региона (на примере Восточной Сибири) // Фундаментальные проблемы культурологии. 2008. Т. 4: Культурная политика. С. 159–168.
- Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М.: Мир, 1966. 352 с.
- Пация Е. Я., Разумова И. А. Genius loci (А.Е. Ферсман) // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2006. С. 60–69.
- Подорога В. А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: С. Кьеркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Пруст, Ф. Кафка. М., 1995. 426 с.
- Тишков В. А. Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / под ред. В. К. Мальковой, акад. В. А. Тишкова. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. 312 с.
- Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. 532 с.
- Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. 544 с.
- Тончева С. Прикосновение к священному: семь Рильских озер и всемирное белое братство в Болгарии // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 10–19.
- Туманова Г. Жители выбрали символы Апатитов и Кировска // Хибинский вестник плюс. 19 июня. № 4 (78). 2014. С. 1.
- Урысон Е. В. Языковая картина и мира и лексические заимствования (лексемы округа и район) // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С.89–83.

Филиппов А. Ф. Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. № 3. 2009. С. 3–15.

Харитонова В. И. Работа с сакральными знаниями и практиками: методико-методологический аспект // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 7–20.

Шнирельман В. А. Места силы: конструирование. Введение к дискуссии // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 3–9.

Элиаде М. Сакральное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

Leroi-Gourhan A. Gesture and Speech. London. The MIT Press, 1993. 453 p. 1993. 453 p.

Сведения об авторе:

Давыдова Алёна Сергеевна,

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Davydova Alyona Sergeevna,

PhD (History), Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.32-41

УДК 351.855(470.21)

О. А. Бодрова

**«ПОМОРСКИЙ БРЕНД» В КУЛЬТУРНО-МАССОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ. К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ
И ПРАКТИКЕ РЕГИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА**

Аннотация

Исследование посвящено актуальной и популярной в общественных науках теме регионального брендинга и анализу потенциала культуры терских поморов в контексте развития этнографического (этнокультурного) туризма. Рассматриваются важнейшие региональные символы и бренды поморской культуры, которые функционируют в культурно-массовом дискурсе и практике организации мероприятий, ориентированных на повышение туристской привлекательности и узнаваемости Мурманской области. Анализируется один из региональных брендов Мурманской области – поморская козуля.

Ключевые слова:

региональный бренд, символ, туристско-рекреационный кластер, этнокультурный туризм, этническая культура, терские поморы, Праздник поморской козули.

O. A. Bodrova

**“POMOR BRAND” IN THE CULTURAL AND MASS ACTIVITIES OF THE
MURMANSK REGION. CONCERNING THE SOCIAL AND CULTURAL POTENTIAL
AND PRACTICE OF REGIONAL BRANDING**

Abstract

The article is concerned with regional branding and potential of the Pomor's culture. This topic today is relevant and popular in the social sciences in the context of development

of ethnographic (ethnocultural) tourism. The most important regional symbols and brands of the Pomeranian culture and their using in the cultural and mass activity are researched. Both regional symbols and brands promote attractiveness and awareness of the Murmansk region. Pomeranian Roe as one of the regional brands of the Murmansk region is analyzed.

Keywords:

regional brand, symbol, tourism and recreation cluster, ethnocultural tourism, ethnic culture, the Tersk Pomors, Holiday Pomeranian Roe.

Актуальность данной темы связана с активным развитием в современном мире такого явления, как брендинг, который можно рассматривать как процесс формирования и продвижения брендов — образов, устойчивых комплексов представлений о каком-либо объекте. Как правило, современные бренды изучаются экономикой. Однако региональные (территориальные) бренды предоставляют обширное поле для естественнонаучных и исторических, в том числе этнографических, исследований, так как опираются не только на экономический или политический, но и на историко-культурный потенциал и природно-рекреационные ресурсы территории, уникальные в каждом отдельном случае, поскольку «каждая территория уникальна по своим социальным, экономическим, природным, ресурсным свойствам. Территория — это живой организм» [Атаева, 2014: 107].

Под региональным брендингом понимают процесс формирования региональных (территориальных) брендов, который основан на комплексном подходе к поиску и развитию идентичности территории и имеет целью донесение ее сравнительных преимуществ до различных целевых групп путем создания яркого привлекательного образа, состоящего из внутренних и внешних атрибутов [Панкрухин, 2011; Холодилина, Сабирова, 2017]. Благодаря региональным брендам повышается узнаваемость региона в целом, целенаправленно формируются привлекательные представления о данной территории, исходя из ярких образов, символов, ассоциируемых с регионом. В силу этого брендинг является действенным инструментом управления социально-экономическим потенциалом региона, а главным заказчиком региональных брендов становятся, как правило, органы региональной власти. Говоря о Мурманской области, осознанную нацеленность со стороны ее правительства на формирование привлекательного образа региона, способствующего привлечению туристов и развитию туристско-рекреационного кластера, демонстрирует документ «Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2010 года и на период до 2015 года» [Стратегия...]. Наряду с природными и историческими «объектами показа», обладающими высокой степенью аттрактивности (например, петроглифами Канозера, сейдами, редкими ландшафтами, природными и историко-художественными памятниками и пр. [Там же: 23], к числу уникальных туристских ресурсов области отнесено и историко-этнографическое наследие, связанное с культурой поморов и саамов [Там же: 43]. В этом аспекте документ свидетельствует о том, что культура терских поморов имеет большое значение для региона не только в контексте развития этнографического туризма, но и в качестве объекта брендинга, средства повышения узнаваемости и привлекательности Мурманской области для представителей других регионов, а также как фактор региональной идентичности ее собственного населения. О первом свидетельствует то, что Терский район Мурманской области в документе отнесен к территориям, обладающим наиболее

высоким аттрактивным потенциалом для развития этнокультурного направления туризма в формирующемся туристско-рекреационном кластере области [Там же: 38], а во втором — признание одним из приоритетов государственной политики сохранение культурного наследия, традиционной народной культуры (в том числе культуры терских поморов), самобытных традиций региона, признанных «богатством и основой единства общества» [Там же: 58].

На фоне все возрастающей роли туризма в экономическом и социокультурном развитии региона прокламируется, что большое внимание уделяется поддержанию традиций народных промыслов и развитию оригинальных ремесел [Там же: 39], которые, безусловно, вызывают интерес у гостей области и местных жителей. В свою очередь, развитие регионального туристско-рекреационного комплекса предположительно будет способствовать созданию кластера северного дизайна и традиционных ремесел. Традиционными площадками выставки и продажи изделий народных ремесел являются сувенирные лавки и отделы в местах сосредоточения туристов. При этом все большую популярность в Мурманской области набирают культурно-массовые мероприятия, которые могут быть отнесены к так называемому событийному туризму, — это праздники, выставки, спортивные соревнования и т.п., имеющие определенный региональный колорит. Так, популярными «поморскими» мероприятиями событийного туризма в Мурманской области являются День Умбы, День Варзуги, Праздник поморской козули, Фестиваль фольклора, Поморская гребная регата. Непременным элементом подобных мероприятий являются экспонирование и реализация изделий с ярко выраженным этническим или географическим характером, узнаваемых как своего рода «бренды» или же как символы региона (рис. 1, 2).

Рис. 1, 2. Экспозиция изделий народных ремесел
(Праздник поморской козули – 2017)

Между региональными брендами и символами существуют определенные различия. Символы — это образы, отражающие в обобщенно-чувственной форме овеществленные стереотипные представления о некоторой территории. В презентациях поморской культуры преобладают природно-географические символы, связанные в первую очередь с водой: море, жемчуг, рыба, соль и другие, благодаря которым Терский берег Мурманской области хорошо узнаваем в публичном дискурсе. Примечательно, что названные символы одновременно являются экзо- и эндосимволами, то есть в зависимости от вектора символизации узнаваемы как членами своего сообщества, так и другими культурными группами, другими словами, идентифицируются как «поморские».

Одним из главных региональных символов южного побережья Кольского полуострова является море, на котором строится вся специфика хозяйственного комплекса поморов и которое отражается в их этнониме, образе жизни, материальной культуре, праздничных ритуалах, устной традиции [Бодрова, 2017: 20]. По естественным причинам использование предметов, символизирующих море, или самого моря в культурно-массовой деятельности вне поморских сел затруднительно, поэтому для презентации морского ландшафта часто используются фото- и видеопрезентации, а также воспроизводятся поморские пословицы, связанные с морем: «Наше поле — море», «И радость, и горе помору — все от моря», «Морем живем — ему и песни поем» [ПМА²] (рис. 3). При этом специфика селений терских поморов заключается в том, что они располагались не столько на берегу моря, как бы ни были распространены подобные представления у приезжих туристов, сколько в устьях рек, у заливов, и море в презентациях поморской культуры семантически часто замещается изображением любой «воды».

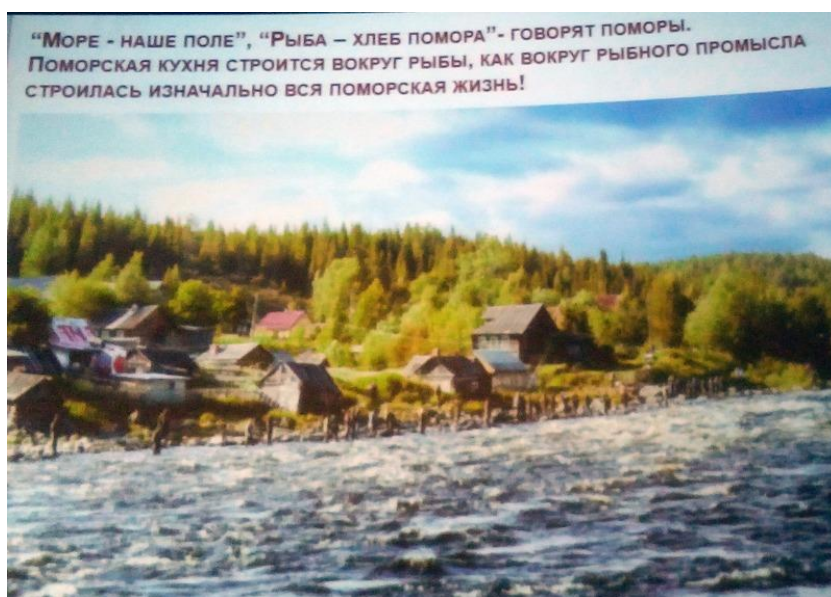

Рис. 3. Слайд презентации. День Терского берега – 2017

² ПМА — Полевые материалы автора.

Другие региональные поморские символы также так или иначе связаны с морем, например, рыба (в первую очередь семга), которая символизирует не только основной промысел и пищу, но и воспринимается как символ благополучия у поморов, к тому же может служить идентифицирующим и дифференцирующим признаком при противопоставлении двух локальных групп [Бернштам, 1995; Бодрова, 2017]. При проведении культурно-массовых мероприятий рыба наряду с жемчугом называется «сокровищем поморским», «сокровищем земли Тре» [ПМА. Праздник поморской козули – 2017]. Во время символического действия участники нанизывают жемчужины из пенопласта вокруг изображения семги, получая таким образом герб муниципального образования Терский район Мурманской области: «...Рыба терская висит. И будем мы жемчуга вокруг нанизывать. И что у нас получится? А получится герб земли нашей Терской!» [ПМА. Праздник поморской козули – 2017] (рис. 4). На вопрос о том, что символизирует собой жемчуг в гербе, одна из участниц мероприятия из Терского района ответила, что жемчужины — это поморские села с берега Белого моря [ПМА. День Терского берега – 2018]³. Это не единственный пример метафорического значения и символизации поморского жемчуга в культурно-массовом дискурсе. Конечно, жемчуг имеет и утилитарную функцию — служит средством украшения традиционного женского поморского костюма, однако в этом качестве стал выполнять и символизирующую функцию, закрепившись как региональный символ: «Эх, не зря девка свое платье жемчугами украшала — красавица просто! — Наряд поморский, настоящий!» [ПМА. Праздник поморской козули – 2017]. Жемчуг может использоваться как метафора для символизации не только региональных поморских, но и общечеловеческих ценностей: «А ты знаешь, что у нас самого дорогого в жизни? Жемчуга наши, сокровища наши, — дети наши!» [ПМА. Праздник поморской козули – 2017].

Если символ можно рассматривать как условный знак, имеющий подобно любому знаку два плана: план выражения и план содержания (например, рыба — символ поморской культуры, где план выражения — изображение рыбы, план содержания — рыба является основным промыслом, пищей и т.п. для поморов), то бренд — это явление с более сложной структурой. Бренд — это не просто яркий символ, идея, образ, как часто пишут в научной литературе. От символа бренд отличается наличием определенной «легенды». Авторы статьи о территориальном брендинге [Якубова, Крюкова, 2014] предлагают оригинальную схему формирования регионального бренда, где, как мы видим, предпоследний уровень занимает мифологема, другими словами «легенда» (рис. 5). На одном уровне с мифологемами располагаются образы (в нашем понимании речь идет также и о символах, при этом один и тот же объект в ряде случаев может одновременно являться как брендом, так и символом). В зависимости от характера мифологемы и объекта брендинга бренды могут подразделяться на коммерческие, политические, этнические, корпоративные (в моногородах) и т.д., соответственно региональные бренды — это бренды, по которым идентифицируют регион.

³ В действительности в основу символики герба Терского района положен факт использования поморского жемчуга при украшении царского платья во время венчания Ивана IV на царство [Герб муниципального образования..., ЭР].

Рис. 4. Рыба и жемчуг — региональные символы и элементы герба Терского района. «Сокровища земли Тре»

Рис. 5. Схема формирования регионального (территориального) бренда

Одним из самых ярких региональных поморских брендов Мурманской области, безусловно, является поморская козуля. Бренд поморской козули строится на стандартной для туристской практики мифологеме, неизменно привлекающей внимание гостей региона и потребителей региональной продукции, — приобретении или дарении амулета, талисмана, сувенира, приносящего благополучие. Эта мифологема активно презентуется во время проведения Праздника поморской козули, который проходит в августе в с. Кузрееке Терского района: «Доброй традицией и главным символом праздника является поморская козуля. Это символ, это оберег!» (Приветственное слово зам. председателя Комитета по культуре и искусству Мурманской области И. А. Лисовой [ПМА, Праздник поморской козули – 2017]).

Изначально козуля — это жертвенный ритуальный пряник, один из наиболее древних видов печеного фигурного теста, региональная разновидность русского пряника, распространенная у архангельских и терских поморов. Свое название козуля получила за извитую форму от поморского слова «козуля» — змейка, завиток [Мосеев, ЭР]. В форме быков, коров, оленей, тюленей они, предположительно, стали лепиться позднее. Изготовление козуль имело обрядовый характер. Возможно, в древности они были призваны приносить удачу в охоте и символически изображали животных — объект охоты. Также козули символизировали собой жертвоприношение, являлись бескровной формой жертвования животного. Наиболее распространенная форма поморской козули — в виде оленя — вероятно, связана с тем, что на Севере олень часто выступал как символ солнца, солнечного божества. Существует такой вид козули, как олень-солнце — с рогами, образующими форму круга (рис. 6). Позднее выпечка козулей была приурочена к сельскохозяйственному циклу — к осеннему сбору урожая, а затем эта традиция была перенесена на зимние праздники Рождества и Нового года. «Тетерок» — разновидность козуль — пекли весной, что является отголоском древнего обряда, приуроченного к весеннему равноденствию. Козулей могли печь и по другим праздничным поводам: к венчанию (венчальный олень), как пожелание здоровья, удачи в охоте или же благополучия в семейной жизни (рис. 7). Выпеченных козуль хранили в доме долгое время после праздников. Считалось, что они охраняют дом от злых духов, приносят богатство, здоровье, удачу. Терские козули изготавливались из пресного теста, в состав которого входили 3 ингредиента: ржаная мука, соль и вода. В отличие от архангельских козуль терские козули не раскрашивались, а сохраняли цвет хлеба, являющегося одним из самых сакральных символов в большинстве культур. Это породило говорящее название статьи в местной прессе «Поморский бренд цвета хлеба» [Коржов, ЭР].

Праздник поморской козули является одним из самых удачных региональных брендинговых проектов. В 2010 году он был организован маленькой группой энтузиастов, затем поддержан органами власти. С тех пор праздник проходит ежегодно, сейчас он входит в национальный календарь туристических событий России и собирает тысячи гостей из Мурманской области, а также из других российских регионов и зарубежья. Брендирование поморской козули, послужившей основой создания нового регионального праздника, репрезентируемого как «поморский этнический», имеет исключительно положительное влияние на развитие региона. Во-первых, оно чрезвычайно гармонично вписывается в этнокультурное направление туристско-

Мероприятие отличается ярко выраженным этническим характером и разносторонне презентует культуру терских поморов. Программа праздника наряду с официальным открытием и стандартными пунктами культурно-массовых мероприятий включает в себя элементы традиционного народного праздника: ярмарку (выставку) изделий народных ремесел и различных видов козули; фольклорно-игровые действия; выступления фольклорных коллективов; мастер-классы по рукоделию, по изготовлению предметов традиционной материальной поморской культуры, в том числе поморских игрушек, декоративных поделок; работу обжорных рядов, предлагающих блюда поморской кухни, и пр. (рис. 10, 11). Упор делается на этническую аутентичность праздника, который, несмотря на то что является, по сути, современным культурно-массовым мероприятием, воспринимается гостями как «истинно поморский», какой бы смысл в это ни вкладывался: «Да простят меня авторы идеи и организаторы праздника, но думаю, что главное в этом празднике вовсе не козуля (древнее поморское обрядовое печенье). Козуля – лишь удачно выбранный бренд, не более. Главное в этом празднике – аутентичность. По-русски говоря, — подлинность, искренность, открытость» (Праздник поморской козули, ЭР).

Рис. 10, 11. Выступление фольклорных коллективов в концертной части программы праздника и обед у «обжорных рядов». Праздник поморской козули – 2017, 2018

Итак, такой поморский бренд, как Праздник поморской козули, полностью отвечает задачам «Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2010 года и на период до 2015 года», демонстрируя на практике брендинговые ресурсы этнической культуры в условиях, когда акценты в развитии региона постепенно смещаются от промышленного освоения и горнодобывающей индустрии в сторону использования туристско-рекреационного потенциала. В этом процессе региональные символы и бренды способствуют, с одной стороны, повышению туристской привлекательности и узнаваемости Кольского полуострова, с другой стороны, тем самым задействуются в формировании региональной идентичности населения, что активно проявляется в дискурсе культурно-массовой деятельности: «Что нам их бренды заморские? У нас свой есть. Козуля! Наша, поморская!» [Поморский бренд, ЭР].

Полевые материалы автора: культурно-массовые мероприятия

XXV юбилейная традиционная выставка-ярмарка коллекционных минералов и изделий из камня «Каменный цветок-2018» (г. Апатиты, 7–11 февраля 2018 г.)

Выставка-ярмарка минералов и изделий из камня «Каменный цветок-2017» (г. Апатиты, 8–12 февраля 2017 г.)

День Терского берега (в рамках проведения XVIII торгово-промышленной выставки «Имандра – 2017») (г. Апатиты, 21 апреля 2017 г.)

День Терского берега (в рамках проведения XIX торгово-промышленной выставки «Имандра – 2018») (г. Апатиты, 20 апреля 2018 г.)

Праздник поморской козули – 2017 (с. Кузрека, 5 августа 2017 г.)

Праздник поморской козули – 2018 (с. Кузрека, 4 августа 2018 г.)

Список литературы

Атаева Т. А. Маркетинг территорий как инструмент социально-экономического развития региона // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 106–108.

Бернштам Т. А. Глава 1. Этнографическая характеристика локальной ситуации в XIX–XX вв. и ее историко-культурные истоки (население, хозяйственно-бытовой уклад, духовная жизнь) / Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 209–259.

Бодрова О. А. Этническая символика в контексте регионального брендинга (на примере Мурманской области) // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2017. № 14. С. 19–22.

Герб муниципального образования Терский район Мурманской области // Союз геральдистов России. URL: <http://www.heraldik.ru/gerbs/terskiyregion.htm>.

Евтюкова О., Костюкович Л. Поморские козули. Мурманск: Областной центр художественных ремесел, 1994. 55 с.

Коржов Д. Поморский бренд цвета хлеба // Мурманский вестник. 2010. 26 августа. URL: <http://www.investnik.ru/our-home/pid2010082631211/>.

Мосеев И. И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. URL: <http://www.fyodors.ru/pdf/dictionary.pdf>.

Панкрухин А. П. Бренды и брендинг // Практический маркетинг. 2011. № 4 (170). С. 4–15.

Праздник поморской козули. URL: http://www.alexandragoryashko.net/kandalaksha_around/kuzreka/prazdnik_kozuli.htm.

Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2010 года и на период до 2015 года, утверждена постановлением Правительства Мурманской области от 25.12.2013 № 768-ПП/20 в ред. от 10.07.2017 № 351-ПП. URL: https://minec.gov-murman.ru/activities/strat_plan/sub02/.

Холодилина Ю. Е., Сабирова Л. Ю. Этапы процесса формирования и продвижения бренда территории // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 5. С. 94–97.

Якубова Т. Н., Крюкова А. П. Территориальный брендинг как инструмент развития региона // Молодой ученый. 2014. № 21. С. 484–488.

Сведения об авторе

Бодрова Ольга Александровна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Bodrova Olga Aleksandrovna,

PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

О. А. Сулейманова

**«ПРАЗДНИК СЕВЕРА И ТРАДИЦИОННЫЙ ДЕНЬ ОЛЕНЕВОДА»:
К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНО-МАССОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАК ФОРМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ
АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Аннотация

Традиционный Праздник Севера (неофициальное название — «Полярная Олимпиада») — это ежегодное культурно-массовое мероприятие, связанное с проведением спортивных соревнований по зимним видам спорта. На основе эмпирического исследования, которое осуществлялось в 2017–2018 гг. в городе Мурманске и селе Ловозеро, проанализирована структура и сценарий данного мероприятия. В селе Ловозеро Мурманской области в рамках Праздника Севера отмечают и традиционный День оленевода. Особый интерес представляют включенные в программу празднования национальные соревнования коренных жителей (саамов) — гонки на оленьих упряжках, метание аркана на рога, стрельба из арбалета и др. Кроме того, в рамках культурной программы традиционно выступают фольклорные коллективы малочисленных народов Севера, а также организуются выставки-ярмарки изделий ручного труда. Исследование показало, что такого рода мероприятия актуализируют проблему сохранения историко-культурного наследия коренных малочисленных народов Севера и способствуют реализации туристического потенциала данного региона.

Ключевые слова:

день оленевода, коренное население, культурно-массовые мероприятия, Мурманская область, Праздник Севера, этнокультурные традиции.

O. A. Suleymanova

**"THE HOLIDAY OF THE NORTH AND THE TRADITIONAL DAY OF THE
REINDEER": TO THE PROBLEM OF STUDYING CULTURAL-MASS ACTIVITY AS
THE FORMS OF ACTUALIZATION OF ETHNOCULTURAL TRADITIONS OF THE
ABORIGENIC POPULATION OF THE MURMANSK REGION**

Abstract

The traditional Holiday of the North (unofficial name - "Polar Olympiad") is an annual cultural event associated with the organization of winter sports competitions. Based on the empirical study, which was carried out in 2017-2018 in the city of Murmansk and the village of Lovozero, analyzed the structure and scenario of this event. In the village of Lovozero, Murmansk region, the traditional Day of the reindeer herder is celebrated in the framework of the North Festival. Particularly interesting are the national competitions of indigenous people (Saami) - reindeer race, throwing a hilt to the horns, shooting from a crossbow, etc., included in the program of celebrations. In addition, traditional folk groups of indigenous peoples of the North traditionally take part in the cultural program, as well as exhibitions-work of handicrafts. The study showed that such events actualize the problem of preserving the historical and cultural heritage of indigenous small-numbered peoples of the North and contribute to the realization of the tourist potential of this region.

Keywords:

day reindeer herders, indigenous people, cultural events, the Murmansk region, the Festival of the North, ethno-cultural traditions.

*«Внучек сегодня услышал от деда,
Что у саамов был праздник медведя,
Старый и малый затеяли праздник,
Внучек медведя конфетою дразнит.*

*Дед отпускается на четвереньки,
С громким рычаньем пятится к стенке.
Внук оседлал спину деда-медведя
И на медведе по комнате едет.*

<...>

Весело внуку, и весело деду.

Бабушкин голос: «Идите обедать.

Я наварила сегодняпельменей,

Сразу отпразднуем праздник оленя».

Из стихотворения С.Е. Якимович

«Праздник медведя» [Якимович, 1999: 26].

Вступление

С конца 1980-х годов, на фоне активизации национального движения финно-угорских народов в стране, наблюдается волна интереса к саамской национальной культуре. В Мурманской области при поддержке местных органов власти и общественных организаций начинают проводиться различные мероприятия — выставки-ярмарки, вечера-встречи, этнические праздники и т.п., основная цель которых привлечь внимание к проблеме сохранения историко-культурного наследия коренных жителей (саамов).

В 2017 году мы начали проводить исследование, посвященное изучению культурно-массовых мероприятий как одной из эффективных и доступных форм приобщения к культуре коренного населения [Сулейманова, Бодрова, 2017]. Исследование показало, что саами являются неотъемлемым атрибутом практически на всех мероприятиях, посвященных этнокультурным традициям Кольского Севера, и формирует основу культурной политики региона, становясь своеобразным «символическим брендом» данной территории [Сулейманова, Бодрова, 2017: 84–85].

Продолжая разработку данной проблематики, в 2017 и 2018 гг. мы посетили традиционный Праздник Севера, организованный на территории села Ловозеро и в городе Мурманске. При сборе полевого материала использовался метод включенного наблюдения и осуществлялась фото-, аудио- и видеофиксация. В ходе сбора и анализа полученных данных сделан акцент на этнокультурных составляющих (этнических традициях и символах) праздничной программы. В частности, интерес к данному мероприятию был обусловлен включением в программу празднования национальных соревнований коренного населения региона (саамов), фольклорных коллективов, торговых выставок-ярмарок изделий народного творчества. Прежде чем переходить к полученным в ходе исследования результатам, обратимся к истории традиционного Праздника Севера, ежегодно организуемого в Мурманской области.

История Праздника Севера

«Гонки оленьих упряжек – самобытный, присущий только Северу, национальный вид спорта. Он не может не волновать, не может оставлять равнодушным»

Дубницкий М., Храповицкий А. [Дубницкий, Храповицкий, 1974: 31]

Традиционный Праздник Севера (неофициальное название — «Полярная Олимпиада») — это ежегодно организуемое в Мурманской области культурно-массовое мероприятие, связанное с проведением спортивных соревнований по зимним видам спорта.

В 1974 году Мурманским книжным издательством опубликована работа М. Дубницкого и А. Храповицкого «Праздник Севера», посвященная сорокалетию данного культурно-массового мероприятия [Дубницкий, Храповицкий, 1974]. Авторы раскрывают историю праздника, делая акцент на наиболее ярких эпизодах и указывая на основные сложности, связанные с его организацией: «Чтобы подготовить Праздник Севера, нужны недели и месяцы. <...> В начале года начинается широкая и разнообразная работа главного штаба Олимпиады — Организационного комитета по подготовке и проведению традиционного Праздника Севера. <...> Кто-то должен подробнейшим образом разработать сценарий торжественного парада, отрепетировать его. Необходимо выбрать место для стартового городка и оборудовать его всем необходимым, позаботиться об информации и нагрудных номерах, о месте для ночлега оленей и любимом ими ягеле» [Дубницкий, Храповицкий, 1974: 6, 8].

Первое официальное открытие Праздника Севера в Мурманской области датируется 30 марта 1934 года, тогда соревнования проходили только среди лыжников. В 1936 году состоялся уникальный по своему характеру пробег оленьих упряжек по маршруту Мурманск – Ленинград – Москва. Однако интерес к национальным соревнованиям саамов был проявлен намного раньше. Так, в марте 1929 года в городе Мурманске были проведены первые олени бега. «Организаторы не без оснований опасались, как бы олени, привыкшие к безмолвию тундры, не стали нервничать, шарахаться от людей и собак, не испугались шума толпы. На дистанции за оленями внимательно наблюдали, а до и после забега их подвергли ветеринарному осмотру» [Дубницкий, Храповицкий, 1974: 34].

Весной 1937 года соревнования оленьих упряжек были официально включены в праздничную программу. С тех пор гонки оленьих упряжек стали настоящим украшением Полярной Олимпиады. «В соревнованиях участвовало до сотни оленей. <...> Экипировка гонщика довольно проста: малица, пимы. <...> В руках хорей – длинный шест, заканчивающейся пуговицей. Им оленевод в момент бега подталкивает вожака, заставляет его идти точно по трассе, поддерживать высокую скорость» [Дубницкий, Храповицкий, 1974: 37].

Малица и пимы — это традиционные элементы саамского костюма. «Малица — это верхняя зимняя одежда глухого покроя, сшитая шерстью внутрь, расширяющаяся к подолу, длиной почти до щиколотки. По вороту пришивается двойной пыжиковый капюшон. Рукава заканчиваются пришитыми к ним меховыми рукавицами. Малицу подпоясывают кожаным поясом, оставляя на талии напуск — пазуху, служащую для хранения разных мелких предметов. Повседневная малица украшений не имеет. Праздничная малица украшается меховой опушкой по подолу, над которой пришивают одну или 2 узких в 2 или 3 см шириной полоски красного и синего сукна» [Саамский костюм, 2009: 21].

В то время как пимы — это «нарядная обувь с длинными голенищами, заимствованная саамами у коми в конце XIX – начале XX века, сшитая из темных (для мужчин) или чередующихся темных и белых койб (для женщин), с подошвами из оленьих щеток (грубый волос с нижней части ног оленя)» [Саамский костюм, 2009: 27].

Проведение Праздника Севера не прекращалось даже в военное время (рис. 1). Как отмечают, М. Дубницкий и А. Храповицкий, в этот период гонщики-оленоводы были в центре внимания. «Традиционные малицы они сменили на армейские шинели и флотские бушлаты, на ушанках горели красные звездочки. Сверху надевали маскировочные халаты с капюшонами» [Дубницкий, Храповицкий, 1974: 62].

Рис. 1. 11-й традиционный Праздник Севера в городе Мурманске (1945 год)
[URL.: <http://lovozerie.ru/gallery1/category/103-lovozero.html>]

В военные годы программа соревнований претерпела изменения. Так, в ней появились состязания по перевозке грузов оленьими упряжками, которые были просто незаменимы на передовой. А в 1945 году впервые были проведены соревнования по буксировке лыжника оленями, которые завоевали большую популярность. Кроме того, в Полярных Олимпиадах военных лет участвовало много саамских женщин, поскольку мужчины уходили на фронт [Дубницкий, Храповицкий, 1974: 62-63].

С 1970 года Праздник Севера присоединён к календарю международных спортивных мероприятий. На Полярную Олимпиаду стали приезжать участники из многих стран мира (Финляндии, Норвегии, Швеции, Болгарии, Чехии, Чехословакии, Италии и др.). А с 1984 года Праздник Севера перенял у Олимпийских игр традицию олимпийского огня, который с тех пор ежегодно зажигается на Центральном стадионе города Мурманска.

Праздник Севера и традиционный День оленевода в XXI веке

В 2017 году на основе программно-методических разработок составлена схема анализа современного культурно-массового мероприятия на примере национального праздника, представленная ниже:

1. Дата проведения мероприятия.
2. Место проведения мероприятия.
3. «Идея» мероприятия (название, цель и задачи, место и время проведения, реклама, форма проведения).
4. Субъекты мероприятия (организаторы, ведущие, участники и их количество (активные участники, зрители, журналисты, представители регионального правительства).
5. Объекты мероприятия: материальные предметы, обладающие важными символическими смыслами (национальные костюмы, национальная пища, национальные музыкальные инструменты); оборудование для проведения мероприятия; призы) [Сулейманова, Бодрова, 2017: 88].

Данная схема была применена для анализа традиционного Праздника Севера, организованного на территории села Ловозеро (2017 год) и в городе Мурманске (2018 год).

«Праздник Севера» в г. Мурманске

«Полярная Олимпиада» в г. Мурманске в 2018 году проводилась в период с 24 марта по 1 апреля. На различных новостных сайтах была опубликована программа данного мероприятия (см. табл. 1) [Праздник Севера – 2018, ЭР].

Таблица 1

Программа мероприятия «Праздник Севера – 2018»

<p>24 марта 17.00. Церемония открытия (Мурманск, Пять Углов). 12.00. Парусный спорт (Мончегорск, водная станция ДЮСШ; Териберка). 10.00. Национальные виды спорта (Ловозеро). 11.00. Биатлон (Мурманск, Долина Уюта).</p> <p>25 марта 14.00. Парусный спорт (Мончегорск, водная станция ДЮСШ; Териберка). 10.00. Национальные виды спорта (Ловозеро). 13.00. Биатлон (Мурманск, Долина Уюта). 12.00. Ездовой спорт (Кировск, «Горняк»).</p> <p>26 марта 12.00. Парусный спорт (Мончегорск, водная станция ДЮСШ; Териберка). 13.00. Биатлон (Мурманск, Долина Уюта). 11.00. Ездовой спорт (Кировск, «Горняк»).</p> <p>27 марта 11.00. Лыжные гонки (Мурманск, Долина Уюта). 9.00. Альпинизм (2 этап Кубка России, Кировск, Хибинские горы)</p> <p>28 марта 10.00. Лыжные гонки (Мурманск, Долина Уюта).</p>

11.00. Альпинизм (2 этап Кубка России, Кировск, Хибинские горы).

12.00. Горнолыжный спорт (Полярные Зори, «Салма»).

29 марта

12.00. Лыжные гонки (Мурманск, Долина Уюта).

13.00. Альпинизм (2 этап Кубка России, Кировск, Хибинские горы).

9.00. Горнолыжный спорт (Полярные Зори, «Салма»).

30 марта

12.00. Горнолыжный спорт (Полярные Зори, «Салма»).

9.00. Альпинизм (2 этап Кубка России, Кировск, Хибинские горы).

31 марта

11.00. 45-й Мурманский лыжный марафон по программе Euroloppet и Кубка лыжных марафонов России «Russialoppet» (Мурманск, Долина Уюта).

12.00. Горнолыжный спорт (Полярные Зори, «Салма»).

14.00. Мини-футбол на снегу (Мончегорск, футбольное поле).

1 апреля

11.00. 45-й Мурманский лыжный марафон по программе Euroloppet и Кубка лыжных марафонов России «Russialoppet» (Мурманск, Долина Уюта).

14.00. Мини-футбол на снегу (Мончегорск, футбольное поле).

16.00. Церемония закрытия (Мурманск, Долина Уюта).

Праздничное мероприятие началось с работы торговых рядов, на которых можно было приобрести народные изделия ручного труда (в т.ч. саамские и поморские). Церемония торжественного открытия праздника состоялась на площади Пять Углов. Открытие праздничной программы началось с театральной сценки, посвященной главному символу Праздника Севера – оленю. На сцену вышел актер в костюме оленя под озвучиваемый текст (рис. 2): *«Устал мой северный народ от ночи темной. Пусть будет свет! Пусть будет свет! <...> Пусть снег былых легенд растаял, но время может с нами говорить. Нас Север учит лучшему из правил — быть сильным и здоровым, поэтому со спортом будем мы дружить!»*.

Рис. 2. Олень — символ Праздника Севера (г. Мурманск, 2018 г.)
[URL.: <https://www.hibiny.com/photos/archive/161566/#18>].

С приветственной речью на церемонии открытия выступила губернатор Мурманской области Марина Ковтун: — *«Праздник Севера не напрасно называют Полярной Олимпиадой, потому что мы встречаем представителей 11 стран. <...> Это праздник спорта, дружбы, мира и честной борьбы. Его программу открыла «Лыжня дружбы», которую покорили 3600 участников. А кульминацией станет 45-й лыжный марафон. Уверена, что 84-й Праздник Севера и 58-й Праздник Севера учащихся побьют рекорд и по массовости, и по победам»* [Аристов, ЭР]. Действительно, в 2018 году в различных спортивных состязаниях приняли участие представители из 11 стран и более чем 70 регионов России.

Следующим взял приветственное слово председатель областной думы Сергей Дубовой: — *«Полярная Олимпиада давно является визитной карточкой Кольского края. <...> Спорт – это жизнь, сила и победа. Желаю, чтобы у спортсменов и болельщиков осталось много ярких впечатлений и тепло на душе от заполярного гостеприимства»* [Аристов, ЭР].

Также выступили глава Мурманска Дмитрий Филиппов и участница Параолимпиады в Южной Корее, победительница первенства России по лыжным гонкам и биатлону Екатерина Мошковская.

Право зажжение огня Полярной Олимпиады было предоставлено Сергею Ридзику, бронзовому призеру зимних олимпийских игр в Пхёнчхане [Состоялось открытие, ЭР].

Завершилась церемония красочным файер-шоу в исполнении коллектива «Ifrit». Прозвучал и гимн Праздника Севера, который исполнили Анастасия Басова и Андрей Щербаков. Вокальным и танцевальным творчеством порадовали зрителей коллективы из Североморска «Тоника» и «Каблучок», «Созвездие» из Мурманской области, мурманские «Вернисаж», «Клюп-студия» и «Форсаж» [Аристов, ЭР].

С 24 марта по 1 апреля 2018 г. в рамках Праздника Севера проходили спортивные соревнования по различным зимним видам спорта (см. табл. 1).

Интересен факт, что в 2018 году впервые закрытие 84-го Праздника Севера в г. Мурманске прошло без традиционных гонок на оленьих упряжках, которые обычно проводились в Долине Уюта в последний день мероприятия. Гонки были перенесены в село Ловозеро [Праздник Севера впервые, ЭР].

«Праздник Севера и традиционный День оленевода» в с. Ловозеро

День оленевода — традиционный ежегодный национальный праздник, который в разное время отмечают коренные малочисленные народы Севера (ненцы, саамы и др.). «Самое дорогое, что есть у аборигенов — это олень, и именно его они приносят в жертву, прося здоровья и счастья себе и близким, удачи в новых начинаниях и благодарят за все то, что есть у них хорошего в жизни. Кульминацией праздника считаются соревнования по национальным видам спорта – гонки на оленьих упряжках, метание тынзяна (аркана) на хорей, метание топора на дальность, прыжки через нарты, перетягивание палки. <...> На День оленевода готовятся национальные угощения (оленье мясо, строганина). Устраиваются ярмарки, на которых продаются изделия национальных промыслов (поделки из кости, изделия из меха, бисера и т.д.)» [Туристско-Информационный центр, ЭР].

В Мурманской области День оленевода является одним из главных национальных праздников саамов и по традиции становится частью Праздника

Севера в селе Ловозеро. 25-26 марта 2017 годы мы посетили данное мероприятие с целью анализа его структуры и функций.

Организаторами праздника выступили администрация Ловозерского района и Ловозерский районный национальный культурный центр. На различных новостных сайтах была опубликована программа данного мероприятия (табл. 2) [Праздник Севера и традиционный, ЭР; Сегодня в Ловозере, ЭР; 83-й открытый районный Праздник Севера, ЭР].

Таблица 2

Программа праздника в с. Ловозеро

25 марта (суббота) с. <u>Ловозеро</u> (стадион) 10.00 - турнир по зимнему футболу; 11.00 - товарищеская встреча по хоккею; 12.00 - торжественное открытие Праздника Севера, начало концертной программы, открытие выставки-ярмарки декоративно-прикладного творчества «Город мастеров»; 12.30 - гонки оленьих упряжек на дистанции 3200м (мужчины, женщины), на дистанции 1600 м (юноши - упряжка); - лыжные гонки: 3, 5 км (мужчины), 1,2, 3 км (женщины); - соревнования по национальным видам спорта. 15.00 - церемония награждения победителей и призеров в соревнованиях по национальным видам спорта (за исключением гонок оленьих упряжек), лыжным гонкам; - церемония награждения победителей и призеров в турнире по зимнему футболу и товарищеской встрече по хоккею. 26 марта (воскресенье) с. <u>Ловозеро</u> (стадион) 10.00 - гонки оленьих упряжек на дистанции 1600м (мужчины, юноши (керёжа), женщины), буксировка на лыжах за оленем на дистанции 1600м (мужчины); 11.00 - показательные выступления клуба по мотокроссу «СКИФ»; 15.30 - церемония награждение победителей соревнований в гонках на оленьих упряжках. Закрытие Праздника Севера

В рамках культурной программы были запланированы выступления коллективов коренных малочисленных народов севера, национальные виды спорта, выставка изделий народного творчества мастеров Кольского края (рис. 3, 4).

Началом культурной программы районного Праздника Севера и Дня оленевода стало открытие игрового городка для детей и ярмарка «Город мастеров», на которой можно было приобрести народные изделия ручной работы: украшения из оленьего рога, брелоки с северными камнями, куклы-обереги, шаманский бубен из натуральной оленьей кожи и многое другое.

По традиции на стадионе с. Ловозеро были установлены национальные жилища саамов — куваксы, внутри которых можно было угоститься горячим чаем и национальной ухой.

Продолжением программы праздника стало проведение национальных соревнований, среди которых: мини-футбол на снегу, стрельба из арбалета, метание аркана, национальная борьба, гонки на оленьих упряжках, буксировка на лыжах за оленем.

Рис. 3. Торговые ряды на Празднике Севера (с. Ловозеро, 2017 год). Фото Сулеймановой О. А.

Рис. 4. Олени на стадионе (с. Ловозеро, 2017 год). Фото Сулеймановой О. А.

Следует отметить, что данное культурно-массовое мероприятие каждый год притягивает туристов на Кольский полуостров. Так, среди участников и зрителей было много представителей из других регионов России и зарубежных стран, в том числе скандинавских, которые приехали в Мурманскую область, чтобы познакомиться с культурой и традициями российских саамов.

В региональных СМИ отмечалось, что особенностью праздника 2018 года в селе Ловозеро было то обстоятельство, что в части соревнований по национальным видам спорта и гонок на оленьих упряжках, он получил статус областных международных соревнований. Это было связано с отмеченным выше обстоятельством, что гонки на оленьих упряжках в Мурманске не проводились. Представитель комитета по физической культуре и спорту Мурманской области Роза Егоровна прокомментировала такое решение: «Мы осознанно хотим повысить статус национального Праздника Севера в Ловозере. <...> Зачем мы будем перевозить животных из Ловозера в Мурманск, ведь это стресс для оленей и особые сложности для оленеводов по содержанию оленей в условиях города? Здесь на месте им лучше. Пусть лучше зрители приедут в Ловозеро и посмотрят эти захватывающие гонки и полюбуются красавцами оленями» [Ловозерская правда, 2018: 1].

По традиции праздничная программа не обошлась без выступления народных фольклорных коллективов Мурманской области и Скандинавских

стран. «Аутентичную атмосферу создали национальные танцы оленного народа и песни на саамском языке» [Гонки на упряжках, ЭР].

Основная цель любого национального праздника — продемонстрировать культуру и традиции той или иной этнической общности. Репрезентация этничности у саамов в данном случае направлена на подчеркивание своей принадлежности к более крупному саамскому сообществу, частью которого они являются [Казакова, 2014: 52]. Эта цель достигалась главным образом через задействование в праздничном действе различных материальных объектов (маркеров этнической идентичности) — национальной одежды, национальных музыкальных инструментов, орудий труда и т.п.

Заключение

Исследование показало, что такого рода мероприятия выполняют одновременно несколько функций: развлекательную, коммуникативную, интегративную, познавательную, брендовую. Как видно из приведенного анализа, программа праздника была достаточно разнообразной и включала в себя такие важные для сохранения культурного наследия саамов элементы как фольклор и материальная культура. На данное мероприятие представители саамского сообщества приходили в национальных костюмах, либо надевали отдельные элементы саамского костюма, например, головные уборы или обувь. Кроме того, национальный костюм и его элементы используются национальными фольклорными коллективами и гонщиками оленей. Все это, безусловно, способствует знакомству и приобщению к культуре коренного населения, и в том числе актуализации этнического самосознания у самих представителей саамской культуры. Кроме того, поддержка и развитие мероприятий, с акцентом на традиции и культурные особенности региона, способствуют повышению туристической привлекательности Кольского полуострова, что имеет немаловажное значение в перспективе развития арктических территорий. Необходимо проводить и дальнейшие полевые исследования в этой области, с целью воссоздания наиболее общей картины фестивальной и праздничной культуры Мурманской области.

Список источников

Аристов И. Полярная олимпиада стартовала в Мурманске // Мурманский вестник. 25 марта 2018 года. URL.: <http://www.mvestnik.ru/news/ent/polyarnaya-olimpiada-startovala-v-murmanske/>.

83-й открытый районный Праздник Севера и традиционный День Оленевода состоится 25–26 марта 2017 года на территории с.Ловозеро. URL.: <http://lovozerie.ru/4-site/183-informatsiya-o-80-m-yubilejnom-otkrytom-rajonnom-traditsionnom-prazdnike-severa-i-dne-olenevoda.html>.

Гонки на упряжках и колоритные состязания Праздника Севера. Как в Ловозере отметили День оленевода? // Мурман: государственная телерадиокомпания. URL.: <http://murmansk.tv/news/60740-gonki-na-upryazhkah-i-koloritnye-sostyazaniya-prazdnika-severa-kak-v-lovozere-otmetili-den-olenevoda.html/>.

Праздник Севера впервые прошел без гонок на оленьих упряжках // Национальный акцент. URL.:<http://nazaccent.ru/content/26937-prazdnik-severa-v-murmanske-vpervye-proshel.html>.

Праздник Севера – 2018 в Мурманской области: программа соревнований/
Комсомольская правда. URL.: <https://www.murmansk.kp.ru/daily/26810.7/3845575/>

Праздник Севера и День оленевода состоялся в Ловозере // Официальный сайт murman.ru. URL.: <https://www.murman.ru/news/2017/03/24/1351>.

Праздник Севера и традиционный день Оленевода // Национальный календарь событий. URL.: <http://eventsinrussia.com/event/13030>.

Сегодня в Ловозере День оленевода. // Большое радио. URL.: <http://www.big-radio.ru/news/2017/03/25/21788>.

Состоялось открытие Праздника Севера // Глава муниципального образования г. Мурманск. URL.: <http://xn----7sbbag5cdkal4ajghr5l.xn--p1ai/about/info/news/3748>.

Ткачев В. Гонки на оленьих упряжках получили статус областных // Ловозерская правда, 2018. 16 марта. № 10 (8917). С.1.

Туристско-Информационный центр Ямало-Ненецкого автономного округа. URL.: welcome2yamal.ru

Список литературы

Дубницкий М., Храповицкий А. Праздник Севера. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1974. 160 с.

Казакова К. С. Специфика процессов языковой и культурной коммуникации в современном саамском сообществе // Вестник Череповецкого государственного университета. № 4 (57). 2014. С. 50–53.

Саамский костюм // Мурман. обл. центр художеств. Ремесел / Сост.: Кулинченко Г. А., Мозолевская А. Е. Мурманск: Мурманский областной центр художественных ремесел, 2009. 49 с.

Сулейманова О. А., Бодрова О. А. «Саами приглашают»: культурно-массовые мероприятия как форма сохранения культурного наследия коренного населения Кольского Севера // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: изд-во КНЦ РАН, 2017. Вып. 11. С. 83–96.

Якимович С. Е. Праздник медведя // Стихи / Перевод с саам. Сост. В. В. Синицына; Худож-оформ. В. Ф. Абрамов; Лит. Об-ние при Мурман.орг. Союза писателей России. Мурманск, 1999. 30 с.

Сведения об авторе

Сулейманова Олеся Анатольевна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН.

Suleymanova Olesya Anatolievna,
PhD (History), Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, FRC KSC RAS.

А. Д Токарев, В. П. Петров

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 1931 ГОДУ (ПРОТОКОЛ
СОВЕЩАНИЯ НАЧАЛЬНИКОВ ПОЛЕВЫХ ОТРЯДОВ 26 АВГУСТА 1931 г.).**

Аннотация

В статье рассмотрены материалы полного протокола заседания в Хибинской горной станции начальников полевых отрядов, проводивших исследования в 1931 году. На заседании под председательством академика А.Е. Ферсмана, были подведены итоги результатов экспедиционных работ в районе Хибинских тундр и прилегающих к ним территорий. Это заседание фактически явилось продолжением февральской конференции 1931 года, проходившей в Ленинграде, основной целью которой являлась консолидация всех научно-исследовательских работ на Кольском полуострове. На заседании были подведены первые итоги полевых исследований, обозначены задачи новых исследований. Н.А. Аврорин впервые была выдвинута идея о создании в районе Хибинских тундр Ботанического сада.

Ключевые слова:

Кольский полуостров, 1931 год, Хибинская горная станция, совещание начальников полевых отрядов, Ботанический сад в Хибинах.

A. D. Tokarev, V. P. Petrov

**NEW MATERIALS ON HISTORY OF SCIENTIFIC RESEARCH
ON THE KOLA PENINSULA IN 1931 (THE REPORT OF THE MEETING
OF THE CHIEFS OF THE FIELD GROUPS, AUGUST 26, 1931).**

Abstract

The paper presents the materials of the full report of the meeting of the chiefs of the field groups at the Khibiny mountain station, who carried out researches in this region in 1931. The meeting, under the chairmanship of academician A.Ye. Fersman, has summed up the results of expedition works carried out in the Khibiny tundras and the adjacent areas. The meeting was in fact a continuation of the conference held in Leningrad in February, 1931, aimed at consolidation of all the researches carried out on the Kola peninsula. The meeting has summed up the first results of the field researches and determined the objectives of new researches. An idea was first suggested by N.A. Avrorin to establish the Botanical Garden in the Khibiny tundras area.

Keywords:

The Kola peninsula, 1931, the Khibiny mountain station, the meeting of the chiefs of the field groups, the Botanic Garden in the Khibiny tundras.

Проведение на Кольском полуострове исследований по изучению природных богатств края способствовало созданию в районе Хибинских тундр первого научного учреждения АН СССР Хибинской горной станции. Основной целью работ на первом этапе ее существования являлось обслуживание экспедиционных партий АН СССР, работавших в районе Хибинских тундр. Другой не менее важной задачей являлась консолидация работ научно-производственных организаций, проводивших исследования на Кольском полуострове.

Академик А.Е. Ферсман уделял большое внимание объединению усилий по проведению комплексных исследований на Кольском полуострове. Начало было положено 2–3 сентября 1929 года, когда при его участии проходило выездное совещание в рабочем поселке Кукисвумчорр апатито-нефелиновой комиссии, осуществляющей руководство поисковыми, разведочными и строительными работами в районе открытого месторождения апатито-нефелиновых руд в Хибинских тундрах.

В совещании приняли участие представители партийных, советских и хозяйственных организаций и научно-исследовательских учреждений. Совещание вынесло историческое решение ходатайствовать перед правительством о строительстве крупномасштабного промышленного комплекса в Хибинах, состоящего из рудника, обогатительной фабрики, железнодорожной ветки до Мурманской железнодорожной магистрали (станции Апатиты) и жилого массива для будущих работников комплекса, а также реализации проблемы использования местной гидроэнергии [Петров, Макарова, Саморукова, Токарев, Усов, 2011: 22]. Приняли участие в работе и начальники полевых отрядов, проводившие исследования в 1929 году в Хибинских тундрах. Был организован выезд на вновь открытое месторождение в районе горы Кукисвумчорр, где на месте шло обсуждения о перспективе проведения поисковых и научно-исследовательских работ в районе Хибинских тундр. Фото участников выездного совещания во главе с акад. А. Е. Ферсманом на месторождении Кукисвумчорр 3 сентября 1929 г. представлено на рис. 1.

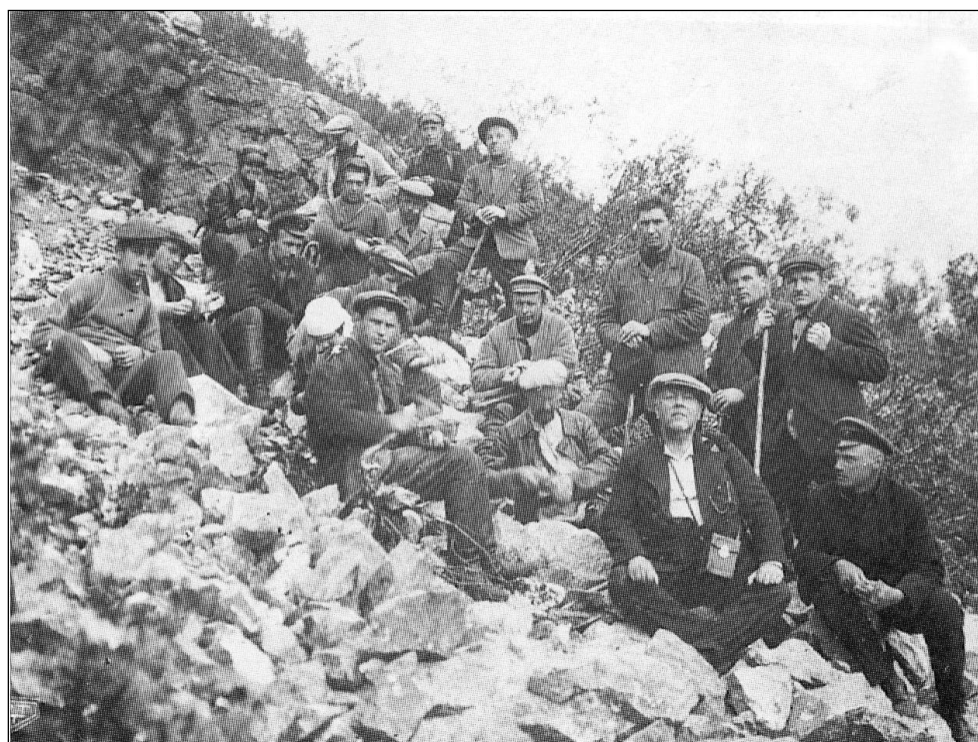

Рис. 1. Экскурсия на рудник апатитовый после совещания в пос. Кукисвумчорр 3 сентября 1929 г. [Неизвестный Ферсман, 2003: 47]

Этим совещанием была заложена традиция по проведению совещаний, подводящих итоги экспедиционных исследований на Кольском полуострове, как правило, в начале и конце полевых работ, где определялись первостепенные задачи по проведению поисковых и научно-исследовательских работ в текущем году и определялись задачи на новый год.

Следующим шагом по объединению усилий научно-исследовательских работ явилось проведение 19 июля 1930 года первого научного заседания, приуроченное к открытию Хибинской горной станции АН СССР. На этом заседании присутствовали от Академии наук — А. А. Григорьев, Г. Д. Рихтер, Б. М. Куплетский, Н. Н. Гуткова, С. С. Ганешин, Э. М. Бонштедт, А. Н. Лабунцов, В. Ю. Фридолин, Е. В. Цинзерлинг, Е. Е. Костылева, от Геолкома — В. П. Яхонтов, от Института по изучению Севера — В. И. Влодавец, от НИУ — М. П. Фивег [Петров, Макарова, Саморукова, Токарев, Усов, 2011: 25].

Председательствовал на собрании академик А.Е. Ферсман. На следующий день состоялось торжественное открытие Хибинской горной станции, положившей начало проведения стационарных исследований в Хибинах и на Кольском полуострове. Всего в 1930 году на Кольском полуострове работало 30 полевых отрядов. От Академии наук — 17 научно-исследовательских отрядов и партий: по изучению геологии Хибинского массива — 5, поисковых — 2, разведочных — 1, географических — 4, биологических — 1, антрополого-этнографических — 1; по заданию треста «Гидроэлектропроект» специальный географо-разведочный отряд Г. Д. Рихтера изучает геологию, геоморфологию района реки Нивы — будущего строительства Нивской ГЭС. Кроме того, работают отряды, организованные ЦНИГРИ, НИУ, Мурманской ж.д., Инсторфом, Энергостроем, трестом Апатит, Геодезическим управлением.

А. Е. Ферсман так описывает работы 1930 года: «Два раза за истекшее лето состоялись совещания начальников всех партий и работников Треста и Горной станции Академии Наук на Малом Вудъявре. Первый раз просматривались текущие работы, и прорабатывался план дальнейших исследований; во второй раз — в момент окончания работ основных партий — были заслушаны доклады о произведенных исследованиях, намечены основные результаты, и положено начало выработки плана работ 1931 года» [Ферсман, 1932: 339]. Схема работ исследовательских работ в 1930 г. представлена на рис.2. Список отрядов работавших в 1930 году представлен там же на с. 348–349.

Проблема объединения усилий при проведении научно-исследовательских работ на Кольском полуострове становится актуальной не только для Академии наук СССР, но и для хозяйственных и плановых органов Мурманского округа, входившего в состав Ленинградской области. С 17 по 19 февраля 1931 года в Ленинграде под председательством акад. И. М. Губкина, затем акад. А. Е. Ферсмана проходила Конференция по обсуждению и согласованию научно-исследовательских, экспедиционных работ в Мурманском крае. В составе президиума: академики А. Е. Ферсман и И. М. Губкин, В.А. Зеленко (АН СССР); О. А. Воробьева (от ХГС); П. А. Борисов (Главное геолого-разведочное управление); А. Н. Лабунцов (трест «Апатит»); Алымов (Окрисполком г. Мурманск); Штейн (Облплангоскомиссия); Салазкин (Мурманская железная дорога); Свицин (Комитет по химизации); Левин (СНК Карельской республики). В конференции участвовали: И. Г. Эйхфельд (Ин-т растениеводства и Хибинская опытная станция ПОВИР); К. М. Дерюгин (Гидрологический ин-т),

В. Ю. Фридолин, Ю. Д. Цинзерлинг, Г. Д. Рихтер и др. Выступили с пленарными докладами:

- Нач. планового отдела Мурманского окрисполкома В. К. Алымов — «О результатах научно-исследовательских работ на Кольском полуострове в предыдущие годы и осуществление мероприятий по консолидации научных исследований при проведении экспедиционных работ на Кольском полуострове»,
- Акад. А. Е. Ферсман — «Перспективы научного изучения и хозяйственного использования производительных сил Кольского полуострова»,
- А.Н. Лабунцов — «Проект пятилетнего плана работ Академии наук СССР по изучению производительных сил Кольского полуострова».

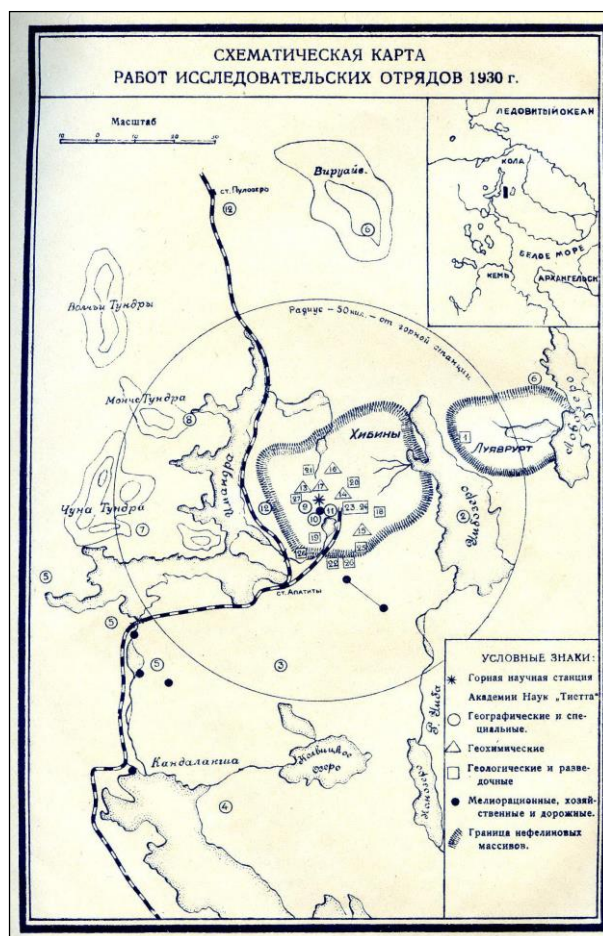

Рис. 2. Схематическая карта работ исследовательских отрядов в 1930 году
[Там же, вкладка к с. 342]

Подробно о проведении данной Конференции описано в статье Макаровой Е. И., Петрова В. П., Токарева А. Д. «Материалы Конференции по обсуждению и согласованию научно-исследовательских работ в Мурманском крае, 17–19 февраля 1931 г. в Ленинграде — как источник по истории освоения Кольского полуострова» [Макарова, Петров, Токарев, 2018: 69–75].

26 августа 1931 года становится новой вехой в истории научных исследований на Кольском полуострове. Продолжая традицию по обсуждению результатов полевых исследований на Кольском полуострове, на Хибинской горной станции «Тиетта» организуется совещание начальников полевых работ, проводивших исследования в 1931 году. В результате научно-поисковой работы авторами статьи впервые для открытой печати были выявлены материалы этого совещания в Государственном Архиве Мурманской области в г. Кировске — полный протокол этого совещания [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 90. Л. 50–69].

Ранее в различных публикациях приводились лишь сведения об отдельных выступлениях участников этого совещания [Петров, Макарова, Саморукова, Токарев, Усов, 2011: 31].

Совещание, проходившее 26 августа 1931 года на Хибинской горной станции АН СССР «Тиетта», под руководством академика А. Е. Ферсмана, собрало более 40 представителей различных ведомств и организаций. Наибольшее количество 20 чел. составляли сотрудники Академии наук СССР. Среди них проф. В. Ю. Фридолин, ботаник Н. А. Аврорин, геологи Б. М. Куплетский, А. Н. Лабунцов, Э. М. Бонштедт, Н. Н. Гуткова, В. В. Щербина и др. От отраслевых институтов — Л. Б. Антонов, М. П. Фивег, Г. С. Пронченко, В. А. Крылов и др. (НИУ), И. И. Гинзбург (ЦНИГРИ), от Ленинградского геолого-разведочного управления (ЛГРУ) проф. П. А. Борисов, А. Е. Салье, от треста «Апатит» К. П. Островецкий, П. Ф. Семеров, Б. А. Линденер [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 90. Л. 50].

На совещании наибольшее количество докладов было посвящено геологической тематике, в основном по исследованиям месторождений Хибинских тундр. О работе Кукисвумчоррского Геохимического отряда АН рассказала Э. М. Бонштедт [Там же Л. 53–54]. Задачей отряда являлось детальное минералогическое и геохимическое изучение центральной части Хибин.

Геолог Н. Н. Гуткова выступила с докладом о работе Юкспорского Геохимического отряда АН [Там же Л. 54]. Основной задачей работ являлась минералогическая съемка в районе Юкспориока.

Магнитометрический отряд под руководством А. Н. Лабунцова работал в районе иолито-уртитовых пород [Там же Л. 54–55]. Обследованы юго-западная часть Юкспора и плато Расвумчорр. В этих районах найдены и оконтурены участки богатые титано-магнетитом. В рекомендациях по докладу предлагалось шире использовать в 1932 году геофизические методы и применить при поисках гравиразведку и сейсмозвуковой метод.

Минералогическим, петрографическим и работам по изучению генезиса апатита на Поачвумчорре были посвящены исследования отряда ЦНИГРИ под руководством А.С. Ахмеландова, о которых доложил сотрудник отряда С. Л. Покровский [Там же Л. 55–56]. В постановление к докладу было рекомендовано продолжить изучение апатитовой дуги к северу от Куэльпора, усилить там поисковые работы и просить трест «Апатит» начать работу по разведке месторождений.

О работе Уртитовой поисковой партии НИУ доложил начальник отряда В. А. Крылов [Там же Л. 58–60]. В результате проведения разведочных работ на Расвумчорре и юго-восточном и юго-западном склонах Юкспора выявлены

уртиты с повышенным содержанием глинозема. Рекомендовано тресту «Апатит» выделить необходимые средства для проведения следующего цикла работ.

О работе Ловчорритовой партии Ленинградского геолого-разведочного управления (ЛГРУ) доложил начальник партии А. Е. Салье [Там же Л. 62–64]. Работы велись на Юкспоре между долинами Лопарской и Гакмана. Проведены разведочные работы, которые были осложнены рельефом местности. Как отметил А. Е. Ферсман при камеральных работах необходимо провести детальный анализ редких земель.

Выступление начальника разведочного отряда ЛГРУ А. А. Богданов было посвящено проведению разведочных работ на молибденит [Там же Л. 65–66]. Работы велись на месторождении молибденита, открытого А. Н. Лабунцовым в северо-восточном цирке Тахтарвумчорра. Выявлено 4 пункта молибденитового оруденения, приуроченного к альбитовым жилам.

О работах Кукисвумчоррской и Юкспорской разведочной партии НИУ по бурению за 1929–1931 годы доложил Л. Б. Антонов [Там же Л. 65–66]. За два с половиной года на Кукисвумчорре и долине Лопарской пройдено 20 буровых скважин общей глубиной 4000 м, 2 штольни и 1 квершлаг. Запасы богатых пятнистых апатитовых руд, как открытых, так и подземных достигают, вероятно, 100 млн т. На Юкспоре Пройдено 3 буровых скважины по северо-западному склону общей глубиной 800 м. Буровые скважины указали на уменьшенную мощность пятнистых апатитовых руд, которые выклиниваются в пределах нижней части склона.

С. А. Ступаков доложил о работах Расвумчоррской разведочной партии НИУ по апатитам [Там же Л. 67], Г.С. Пронченко рассказал о работе Расвумчоррской партии НИУ [Там же Л. 68]. Подвел итоги группы Хибинских разведочных партий НИУ М.П. Фивег [Там же Л. 68–69]. В частности, он сказал, что НИУ — полностью справилась со своими задачами и выполнила работу раньше намеченных планом сроков с перевыполнением физического объема работ. Для установления генерального плана развития апатит-добывающих предприятий, необходимо в следующем году выявить запасы для подземной добычи, на Расвумчоррских месторождениях и обязательно на Куэльпоре, Рисчорре и Петрелиуса с тем, чтобы возможно было вполне определенно выяснить наиболее рентабельные перспективы северного или восточного варианта. НИУ принимает меры к организации зимних работ на Расвумчорре, на Куэльпоре работы будут начаты с лета.

Работе нефелинового управления был посвящен доклад К. Л. Островецкого [Там же Л. 60–62]. В сферу деятельности которого входили поисково-разведочные работы по нефелину, диатомиту, глинам, торфу, известнякам.

В результате работ были разведаны большой и малый песчаные наволоки на оз. Имандре. Запас по большому наволоку исчисляется около 1 млн т, по малому около 250 тыс. т нефелиновых песков.

На поисках диатомита (материал для производства жидкого стекла) работало две поисковые партии в районе Пелозера. Запасы незначительны. Наиболее перспективный район для поисков — Ловозерский, вдоль р. Воронья.

По поискам торфа наиболее перспективен район Ловозера. Мощность залегания торфяников 4–5.5 м. Теплотворная способность 4500 калорий.

Работы по поиску и разведке глин проходили в двух районах — станции Княжой и станции Кандалакша. Предполагаемые запасы на станции Княжая — 300 тыс. кубометров, в районе станции Кандалакша — 400 тыс. кубометров.

Работам в других районах Кольского полуострова был посвящен доклад В. В. Щербины «О работе Ловозерского Геохимического отряда АН» [Там же Л. 57–58]. В задачи отряда входила геохимическо-поисковая работа в юго-западном районе Ловозерских тундр, с максимальным вниманием к нефелиновым и содалитовым породам. Выявленные на северном склоне долины уртиты р. Куфтуай с запасом минимум 2 млн т, представляют промышленный интерес. Месторождение расположено на расстоянии 1–2 км от Умбозера.

О работах Чунатундровского отряда доложил Б.М. Куплетский [Там же Л. 64]. Главный хребет Чуна-тундры сложен из метаморфизованных габбро с выделениями магнетита в количестве 2–5 %. Выяснено, что сульфиды в Чуна-тундре представляют минералогическую редкость. Перидотиты, с которыми в Монче-тундре связаны месторождения сульфидов, были найдены в Чуна-тундре только в виде коренной россыпи.

О работах в Волчьих тундрах сообщила письмом О. А. Воробьева. Письмо зачитал А. . Ферсман [Там же Л. 64–65].

Особый интерес на совещании вызвали доклады о зоогеографических исследованиях В. Ю. Фридолина [Там же Л. 50–52] и ботанических работах отряда Н. А. Аврорина. Это в первую очередь связано с тем, что данные исследования проводились на необжитых территориях в районе открытия месторождений апатито-нефелиновых руд в Хибинах. Отсутствие растительности, большое количество мошки и гнуса затрудняли освоение нового промышленного района. Как отметил в своем докладе В.Ю. Фридолин, работы Зоогеографического отряда базировались, главным образом, на изучении взаимодействий между животным миром и природой. Вся работа проходила в тесном сотрудничестве с Ботаническим отрядом, в связи с общностью задач. Изучение кровососущих насекомых – комаров и мошки, стояло на одном из первых мест в работах Зоогеографического отряда.

В связи с важностью исследований по этой тематике было предложено провести осенью 1932 года специальное всесоюзное совещание с участием зоографов, биологов, гидрологов и болотоведов по использованию методов борьбы с кровососущими насекомыми (комары, мошка, слепни).

А. Е. Ферсман поддержал это предложение и сообщил, что на Ангарстрое проблема борьбы с комарами и слепнями является также первоочередной задачей.

О работах Ботанического отряда в Хибинах рассказал выпускник Ленинградского университета начальник отряда Н. А. Аврорин [Там же Л. 52–53]. Работы отряда в Хибинах ведутся уже второй год. В прошлом году работами руководил профессор С. С. Ганешин. Им и его сотрудниками, Рассединой и Газе, было собрано около 500 видов растений в окрестностях Вудьявра. Геоботанический отряд, подотряд (М. Е. и А. А. Карчагиных), обследовал растительные формации районов Вудьявров и р. Тулья. 30 августа профессор С. С. Ганешин трагически погиб в Хибинах.

В 1931 году начатая ими работа была продолжена. Ботанический отряд Н. А. Аврорина, состоящий из 2 человек, провел дополнительные сборы растений в том же районе и обследовал оз. Пайкунъявр, где найдено около 10 новых видов

растений. В дальнейшем необходимо обследование новых районов, детализировать эти исследования и практически использовать результаты этих работ. Далее Н. А. Аврорин выступил с предложением о необходимости создания в Хибинах Ботанического сада. Его основная установка: полярные страны должны стать производственными районами и в сельском хозяйстве. Он должен решить кормовой вопрос (ягель, кустарники, травы), как базу для развития животноводства. Идею создания Ботанического сада поддержали участники Совещания.

В постановление совещания говорится: «Признать идею создания Ботанического Сада очень важной. Поставить вопрос о создании Ботанического Сада на Президиуме Академии наук и Хибинского горисполкома. Составить наметку сметы. Детально проработать вопрос о местоположении Сада. В будущем году начать почвенное исследование в Хибинах. Составить карту месторождений апатита. Наладить учет использования населением ягод и грибов» [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-179. Оп 1. Д. 90. Л. 53].

Н. А. Аврорину было предложено составить проект организации Сада. Проект был доложен Хибинскому горсовету, который вынес постановление о необходимости организации Сада. Этим же постановлением, по соглашению с трестом "Апатит", был выделен из отведённой ему территории участок земли под Сад и заповедник. Общее собрание АН СССР 5 октября 1931 г. рассмотрело проект организации Сада и утвердило его организацию при Хибинской горной станции [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 298. Л. 44].

Проведение рассматриваемого совещания явилось в определенном смысле рубежным событием в истории научных исследований на Кольском полуострове. Начиная с 1932 года, уже не проводились совещания начальников полевых отрядов, а научно-исследовательские работы вышли на новый уровень координации – проведение тематических конференций, на которых решались те или иные первостепенные задачи по исследованиям на Кольском полуострове. Ярким примером такой конференции явилось проведение Первой Полярной конференции по вопросам комплексного использования Хибинской апатито-нефелиновой породы 1932 года в г. Хибинском, Кандалакше, Нивастрое [Первая Полярная конференция по вопросам комплексного использования Хибинской апатито-нефелиновой породы, 2009: 324]. На этой конференции с участием представителей органов власти, научно-исследовательских и геолого-разведочных организаций обсуждались вопросы, связанные с освоением природных богатств Кольского полуострова. Такие конференции стали традиционными вплоть до наступления «трудных моментов» второй половины тридцатых годов прошлого века.

Список сокращений

- ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
- ГАМО — Государственный архив Мурманской области
- ГОКУ — Государственное областное казенное учреждение
- КНЦ — Кольский научный центр
- ЛГРУ — Ленинградское геолого-разведочное управление
- НА — Научный архив
- НИУ — Научный институт по удобрениям
- Окрисполком — Окружной исполнительный комитет

ОНТИ — Отдел научно-технической информации
ПОВИР — Полярное отделение всесоюзного института растениеводства
РАН — Российская академия наук
ХГС — Хибинская горная станция
ЦНИГРИ — Центральный научно-исследовательский
геологоразведочный институт

Список источников

ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-179. Оп. 1. Министерство химической промышленности СССР, Всесоюзное государственное объединение горнохимической промышленности Ордена Ленина, ордена Октябрьской революции производственное объединение "Апатит" им. С. М. Кирова, гор. Кировск Мурманской области, 1929–1941.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Президиум Ордена Ленина Кольского научного центра Российской академии наук, 1930-1963.

Список литературы

Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Материалы Конференции по обсуждению и согласованию научно-исследовательских работ в Мурманском крае, 17–19 февраля 1931 г. в Ленинграде — как источник по истории освоения Кольского полуострова // Труды КНЦ РАН, серия Гуманитарная, вып 14, изд. КНЦ РАН, 2018. С. 69–75].

Неизвестный Ферсман. 120-летию со дня рождения А. Е. Ферсмана посвящается. М.: ЭКОСТ, 2003. С. 47.

Петров В. П., Макарова Е. И., Саморукова А. Г., Токарев А. Д., Усов А. Ф. Кольский научный центр. Летопись 1930-2010, Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2011. С. 22, 25, 31.

Первая Полярная конференция по вопросам комплексного использования Хибинской апатито-нефелиновой породы, 9–12 апреля 1932 года г. Хибиногорск. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра, 2009. 324 с.

А. Е. Ферсман. Исследование Кольского полуострова в районе хибинских апатитов за лето 1930 г. // Хибинские Апатиты. Сб. № 2, Л., изд. ОНТИ ВСНХ. 1932. С. 339.

Сведения об авторах

Токарев Александр Дмитриевич,

заведующий сектором формирования и хранения цифровой информации
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Петров Валентин Петрович,

доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Tokarev Alexander Dmitrievich,

Head of the sector of digital information of the Barents centre of the Humanities FRC KSC RAS

Petrov Valentin Petrovich,

Dr. Sci. (Geology-Mineralogy), Professor, Chief Research Fellow
of the Barents Centre of the Humanities FRC KSC RAS

А. Г. Саморукова, В. П. Петров

**СОВЕТСКИЙ ОПЫТ СОЗДАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ
(НА ПРИМЕРЕ КОЛЬСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР)**

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о формировании и развитии научно-организационной структуры Кольского филиала АН СССР с 1949 г., с момента преобразования Кольской научно-исследовательской базы АН СССР в Кольский филиал и до середины 1960-х гг., когда КФАН приобрел черты крупного регионального научного центра, значительно расширился, и в основном осуществил формирование сети научных учреждений. Изменение структуры филиала происходило в соответствии с основными научными направлениями академического учреждения. Профиль и структура научного учреждения КФАН СССР были обусловлены региональной тематикой, а также специализацией района в разделении труда.

Ключевые слова:

филиал АН СССР, Устав АН СССР, структура академического учреждения, президиум, институт, лаборатория, научное подразделение.

A. G. Samorukova, V. P. Petrov

**SOVIET EXPERIENCE OF DEVELOPING ACADEMIC CLUSTER ABOVE
THE POLAR NORTH (KOLA BRANCH OF USSR ACADEMY OF SCIENCES)**

Abstract

The paper considers the problem of establishing and developing the research (scientific) structure of the Kola Branch of the USSR Academy of Sciences (KFAN). It covers the period from 1949 when the Kola research base was transformed into the Kola Branch up to the middle 1960-s the time when KFAN became a large significant regional centre with a developed network of research institutions. Transformation of its structure proceeded covering the main research areas of the academic institution. The research fields and the structure of KFAN were based on regional problems as well as on regional specialization indivision of labour.

Keywords:

Branch of the USSR Ac. of Sci., Charter of the USSR Ac. of Aci., structure of an academic institution, presidium, institution, scientific unit.

Известно, что в Советском Союзе государство осуществляло руководство и управление научной деятельностью, обеспечивало планомерное развитие сети научных центров и учреждений в соответствии с важнейшими задачами научно-технического, народно-хозяйственного и социально-культурного развития страны [Социализм и наука, 1981: 199].

Уже в первые послевоенные годы Советское правительство приняло меры, направленные на восстановление научного потенциала и дальнейшее развитие науки в СССР. Организация научных исследований в тот период была сопряжена с преодолением многих трудностей. Предстояло восстановить материально-техническую базу исследовательских учреждений, обеспечить подготовку научных кадров, создать условия для развития фундаментальных

исследований по ведущим направлениям научно-технического прогресса [Кольцов, 1988: 217].

В феврале 1946 г. в Обращении к избирателям в связи с выборами в Верховный Совет СССР ЦК КПСС отметил: «Необходимо заботиться о дальнейшем развитии советской науки, всемерно поддерживать людей науки, добиваться широкого распространения научных знаний в народных массах, дальнейшего расширения и улучшения подготовки научных и технических кадров [КПСС в резолюциях ..., 1972: 13].

Академия наук СССР являлась высшим научным учреждением страны, финансировалась государством, её бюджет утверждался Советом народных комиссаров СССР, научно-организационная деятельность, структурное развитие, создание академических институтов и других учреждений осуществлялось по согласованию и под контролем центральных партийных и государственных органов.

Первые шаги по формированию в Академии наук региональных структурных подразделений — филиалов АН СССР, в дополнение к уже утвердившимся — институтам, научным станциям, обсерваториям, лабораториям и др. — относятся к 1930-м гг., когда насущные потребности экономического и социального развития регионов страны потребовали адекватного научного обеспечения возникавших сложных научно-технических и технологических проблем. Они были инициированы обращениями региональных партийных, советских и хозяйственных органов в ЦК КПСС и Совнарком СССР, в АН СССР с предложениями об организации стационарных научных учреждений на местах.

Рост сети научных учреждений обусловил необходимость изменений в структуре АН СССР. 23 мая 1931 г. Президиум АН СССР принял постановление — приступить к созданию ряда исследовательских комплексных баз Академии наук и сети специальных исследовательских станций, объединённых вокруг этих баз. 30 июля 1931 г. Учёный комитет при ЦИК СССР одобрил предложения Академии наук о создании ряда комплексных станций на местах. В августе 1931 г. Президиуму АН СССР предстояло с учётом потребностей экономического и социального развития страны, определить те регионы, в которых следовало создавать научные центры. В первую очередь базы и станции намечалось организовать на Дальнем Востоке, в Западной и Восточной Сибири.

При организации филиалов и баз следовало строго учитывать местные условия, принимать во внимание те задачи, которые стояли перед республиками, краями и областями. Необходимо было тщательно продумать структуру каждого из вновь организуемых исследовательских учреждений АН СССР на местах. Предстояло создать в их составе такие научные подразделения как институты, отделы, лаборатории, секторы, музеи, которые смогли бы развернуть исследования, наиболее полно отвечающие потребностям экономического и культурного строительства республик, краёв и областей.

В числе первых созданных в 1932 г. в регионах подразделений были и организованные по инициативе и непосредственном участии академика А. Е. Ферсмана Уральский филиал и Хибинская горная научная станция, которая в 1934 г. была реорганизована в Кольскую базу Академии наук.

Опыт создания первых филиалов и комплексных баз был обобщён в Уставе АН СССР, принятом 23 ноября 1935 г. [Уставы..., 1975:147].

Наиболее важными принципиальными положениями нового Устава АН СССР, имевшими существенное значение для развития академической науки в регионах, были следующие:

Ст. 44. Основными органами научно-исследовательской работы являются её научно-исследовательские институты. Институтам предоставляется в пределах утверждённой программы работ и установленной сметы полная оперативная и хозяйственная самостоятельность. Институты подчинены непосредственно Президиуму.

Ст. 45. Во главе института стоит директор, управляющий им на правах единоначалия. Директор избирается из числа действительных членов Академии наук или учёных специалистов по соответствующим отраслям знаний сроком на 3 года Общим собранием или Отделением Академии наук, причём в последнем случае утверждается Общим собранием.

В статье 48 Устава чётко определены понятия: филиалы Академии наук на местах являются объединениями научно-исследовательских институтов, а базы Академии наук на местах – комплексными научно-исследовательскими институтами, изучающими природные богатства, экономику и культуру отдельных республик, краёв и областей. Таким образом, филиалы Академии наук стали фрактальными элементами на общем структурном древе Академии наук. Это отразилось и в структуре управления филиалами, которая приблизилась к общей академической.

В статье 49 указано, что филиалами АН СССР руководят президиумы, избираемые Общим собранием Академии наук, по представлению Президиума Академии наук, сроком на 3 года. При президиумах филиалов состоят советы из действительных членов Академии наук, старших научных сотрудников, представителей местных государственных учреждений и общественных организаций и отдельных крупных местных специалистов. Состав совета утверждается Президиумом Академии наук. Во главе местных научно-исследовательских баз Академии наук стоят директора, назначаемые Президиумом Академии наук. Общее руководство филиалами и базами осуществляется Президиумом через посредство Комитета по филиалам и базам.

Особое значение имела статья 46 Устава АН СССР, которая свидетельствует о концентрации внимания Академии наук в то время на исследовании природных ресурсов регионов. Она, в частности гласит, что организацией изучения природных богатств и производительных сил страны ведает Совет по изучению производительных сил при Академии наук. Совет по изучению производительных сил организует экспедиции для изучения природных ресурсов и производительных сил отдельных республик, краёв и областей и руководит этими экспедициями, опираясь на институты, филиалы и базы Академии наук и другие научно-исследовательские организации; созывает конференции по изучению природных ресурсов отдельных республик, краёв и областей, обобщает исследовательские работы по изучению производительных сил страны и содействует использованию на практике их результатов. План своей деятельности Совет согласовывает с местными руководящими организациями и представляет его на утверждение Президиума Академии наук. О своей работе Совет периодически докладывает местным руководящим организациям и отчитывается перед Академией наук.

В послевоенные годы одним из важнейших государственных решений, имевших принципиальное значение для институционализации региональной академической науки, стало Постановление Правительства СССР от 7 сентября 1949 г., получившее затем реализацию в решении Президиума АН СССР «Об установлении для филиалов и научно-исследовательских баз АН СССР единого наименования — филиалы Академии наук».

С 1949 г. руководство сетью филиалов страны осуществлял Совет филиалов, после упразднения которого в 1955 г., научное руководство филиалами возлагалось на Отделения Академии наук. Решение ряда вопросов, таких как подготовка рекомендаций по развитию филиала, составление сводных планов исследований, созыв совещаний филиалов и др. возлагалась на Совет по координации научной деятельности академий наук союзных республик и филиалов АН СССР.

Задачи филиалов, перспективы их развития определялись документами Президиума АН СССР, статьями и выступлениями председателей Совета филиалов, руководителей президиумов филиалов.

В документах Общего собрания и Президиума АН СССР указывалось, что филиалы должны сконцентрировать свои усилия на разработке наиболее актуальных научно-технических проблем, нацеленных на развитие производительных сил, рост экономики и культуры регионов.

Главная идея всех постановлений по вопросам работы научных учреждений заключалась в том, чтобы повысить эффективность исследований, проводимых академическими учреждениями на местах. В этих целях создавалась и укреплялась материальная база, увеличивались отпускаемые в их распоряжение средства, принимались меры к пополнению штатов филиалов высококвалифицированными учёными. В необходимых случаях из состава авторитетных учёных центральных учреждений АН СССР выделялись консультанты, которые оказывали помощь филиалам в организации и проведении исследовательских работ.

В мае 1956 г. состоявшееся в Москве собрание актива учёных АН СССР признало необходимым правильное размещение научно-исследовательских учреждений с целью их приближения к производственной базе. «Особо важной задачей является развитие науки на периферии. Должна быть пересмотрена организационная структура филиалов с целью подчинения их научных учреждений отделениям Академии» [На собрании..., 1956: 50].

Государственные решения о создании сети филиалов Академии наук имели важное значение для развития фундаментальных и прикладных исследований, обеспечивших подъём экономики и культуры в удалённых от центра регионах страны. К 1958 г. в системе Академии наук уже было организовано 12 филиалов с 36 институтами и 10 научно-исследовательскими станциями. Семь филиалов находились в автономных национальных республиках РСФСР, пять филиалов — в крупных регионах страны: Уральском, Дальневосточном, Восточносибирском, Западносибирском. Создание филиала Академии наук на Кольском полуострове явилось признанием и следствием стратегического значения данного, сравнительно небольшого региона с его уникальным природным потенциалом для развития народного хозяйства и обеспечения экономической и государственной безопасности страны [Беляев, 1967: 31].

Академическая наука на Кольском Севере в довоенный период прошла стадии научных экспедиций, первой Горно-химической научной станции, преобразования её в Кольскую базу АН СССР. Уже в канун Великой Отечественной войны встал вопрос об организации в регионе комплексного научного учреждения в статусе филиала Академии наук. Тем не менее, в первые послевоенные годы была восстановлена именно Кольская база АН СССР [Петров, Токарев, 2013: 110; Макарова, Петров, 2014: 7].

Восстановленная Кольская база АН СССР была реорганизована в филиал АН СССР в 1949 г. Постановлением Президиума АН которое юридически и организационно закрепило тот факт, что База и по масштабам, и по эффективности своей деятельности, а также перспективам развития в полной мере стала отвечать статусу регионального филиала Академии наук СССР [Об установлении..., 1949: 96].

О положении Кольской базы на момент её реорганизации можно судить на основании отчётного доклада заместителя директора базы Ф. М. Терновского за 1948 г. [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Л. 37].

К 1949 г. научная деятельность базы развивалась по направлениям — геологическом, минералого-геохимическом, почвенном, ботаническом и некоторыми другими, сложившимся ещё в предвоенное время. Бурный подъём и рост народного хозяйства Мурманской области, перспективы вовлечения новых объектов минерального сырья в промышленное использование требовало расширения тематики научных исследований, организации и наращивания объёма целевых горных, химико-технологических и гидроэнергетических работ.

Соответствующее решение было принято Мурманским обкомом ВКП(б) ещё в апреле 1947 г., но в Совете филиалов АН СССР оно вначале не встретило поддержки. И всё же, по мнению Ф. М. Терновского, утверждение новой структуры позволило легализовать те зачатки гидроэнергетических и технологических исследований, которые зародились ещё в существовавших на тот момент структурных подразделениях Кольской базы. Этот комплекс исследований планировалось развить в ближайшие два-три года, а затем он должен был пополниться экономическими исследованиями.

Структура Кольской базы была изменена Президиумом АН СССР с учётом предложений Мурманского Обкома ВКП(б) в августе 1948 г. В структуре Базы предстояло создать следующие подразделения: химико-технологическая лаборатория, лаборатория гидроэнергетики (вместо упразднённого сектора зоологии), лаборатория физических методов исследования. Но при этом ни одно из подразделений не было обеспечено штатом. Группа кадров, хотя и была предусмотрена новой структурой, также не получила штатных единиц.

Ещё в апреле 1947 г. бюро Мурманского обкома ВКП(б) указало на необходимость не только изменений в направлении работ базы, но и на необходимость перераспределения штатного контингента за счёт сокращения биологических секторов и Ботанического сада и усиления геолого-минералогических, химико-технологических и энергетических работ.

Выполняя эту директиву к концу 1948 г. было осуществлено перераспределение штатного контингента научных работников и научно-технического персонала.

С момента постановления Мурманского обкома партии штат биологических учреждений базы был сокращён на 13 единиц и увеличен штат по геолого-минералогическим, геохимическим и энергетическим работам на 21 единицу [НА КНЦ РАН. Ф.1.Оп.6. Д.166(б). Л. 41].

В целях укрепления Кольского филиала им. С.М. Кирова и превращения его в научное учреждение, способное обеспечить дальнейший рост комплексных научных исследований по освоению природных богатств и развитию производительных сил Мурманской области, было принято Постановление Президиума АН СССР «О структуре Кольского филиала им. С.М. Кирова и мерах для его дальнейшего развития» от 15 февраля 1950 г.

Президиум АН СССР постановил:

1. Поручить председателю Президиума Кольского филиала им. С. М. Кирова академику Д. С. Белянkinу разработать проект новой структуры филиала на 1950 г. в зависимости от ассигнований, которые будут предоставлены Кольскому филиалу им. С. М. Кирова.

2. Обязать Совет филиалов подготовить вопрос для представления в Совет Министров Союза ССР об организации в 1950 г. в составе Кольского филиала им. С.М. Кирова Геологического и Биологического институтов [НА КНЦ РАН. Ф.1.Оп. 6. Д.173.Л. 30].

Менее чем через месяц, 7 марта 1950 г., Президиумом АН СССР была утверждена следующая структура КФАН СССР [НА КНЦ РАН. Ф.1.Оп. 6. Д. 173.Л. 62].

Научные учреждения

1. Геологический институт с отделами геологии и петрографии, минералогии и геохимии, геофизики, химико-технологическим отделом, химико-аналитической лабораторией и лабораторией физических методов исследования. В структуре института образован геологический музей с шлифовальной мастерской.

2. Биологический институт с научными отделами агробиологии и агропочвоведения, лабораторией микробиологии, Полярно-альпийский ботанический сад.

3. Отдел экономики.

4. Отдел гидроэнергетики.

5. Научная библиотека и научные фонды.

Административные и хозяйственные подразделения при Президиуме филиала включали административно-хозяйственный отдел, спецотдел, редакционно-издательскую группу, типографию, электро- и механические мастерские, фотолабораторию.

По представлению Совета филиалов АН СССР Президиум АН СССР 5 июля 1950 г. утвердил Президиум Кольского филиала и Совет при Президиуме филиала. Президиум возглавил академик Д. С. Белянkin, который ранее, в феврале 1948 г. был утверждён директором Кольской базы АН СССР. Членами Президиума стали к.б.н. Н. А. Аврорин, к.с.н. З. И. Журбицкий, к.г.-м.н. Е. К. Козлов, к.г.-м.н. С. С. Курбатов, к.г.-м.н. А. В. Сидоренко, исполняющий обязанности заместителя председателя, учёный секретарь Г. И. Горбунов.

В состав Совета филиала вошли академики Д. С.Белянkin, С. С. Вольфович, Г. Г. Уразов, член-корреспонденты АН СССР А. Л. Курсанов и Д. И. Щербаков, учёный секретарь Президиума АН СССР К. А. Власов, учёные

ведущих институтов АН СССР и Ленинградского государственного университета, связанные своей деятельностью с КФАН СССР, представители Мурманского областного комитета ВКП(б) секретарь Н. Н. Филатов и зав. отделом Г. А. Разумов, руководители и главные специалисты комбинатов «Апатит» (М. И. Селезнев, Н. К. Семёнов), «Североникель» (В. Я. Поздняков, П. В. Лялин), члены Президиума и ведущие научные сотрудники КФАН СССР [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 173. Л. 147-152].

Будучи академиком-секретарём Отделения геолого-географических наук АН СССР, Д. С. Белянкин должен был находиться в Москве. Поэтому на основе доверенности Президиума АН СССР от 17 декабря 1949 г. к.г.-м.н. А. В. Сидоренко был назначен исполняющим обязанности заместителя Председателя Кольского филиала АН СССР. В 1952 г. после защиты докторской диссертации А. В. Сидоренко был утверждён председателем Президиума КФАН СССР. К руководству Филиалом пришёл учёный с большим опытом организации геологических научных и производственных поисково-разведочных работ в Средней Азии и на Кольском полуострове, глубоко понимавший главные задачи науки по развитию производительных сил региона и страны в целом.

Практическая реализация постановления Президиума АН СССР по структуре Филиала осуществлялась последовательно с учётом уже сложившейся структуры Кольской базы АН СССР, новых задач по развитию научных исследований. В 1950 г. Президиум филиала принял решение об организации двух новых научных подразделений: отдела экономики и отдела гидроэнергетики [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 177. Л. 46 – 47]. Главной задачей отдела гидроэнергетики, который возглавил к.т.н. С. В. Григорьев, стало изучение гидроэнергетических ресурсов Кольского полуострова.

Из-за отсутствия научных кадров, ограниченных штатных и финансовых возможностей и ряда других причин, отдел экономики не был создан. В составе филиала работала лишь экономическая группа, состоящая из 2 человек, совместителя к.э.н. Б. И. Когана и м.н.с. М. К. Мазурова.

23 декабря 1951 г. решением Президиума АН СССР было организовано первое в Филиале научное подразделение в ранге института — Геологический институт, директором которого стал А. В. Сидоренко. Создание Геологического института, наряду с проблемами фундаментальной науки, было предопределено крупными и неотложными задачами по исследованию природных ресурсов, выявления новых месторождений полезных ископаемых, расширению и созданию минерально-сырьевой базы для стремительно развивавшегося горнопромышленного сектора экономики региона. Одновременно в Геологическом институте как в инкубаторе создавались научные ячейки, группы по ряду перспективных направлений исследований.

В начале 1952 г. комиссия Президиума АН СССР под руководством чл.-корр. Н. А. Красильникова осуществила проверку деятельности Филиала за первые годы его становления. Комиссия положительно оценила геологические и химико-минералогические исследования апатитнефелиновых месторождений Хибин, одобрила работы отдела агробиологии и почвоведения, Полярно-альпийского ботанического сада.

Особое внимание было уделено вопросам развития структуры филиала. Комиссия одобрила проведённую в филиале работу по созданию ряда новых лабораторий: химико-аналитической, спектральной, рентгеноструктурной,

лаборатории химии почв и биохимии. Комиссия посчитала также целесообразным усилить работу отдела гидроэнергетики и группы экономики.

В то же время комиссия отметила, что Президиум филиала не уделял достаточного внимания укреплению технологической группы геохимической лаборатории, несмотря на большую важность этих вопросов для промышленного освоения минерального сырья. Было рекомендовано увеличить штат лаборатории и вспомогательный технический персонал.

Критике подверглась работа биологической группы. Поэтому комиссия сочла необходимым рекомендовать руководству Филиала принять меры к объединению Ботанического сада, отделов агробиологии и почвоведения в единый биологический сектор, подчинив их единому научно-организационному руководству с превращением его в дальнейшем в Институт биологии.

По результатам работы комиссии 3 июля 1953 г. Президиум АН СССР утвердил обновленный состав Президиума Кольского филиала. Его возглавил д.г.-м.н. А. В.Сидоренко, заместителем председателя стал к.г.-м.н. Г. И. Горбунов, учёным секретарем — к. г.-м. н. А. М.Иванов, в состав Президиума вошли к.г.-м.н. И. В. Бельков и к.с.-х.н. А. И. Ляхов.

В 1953 г. в состав Филиала вошла Мурманская биологическая станция в Дальних Зеленцах, ранее непосредственно входившая в состав Отделения биологических наук АН СССР. Станция явилась преемником основанной в 1888 г. по инициативе Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей на Соловецких островах Белого моря первой в России научной морской биологической станции. Позднее она была перебазирована в г. Александровск, а в 1935 г. — в Дальнезеленецкую бухту Баренцева моря. В апреле 1958 г. биологическая станция была преобразована в Мурманский морской биологический институт. Институт был создан с целью организации комплексных исследований биологической продуктивности северных морей и разработки методов её повышения. В развитии арктических гидробиологических исследований важную роль играли академики Е. М. Крепс, С. А. Зернов, профессора В. В.Кузнецов и д.б.н. М. М. Камшилов, который стал первым директором ММБИ КФАН.

В мае 1953 г. Президиум АН СССР подтвердил союзное значение, Полярно-альпийского ботанического сада, выделил дополнительно штатные и финансовые ресурсы и признал необходимым строительство теплиц и парников. В 1954 г. Ботанический сад, бессменным директором которого до 1960 г. оставался д.б.н. Н.А. Аврорин, был выделен из состава Биологического отдела с непосредственным подчинением Президиуму КФАН. СССР.

В феврале 1955 г. в Кольском филиале АН СССР вновь работала комиссия Президиума АН СССР во главе с чл.-корр. А. А. Сауковым. Выводы комиссии были обсуждены на расширенном заседании Президиума КФАН.

Дискуссия на заседании развернулась по поводу создания и перспектив развития в Филиале секторов геофизики и горнорудного на базе отделов Геологического института.

По мнению председателя комиссии А. А. Саукова, опыт центральных учреждений АН СССР показал, что геофизический сектор организовать трудно, так как это связано с очень крупными ассигнованиями, со сложной аппаратурой, в том числе с самолётами и т.п. Оппонентами выступили директор Геологического института к.г.-м.н. Козлов и руководитель группы геофизики к.ф.-м.н. Г. Д. Панасенко. Соглашаясь с тем, что объективные трудности

в создании сектора действительно существуют, они отметили, что степень изученности Кольского полуострова подошла к такому состоянию, что дальнейшее развитие будет упираться в степень развития геофизических исследований. Объектом исследований геофизики не должны являться только поиски и разведка месторождений.

Что касается горнорудного сектора, который предполагалось организовать ещё в 1953 г., члены комиссии сообщили, что в Академии наук готовы вернуться к обсуждению этого вопроса при условии, что будут чётко сформулированы задачи, которые отразили бы именно специфику Кольского полуострова.

В 1955 г. значительные изменения в структуре Кольского филиала были связаны с Биологическим отделом, который с 1 июля 1955 г. прекратил свою деятельность и вместе со всем штатом и оборудованием был передан в ПОВИР [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 298. Л. 42].

В 1956-57 гг. активизировались физико-химические и технологические исследования, проводимые в лаборатории химической технологии Геологического института, которые могли послужить исходной научной базой для создания специализированного института. На бюро Отделения химических наук АН СССР в 1956 г. рассматривался вопрос о создании в КФАН лаборатории химии и технологии редких элементов. Академик И. В. Тананаев предложил организовать не лабораторию, а институт. Такой институт — Институт химии редких элементов — первоначально по постановлению СМ СССР намечалось открыть под Москвой. Предложение ак. И. В. Тананаева было поддержано президентами АН СССР ак. А. Н. Несмеяновым, и в декабре 1957 г. в составе КФАН был организован Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья на базе лабораторий химической технологии, обогащения полезных ископаемых и групп горного дела и экономики минерального сырья, входивших в состав Геологического института [НА КНЦ РАН. Ф. 1, Оп. 6. Д. 384. Л. 297–300]. Предполагалось организовать в ИХТРЭМСе лабораторию для разработки научных проблем, связанных с переработкой медно-никелевых, титановых, кианитовых, нефелиновых, редкометалльных и др. руд. Первым директором института стал к.т.н. М. Д. Фугзан.

В 1957 г. в соответствии с постановлением Президиума АН СССР в состав Института химии и технологии редких элементов и минерального сырья вошла группа экономики, преобразованная в лабораторию экономических исследований. Основной задачей лаборатории являлась разработка вопросов экономики и технологии переработки и применения в народном хозяйстве страны.

В 1960 г. Постановлением Президиума АН СССР от 8 июля 1960 г. в Кольском филиале на базе Мурманского отделения ИЗМИРАНа, Лопарской научной станции Института физики атмосферы и станции Института физики Земли АН СССР в с. Ловозеро в составе Кольского филиала АН СССР формируется Полярный геофизический институт. Кольский полуостров представляет собой в Российской Арктике идеальное место для проведения широкого комплекса геофизических исследований, важных для развития экономики и обороноспособности страны. Благодаря инициативе и авторитету первого директора ПГИ к. ф.-м.н. С. И. Исаева были объединены геофизические исследования, проводившиеся на Кольском полуострове несколькими институтами Академии наук СССР.

По мере развития горнодобывающей промышленности, расширения комбинатов «Апатит», «Североникель», «Печенганикель», строительства Оленегорского, Ловозерского и Ковдорского ГОКов вплотную вновь встал вопрос о необходимости организации научных исследований для разработки горнотехнических и технологических проблем комплексного освоения недр. В 1961 г. в соответствии с постановлением Президиума АН СССР в составе Филиала был образован Горно-металлургический институт, в 1973 г. переименованный в Горный институт [НА КНЦ РАН. Ф.1. Оп. 6. Д. 518. Л.л. 33–36]. Первым директором института стал к.т.н. Воронков Н. А., который в скором времени перешел на работу в президиум Филиала в качестве заместителя председателя, а директором института стал будущий член-корр. АН СССР д.т.н. И. А. Турчанинов. Формирование и становление института, происходило на базе лабораторий горного дела, обогащения, строительных материалов и группы металлургии лёгких металлов.

К середине 1960-х гг. КФАН СССР приобрел черты крупного регионального научного кластера. Сформировалась интегрированная система научных учреждений, позволяющая всесторонне исследовать и решать сложные проблемы, возникающие в ходе освоения заполярного края.

Список сокращений

АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

ВАН — Вестник Академии наук

ВКП (б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

ГАМО — Государственный архив Мурманской области

ГОК — Горно-обогатительный комбинат

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

ИЗМИРАН — Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн

ИХТРЭМС — Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья

ММБИ — Мурманский морской биологический институт

НА КНЦ — Научный архив Кольского научного центра

ПГИ — Полярный геофизический институт

ПОВИР — Полярное отделение Всесоюзного института растениеводства

РАН — Российская Академия наук

ЦИК — Центральный исполнительный комитет

ЦК КПСС — Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза

Источники

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Научно-документальные материалы канцелярии Президиума Кольского филиала им. С. М. Кирова за 1930–1963 гг.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). Том 8: (1959–1965). М., 1972. 567 с.

Уставы Академии наук СССР. М., «Наука». 1975. 207 с.

Список литературы

- Беляев Е. А. География советской науки // Вестник Академии наук. 1967. № 10. С. 27–34.
- Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР (1917–1961г.г.). Л., 1988. 203 с.
- Макарова Е. И. Петров В. П. Опыт институционализации науки в Евро-Арктическом регионе: от ХИГС до КФАН СССР (1930-1950) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 4. Апатиты, 2014. С. 5–30.
- На собрании в Москве // Вестник Академии наук СССР. 1956. № 6. С. 40–50.
- Об установлении для филиалов и научно-исследовательских баз Академии наук СССР единого наименования «Филиалы Академии наук СССР» // Вестник Академии наук СССР. 1949. № 11. С. 96.
- Петров В. П., Токарев А. Д. К истории восстановления Кольской базы АН СССР и строительства Академгородка Кольского филиала АН СССР (1944–1961) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 4. Апатиты, 2013. С. 109–126
- Социализм и наука. М., «Наука». 1981. 422 с.
- Учёные Кольского научного центра 1930–2010. Апатиты, 2010. 514 с.

Сведения об авторах

Саморукова Антонина Григорьевна,
научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Петров Валентин Петрович,
доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник
Цentra гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Samorukova Antonina Grigoryevna,
a researcher of the Barents Centre of the Humanities of the Barents Centre
of the Humanities FRC KSC RAS

Petrov Valentin Petrovich,
Dr. Sci. (Geology-Mineralogy), Professor, Chief Research Fellow of the Barents Centre of the
Humanities FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.72-82
УДК: 930.253(985)

О. В. Шабалина

МАТЕРИАЛЫ ПЕРСОНАЛЬНОГО ФОНДА Г. В. ГОРБАЦКОГО МУЗЕЯ-АРХИВА ЦГП КНЦ РАН КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АРКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация

В статье представлен фонд ученого-полярника Г. В. Горбацкого, участника арктических экспедиций, принадлежащий Музею-Архиву истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. Личные документы рассматриваются как потенциальные источники для исследований в различных гуманитарных областях, в том числе для истории изучения и освоения Арктики и Северного морского пути.

Ключевые слова:

Г. В. Горбацкий, Новая Земля, Арктика, полярная экспедиция, источник личного происхождения, Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН.

O. V. Shabalina

**MATERIALS OF G. V. GORBATSKY'S PERSONAL FUND
OF THE MUSEUM-ARCHIVE OF THE BCH KSC RAS AS SOURCES
ON THE HISTORY OF THE ARCTIC EXPLORATION**

Abstract

The paper presents the fund of famous polar scientist G.V. Gorbatsky, member of the Arctic expeditions, belonging to the Museum-Archive of History of Studying and Exploration of the European North of the Barents Centre of Humanities of the KSC RAS. Personal documents are considered as potential sources for researches in various fields of the humanities, including the history of the study and exploration of the Arctic and the Northern Sea Route.

Keywords:

G. V. Gorbatsky, Novaya Zemlya, Arctic, polar expedition, personal source, Museum-Archive of History of Studying and Exploration of the European North of the BCH of the KSC RAS.

Арктика как уникальный по своим климатическим, геополитическим условиям, природным ресурсам и как полиэтнокультурный регион находится в фокусе неугасающего мирового научного интереса на протяжении нескольких столетий. В Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. развитие арктической науки и технологий, сохранение арктического культурно-исторического, научного наследия обозначено в качестве одних из приоритетных направлений политики России в данном регионе [Стратегия развития, 2013].

При проведении исследований по проблеме истории изучения и освоения Арктики широко используются архивные источники, но предпочтение отдается официальным документам, научно-исследовательской и управленческой документации [Иванова, Шабалина, Казакова, 2017: 65]. Применение историко-культурного и антропологического подходов подразумевает привлечение для работы личных документов. Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН с 1974 г. хранит, экспонирует и публикует документальные материалы персональных фондов и коллекций отечественных ученых, деятелей науки, путешественников и мореплавателей, чьи исследовательские интересы и активная трудовая деятельность были связаны с экспедиционными исследованиями в Арктике [Шабалина, 2014а, 2015, 2016, 2017, 2017а, 2018]. В данной статье представлены материалы персонального фонда географа-геоморфолога, кандидата географических наук, почетного полярника Г. В. Горбацкого (1896–1977), которые являются потенциальными источниками по истории изучения и освоения Арктики и Северного морского пути.

Горбацкий Герасим Васильевич (см. рис. 1) родился 14 мая 1896 г. в семье специалиста по лесному делу в Вильно. Закончив обучение в гимназии, в качестве вольноопределяющегося осенью 1915 года был зачислен в гаубичный дивизион Царскосельского тяжелого пушечного полка. На фронтах Первой мировой войны Г. В. Горбацкий находился с конца 1915 года до начала 1917 года. Был произведен в прапорщики артиллерии после успешной сдачи офицерского экзамена. Демобилизовавшись в конце 1917 года, стал учителем в Невельской школе II ступени.

Весной 1919 года последовал новый призыв — в Красную армию. Г. В. Горбацкий участвовал в Гражданской войне в качестве командира артиллерийского дивизиона на Западном и Восточном фронтах [Аветисов, 2009].

Рис. 1. Г. В. Горбацкий (1896–1977). Фото с сайта СПбГУ, проект «Сражающийся университет».

URL: <http://pobeda.spbu.ru/item/1713-горбацкий-герасим-васильевич-1896>

После окончания Гражданской войны Герасим Васильевич был командирован в Ленинградскую высшую военно-педагогическую школу на отделение географии. Далее последовала преподавательская работа в Западной пехотной школе и Губсовпартшколе в Смоленске, а с 1926 года в Ленинграде — в Борисоглебско-Ленинградской кавалерийской школе. В Ленинграде Г. В. Горбацкий окончил в 1929 году Географический факультет университета [Аветисов, 2009].

С 1927 года Герасим Васильевич начал участвовать в летних экспедициях в Арктику и Субарктику. В 1930 году он был принят на работу во Всесоюзный арктический институт (ВАИ), по ходатайству которого в феврале 1931 года, был демобилизован. Г. В. Горбацкий в эти годы занимался просветительской деятельностью: преподавал на гидрологических курсах ВАИ и гидрографических курсах Главсевморпути, а также был лектором Лекторского бюро Ленсовета.

Весной 1935 году Г. В. Горбацкому пришлось перевестись на должность доцента кафедры физической географии в Московский областной педагогический институт. Одновременно он активно занимался редакторской деятельностью,

исследовательской работой в должности старшего научного сотрудника Московского государственного университета, чтением лекций в Институте повышения квалификации учителей. В 1938 г. Г. В. Горбачкому Ученым советом МГУ была присуждена ученая степень кандидата географических наук без защиты диссертации.

В годы Великой Отечественной войны Герасим Васильевич Горбачкий командовал противотанковой батареей в Московском ополчении. Далее последовала эвакуация в Кировскую область. В октябре 1945 года Г. В. Горбачкий по ходатайству дирекции вернулся в Арктический институт на должность старшего научного сотрудника, а вскоре стал заведующим отделом общей географии. С 1948 года и вплоть до 1977 года местом его основной деятельности стал Ленинградский государственный университет, где он работал доцентом на географическом факультете. Умер Г. В. Горбачкий в 1977 г. в Ленинграде и был похоронен на Южном кладбище [Аветисов, 2009].

Научные исследования Г. В. Горбачкого основывались на материале, собранном во время многочисленных экспедиций в различных регионах Арктики и Субарктики. Он был участником, руководителем геолого-географических исследований на Кольском полуострове, полуострове Канин, архипелаге Новая Земля, Новосибирских островах, в бассейнах рек Ваги, Нижней Оби, на Северном Урале, Карельском перешейке.

Документы, отложившиеся в персональном фонде Г. В. Горбачкого Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН, отражают практически весь период его активной экспедиционной деятельности. Особенно информативны такие потенциальные исторические источники как удостоверения, выдававшиеся участникам и руководителям экспедиций организациями и учреждениями, которые направляли своих сотрудников в окраинные регионы для проведения полевых исследований. Удостоверение начальника экспедиции свидетельствует о делегировании ему руководящих функций и наделении широкими полномочиями в условиях значительного удаления от местонахождения командирующей организации. Так, например, он мог нанимать и увольнять рабочих и служащих, арендовать для нужд экспедиции помещения, производить операции по снабжению экспедиции материалами, оборудованием и продовольствием; получать от всех учреждений, мест и лиц причитающиеся экспедиции деньги, имущество и документы и выдавать в том расписки; совершать всякого рода сделки, акты и договоры, представлять от имени командирующей организации во всех местных, государственных и профессиональных организациях и учреждениях по делам экспедиции. Вести все дела во всех без исключения судебных учреждениях со всеми правами, предоставленными по закону стороне; признавать и отказываться от исков; передоверять вышеупомянутые полномочия в отдельных случаях другим лицам [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1043].

Из удостоверения № 1125 от 10 июня 1927 г. (см. рис. 2, 3), выданного директором Государственного института научной педагогики (ГИНП) Б. А. Фингерта, становится известно, что, состоя секретарем объединения географов при Географическом кабинете ГИНП, летом 1927 г. Г. В. Горбачкий занимался производством научных исследований в области антропогеографии. В июне он был в Шенкурском отделении Архангельского общества Краеведения, в июле — в Вельском отделе Вологодского общества Северного края [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1037].

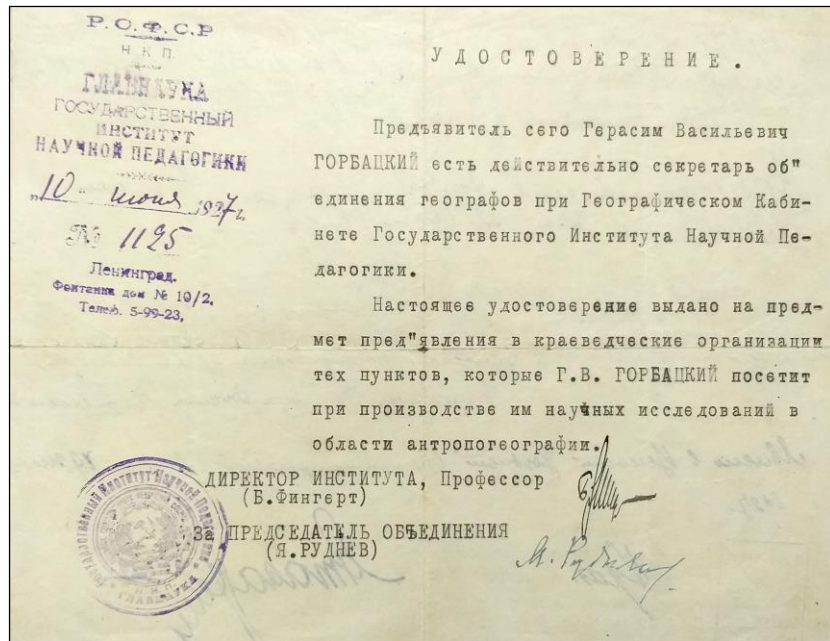

Рис. 2. Удостоверение ГИНП № 1125 от 10 июня 1927 г. на имя Г. В. Горбацкого. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1037

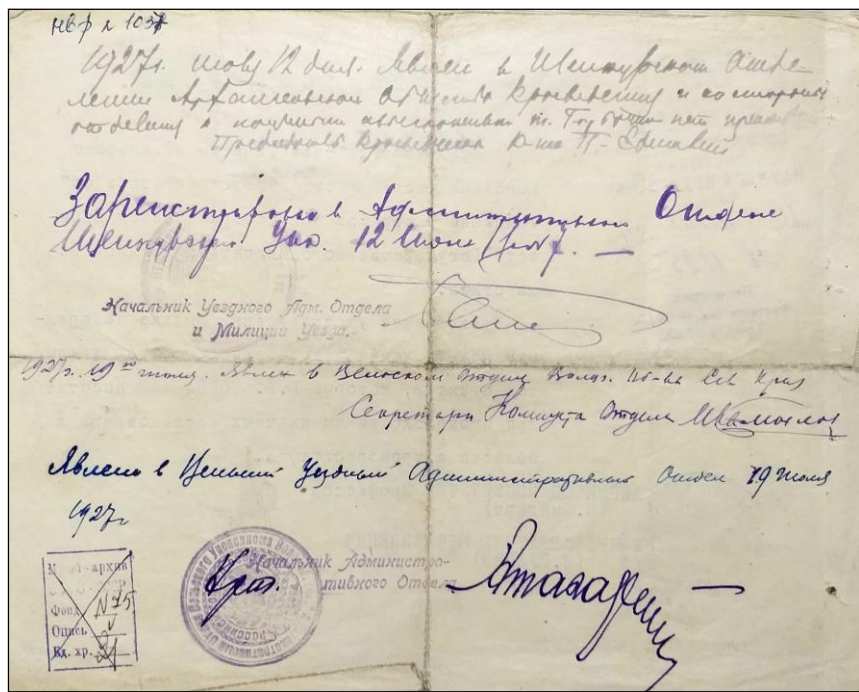

Рис. 3. Обрат сторона удостоверения ГИНП № 1125 от 10 июня 1927 г. на имя Г. В. Горбацкого. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1037

В удостоверении Центрального бюро краеведения (ЦБК) Ленинграда № 2470 от 29 июня 1927 г. (см. рис. 4) председатель ЦБК В.П. Семенов-Тянь-Шанский просил «оказать... <Г. В. Горбачкову> возможное содействие в выполнении предпринимаемой им научно-исследовательской работы» краеведческие организации Архангельской и Вологодской губернии [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1038].

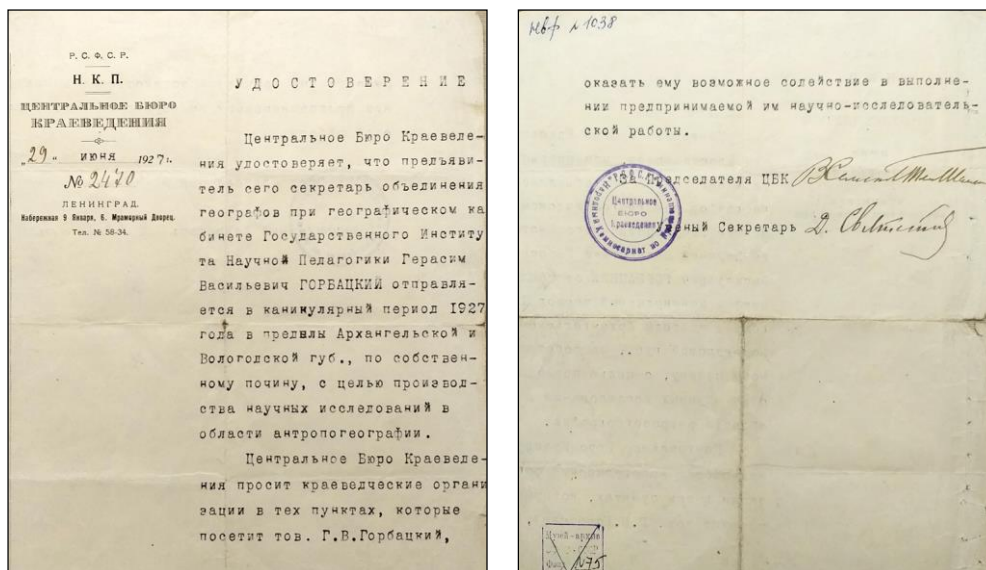

Рис. 4. Удостоверение (с оборотом) ЦБК № 2470 от 29 июня 1927 г. на имя Г.В. Горбачкова. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1038

Удостоверение Института по изучению Севера № 1003 от 20 июня 1930 г. (см. рис. 5, 6) подтверждает, что Герасим Васильевич Горбачкий в качестве научного сотрудника Канинской Геологической экспедиции Института по изучению Севера был командирован директором Р. Л. Самойловичем летом 1930 г. на Канин полуостров для выполнения геолого-геоморфологических работ. Этот документ интересен тем, что на обороте содержатся сведения о снабжении продовольствием командированного с указанием сроков: «удовлетворен продуктами с 08 по 13/VI», «Выдано продуктов: 500 гр. Сахару и чаю 100 гр. Мука – 3 кг. 18/IX-30 г.» [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1039].

В 1920-1930 гг. активные международные исследования в Арктике, направленные на изучение отдаленных заполярных территорий и островов, были вызваны возросшим политическим значением Севера как важного стратегического и экономического региона и стремительным развитием технических средств достижения высоких широт. В рамках существующей с 1914 г. Полярной комиссии Академии наук была выделена Комиссия по изучению Новой Земли, которая с 1922 по 1924 гг. занималась организацией систематического изучения и проведения научно-исследовательских экспедиций на островах архипелага Новая Земля [Шабалина, 2014: 211-213].

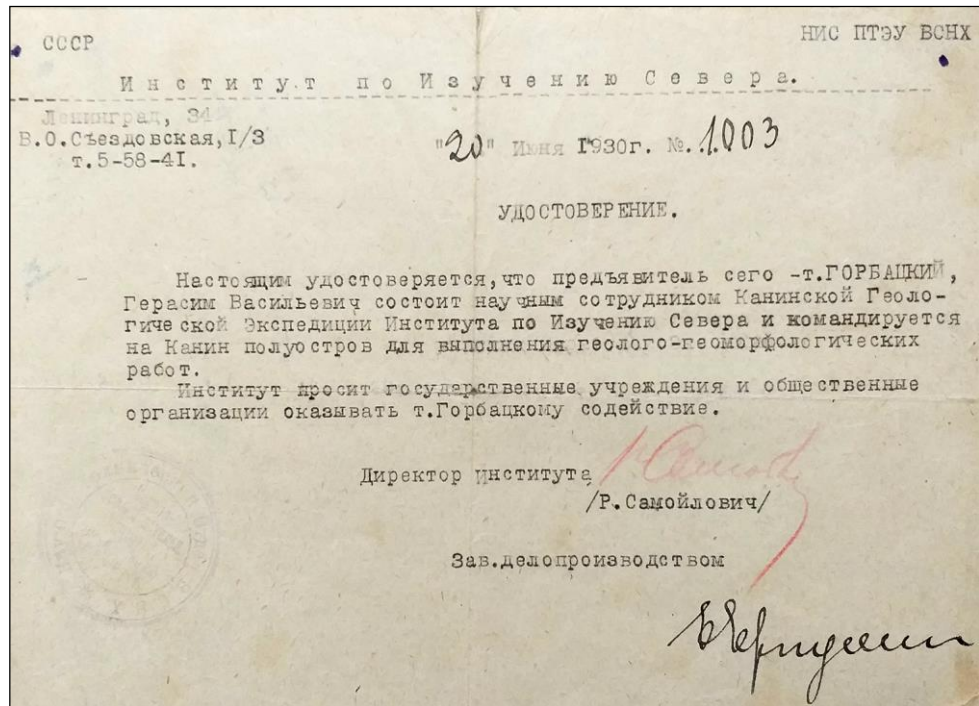

Рис. 5. Удостоверение Института по изучению Севера № 1003 от 20 июня 1930 г. на имя Г. В. Горбачкова. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1039

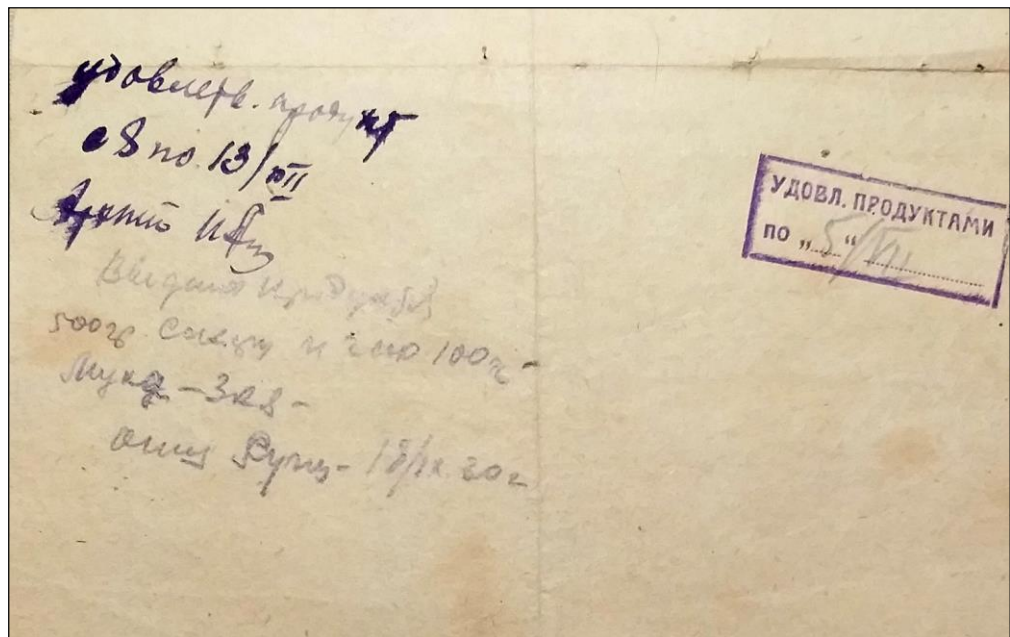

Рис. 6. Обратная сторона удостоверения Института по изучению Севера № 1003 от 20 июня 1930 г. на имя Г. В. Горбачкова. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1039

Обоснование такой фокусировки научного интереса молодого советского государства содержится в протоколе совещания при Госплане РСФСР 1923 г.: «Острова Новой Земли, как лежащие в области Северного Морского Пути и связанные с ними важными промысловыми районами, требуют ряда срочных мероприятий в целях охраны их от хозяйственного и политического использования другими государствами. Эта охрана помимо мер административно-дозорного характера должна заключаться в укреплении владения РСФСР <...> путем планомерного систематического изучения естественных производительных сил Новой Земли и их хозяйственного использования» [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ. 770. Л. 1]. Изучение архипелага осуществлялось силами различных научно-исследовательских организаций и ведомств. А после принятия 31 июля 1928 года Советом Народных Комиссаров (СНК) СССР развернутого постановления «Об усилении научно-исследовательской работы в арктических владениях Союза ССР» была создана еще и Специальная комиссия при СНК СССР для организации и финансовой подготовки пятилетнего плана научно-исследовательской работы в Арктике [Об усилении, 1928]. Далее ее функции в 1933 г. были делегированы образованным при СНК СССР Главному управлению (ГУ) Северного морского пути (СМП) и Всесоюзному арктическому институту при Центральном Исполнительном Комитете (ЦИК) СССР [Немченко и др., 2016: 467].

Горбачкий Герасим Васильевич, будучи научным сотрудником ВАИ при ЦИК СССР, принимал непосредственное участие в исследованиях этого архипелага. В июне 1931 г. он был командирован директором В. Ю. Визе на Новую Землю сроком до 01 октября 1931 г. для руководства геологической партией Новоземельской экспедиции (см. рис. 7) [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1040].

Рис. 7. Удостоверение ВАИ при ЦИК СССР № 1435 от 28 июня 1931 г. на имя Г. В. Горбачкого. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1040

Летние месяцы 1933 г. Г. В. Горбацкий провел также на Новой Земле, по заданию директора профессора В. Ю. Визе руководя работой Северной Новоземельской экспедиции (см. рис. 8) [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1042].

Рис. 8. Удостоверение ВАИ при ЦИК СССР № 14 от 09 июля 1933 г. на имя Г. В. Горбацкого. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1042

15 июля 1933 г. сотрудники Северной Новоземельской экспедиции геолог Г. В. Горбацкий (начальник экспедиции), топограф В. П. Шуткевич, геолог-поисковик Е.В. Трепетцов, старший коллектор М.Т. Кирюшина, коллектор Е. В. Чернухина, старший рабочий (боцман) Н. Ф. Петровский и трое рабочих на пароходе «Аркус» вышли к месту назначения на мысе Желания, где была организована основная база. Единственным транспортным средством, оказавшейся в распоряжении исследователей, была «шлюпка-четверка», при помощи которой передвигались по маршрутам обследований. Месяц полевых работ был посвящен, главным образом, геологической съемке и поискам полезных ископаемых на участке мыс Желания — залив Красивый и инструментальной топографической съемке береговой полосы, шириной в 5–6 км, того же участка. Прекрасная погода во второй половине августа позволила произвести пешие экскурсии вглубь острова [Горбацкий, 1933: 335, 337].

Сотрудники экспедиции на площади в 400 км² обследовали более 150 геологических обнажений, собрали более 200 образцов минералов, горных пород и ископаемой фауны. Кроме того, экспедиция произвела постоянные почвенно-ботанические, геоморфологические и регулярные метеорологические наблюдения, фотосъемку различных объектов. Впоследствии, 4 октября 1933 г. при погрузке на ледокол «Красин», осуществивший возврат экспедиции в Мурманск, произошла авария вельбота, и практически все фотоснимки были утрачены.

Инструментальная топографическая съемка, осуществленная сотрудниками, позволила внести серьезные изменения в имевшееся до тех пор представление о береговой линии северного участка Новой Земли, как в деталях, так и в отношении крупных объектов. Например, залив Красивый в действительности состоял из нескольких небольших заливов и бухт, а далеко выступающий в море мыс Большой Ледяной и вовсе не существовал [Горбацкий, 1933: 336–337].

В материалах персонального фонда Г. В. Горбацкого хранится также удостоверение Арктического научно-исследовательского института (АНИИ) № 39-343 от 18 июня 1947 г., свидетельствующее о том факте, что, по крайней мере, еще один раз Герасим Васильевич возглавлял физико-географическую экспедицию АНИИ ГУСМП при СМ СССР на арктический архипелаг, направленную для производства геоморфологических, ботанических и гляциологических работ в районе северо-восточной части южного острова Новой Земли с базированием на м. Столбовом. Срок работы экспедиции был установлен с 01 июля по 01 ноября 1947 г. [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ. 1044].

Персональный фонд Г. В. Горбацкого Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН содержит творческие материалы ученого, несколько эпистолярных документов, документы личного происхождения. Этот корпус потенциальных исторических источников позволяет реконструировать научную биографию полярного ученого-исследователя. И может служить комплексным источником для исследований по истории изучения, освоения Арктики и Северного морского пути.

Источники

Аветисов Г. П. Горбацкий Герасим Васильевич (14.05.1896-30.01.1977) // Имена на карте Арктики. 2009. URL:

<http://www.gravet.narod.ru/Names5/gorbatsk.htm>.

Горбацкий Г. В. Фото с сайта СПбГУ, проект «Сражающийся университет». URL: <http://pobeda.spbu.ru/item/1713-горбацкий-герасим-васильевич-1896>.

Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ. 770. Л. 1.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1037.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1038.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1039.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1040.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1042.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1043.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1044.

Список литературы

Горбацкий Г. В. Работы Северной Новоземельской экспедиции 1933 года // Бюллетень Арктического института СССР. Л. 1933. № 11. С. 335–337.

Иванова М. В., Шабалина О. В., Казакова К. С. Опыт социально-экономического и культурного развития Арктической зоны РФ в XVIII-начале XX вв.: к разработке источниковой базы исследования // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. Т. 8. № 9–12. С. 61–76.

Немченко С. Б., Цеценевская О. И. Арктическая зона Российской Федерации: развитие законодательства в советский период // Вестник МГТУ. 2016. Т. 19, № 2. С. 466–475.

Об усилении научно-исследовательской работы в арктических владениях СССР: Постановление СНК СССР от 31.07.1928 г. // Собрание законодательства СССР. 1928. № 52, ст. 464.

Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. 2013. // Официальный сайт правительства России. URL: <http://government.ru/media/files/2RpSA3sctElhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf>.

Шабалина О. В. Документы по истории изучения Новой Земли из персонального фонда М. А. Лавровой Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН: к 100-летию со дня организации Полярной комиссии Академии наук // Труды Кольского научного центра РАН. 2014. № 2 (21). С. 210–223.

Шабалина О. В. История арктических экспедиций в материалах персональных фондов Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН // Вестник Кольского научного центра РАН. 2014. № 2 (17). С. 3–18.

Шабалина О. В. Литературно-изобразительные материалы персональных фондов Г. Д. Рихтера и В. В. Чарнолуцкого как источники по истории организации и проведения арктических и субарктических экспедиций в аспекте их финансового и продовольственного обеспечения // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. Т. 8. № 4–11. С. 66–82.

Шабалина О. В. Материалы академических архивов как источники к биографии арктического исследователя: Мария Алексеевна Лаврова (1887–после 1969) // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. Т. 8. № 9–12. С. 46–60.

Шабалина О. В. Материалы персонального фонда академика Л. А. Зенкевича Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН как источники по истории организации полярных океанологических исследований в 1920–1930-х гг. // Труды Кольского научного центра РАН. 2015. № 7 (33). С. 111–125.

Шабалина О. В. Материалы персональных фондов А. Ф. Трешникова, В. П. Кальянова и И. С. Песчанского Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН как источники по истории изучения и освоения Арктики // Труды Кольского научного центра РАН. 2016. № 8–10 (42). С. 73–88.

Шабалина О. В. Материалы персонального фонда А. Ф. Лактинова Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН как источники по истории изучения и освоения Арктики // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9. № 9–14. С. 76–83.

Сведения об авторе

Шабалина Ольга Вячеславовна,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Shabalina Olga Vyacheslavovna,

PhD (History), Leading Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities,
FRC KSC RAS

Е. Ю. Дубровская

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ В ФИНЛЯНДИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

Исследование многосторонних аспектов армейской и флотской повседневности периода Первой мировой войны, особенностей психологии российских военнослужащих в Финляндии, а также вопроса о социально-нравственных нормах рядовых и офицеров и их окружения позволяет представить ту реальность, в которой в 1914–1918 гг. оказались тысячи вчерашних гражданских людей, мобилизованных под ружье и служивших на северо-западном рубеже воюющей Российской империи. Для изучения общественных настроений людей, служивших в годы Первой мировой войны на северо-западной границе Российского государства на территории автономного Великого княжества Финляндского, особенный интерес представляют источники, в которых нашли непосредственное отражение реалии повседневной жизни военных.

Ключевые слова:

Первая мировая война, армейская и флотская повседневность, Великое княжество Финляндское, нарративные и визуальные источники, российская революция 1917 года.

E. Yu. Dubrovskaya

EVERYDAY LIFE OF RUSSIAN SERVICEMEN IN FINLAND DURING THE WORLD WAR I

Abstract

Research into the complex aspects of everyday life in army and navy during World War I, the particular psychological profile of Russian troops stationed in Finland, as well as studies of the social and moral standards evidenced by both privates and officers and their environment allow us to glimpse the reality faced in 1914–1918 by thousands of people who had been civilians one day and found themselves in the army the next, sent to the North-Western front of the warring Russian Empire. The sources that directly reflect the realities of everyday life in the army and navy are of special interest in the study of socio-political attitudes prevalent among the individuals, who served on the territory of the autonomous Grand Duchy of Finland.

Keywords:

World War I, everyday life, army and navy, Grand Duchy of Finland, narrative and visual sources, Russian Revolution, 1917.

Исследование влияния «военного фактора» на жизнь населения «своей»/«чужой» территории, какой воспринималась Финляндия как в Российской империи, так и в период российской революции 1917 года, в заключительный период финляндской автономии в составе Российского государства, открывает перспективы для изучения истории повседневной жизни рядовых и их офицеров в экстремальных обстоятельствах Первой мировой войны. Армейская психология, сформировавшаяся у десятков тысяч россиян и наиболее ярко проявившаяся в 1914–1918 гг., накладывала характерный отпечаток на жизнь общества в целом в течение долгих лет после выхода России из войны [Асташов, 2002; Бажанов, 2007; Колоницкий, 2001; Корнаков, 1994; Поршнева, 2000].

Как отмечают исследователи различных аспектов мужской гендерной роли в конкретных социокультурных условиях, выявление специфики поведения мужчины в экстремальных ситуациях, среди которых война и вооруженные конфликты занимают особое место, остается актуальным направлением в изучении феномена «мужского» в культуре [Моисеева, 2007; Кормина, 2005; Куприянов, 2008; Сенявская, 1999; Соколова, 2007; Шадрова, 2018]. Люди не просто привыкали к произволу и насилию, им давали понять, что единственным способом «смягчения» крайностей того и другого является казарменный вариант жизнедеятельности общества в целом.

Учитывая сложность и дискуссионность вопросов о структуре и содержании понятия «повседневность», предполагающего аналитический подход к истории меняющегося человека в его обыденных заботах [Пушкарева, 2008: 35], целесообразно обратиться к проблеме военного быта, поведения, нравов и морали российских офицеров, солдат и матросов применительно не только к взаимоотношениям с гражданским населением автономного в составе Российской империи Великого княжества Финляндского, но и внутри собственно сообщества людей военных, служивших на северо-западном рубеже империи.

Это дает возможность под новым углом зрения обратиться к изучению ситуации, сложившейся вокруг пребывания российских военнослужащих на территории финляндского княжества как в канун Первой мировой войны, так и в течение всех военных лет, охватывающих российскую революцию 1917 г., обретение финляндской независимости и события Гражданской войны 1918 г. в Финляндии.

Материалы, появившиеся в периодической печати весной 1917 — зимой 1918 гг., в сборниках документов, в мемуарной литературе [Дубровская, 2008], позволяют судить об отношениях российских военных с гражданским населением Финляндии, об изменениях, коснувшихся быта и нравов. Об этом же свидетельствуют их письма в редакции русских газет различных направлений, издававшихся в этот период.

Неопубликованные письма читателей в редакцию «Известий Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих», обнаруженные в Национальном архиве Финляндии (Kansallisarkisto, коллекция «Русские военные бумаги») и в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГАВМФ), стали источниковой основой для исследования избранной проблемы. Содержание большинства из этих писем в силу самого факта обращения авторов в газету связано с волновавшими авторов вопросами политического характера. Исследователи исторической динамики жанра военного письма С. Ушакин и А. Голубев отмечают, что «публичные» письма фронтовиков раннесоветского периода, направленные в газеты и органы власти, «демонстрируют процесс сращивания индивидуального желания высказаться с выразительными возможностями господствующего дискурсивного режима», становясь ценным источником, который свидетельствует о стремлении авторов этих корреспонденций превратить себя в советского военнослужащего, «способного говорить с властью на ее языке» [Голубев, Ушакин, 2016: 18]. Можно усмотреть аналогию, характеризуя обращения нижних чинов в редакции периодических изданий русских Советов в Гельсингфорсе, (Хельсинки), Або (Турку), Выборге весной — осенью 1917 г. как «дискурсивную лабораторию», с помощью которой

вырабатывался новый язык революционного времени, необходимый для превращения вчерашнего защитника престола в солдата-гражданина.

Несомненный интерес представляют документы из фондов Архива МИД Финляндии, Российского государственного Военно-исторического архива (РГВИА), Российского исторического государственного архива (РГИА), а также Национального архива Республики Карелия (НАРК) и Архива Карельского научного центра РАН. С началом мировой войны вслед за изменениями военного времени в армейской и флотской среде произошли перемены и в культурной, и в религиозной жизни. Об этом позволяют судить материалы военной цензуры, хранящиеся в фонде «Русские военные бумаги» в Национальном архиве Финляндии. Источники такого рода дают возможность проследить за отношением армейцев и флотских чинов к деталям быта и иным аспектам гражданской жизни, а также понять, какими виделись жители Великого княжества — финны и шведы — рядовым и офицерам.

Флотская и армейская повседневность глазами военных цензоров

С начала войны за Финляндией утвердилась роль второстепенной в военном отношении области, поскольку главный удар Германии был направлен против западных рубежей Российской империи. Войска сюда стали прибывать в основном для отдыха и пополнения перед отправкой на фронт [Соломещ, 1992: 20]. Превращение финляндской столицы в фактический тыл и удаленность базировавшихся на Гельсингфорс кораблей от театра военных действий на море подчас удручающе действовали на флотских офицеров, видевших смысл своей профессиональной деятельности в непосредственном участии в сражениях начавшейся войны. Об этом, в частности, свидетельствуют письма сослуживцев капитану 2 ранга Ф. Ю. Довконту, помощнику флаг-капитана по оперативной части штаба командующего Балтийским флотом [РГА ВМФ. Ф. 760. Оп. 1. Д. 14. Л. 32–33 об.; Сергеев, 2004: 140–149].

Указом Николая II в августе 1914 г. после объявления Германией войны России г. вводилось в действие «Временное положение о военной цензуре». Оно предписывало в качестве исключительной меры производить проверку всех почтовых отправок, в том числе и телеграмм. Такая мера ставила целью не допускать во время войны оглашения и распространения в печати или в почтово-телеграфной корреспонденции сведений, которые могли повредить военным интересам государства. В отличие от полной цензуры, вводившейся на театре военных действий, частичная заключалась в избирательном просмотре и выемке в отдельных случаях, по распоряжению главных начальников военных округов, внутренних почтовых отправок и телеграмм [Хранилов, 1997: 22–29]. Однако и здесь военная цензура бдительно следила как за образом мыслей военнослужащих тыловых гарнизонов и запасных частей, так и за описанием их повседневной жизни в письмах, направляемых на родину и в действующую армию.

Отчеты военных цензоров Гельсингфорса, Выборга, Николайстада (Вааса), Торнео, Бьернеборга (Пори), Раума и других цензурных пунктов на территории Финляндского княжества, так же как и материалы сводок контрразведывательного отделения 42-го армейского корпуса о настроениях в армии и в обществе, являются уникальными источниками, позволяющими исследовать эту проблему [Цензура в России, 2003]. На основании публикаций в местной и иностранной периодической печати, а также содержания

перлюстрированных писем, поступающих из-за пределов Финляндии, военные чиновники собирали сведения о настроениях людей, служивших в частях армии и флота или населявших как Великое княжество, так и соседнюю Швецию.

Примечательны требования, которые выдвигались старшими цензорами к своим подчиненным при составлении отчетов. В 1916 г. начальник Выборгского военно-цензурного пункта так формулировал эти требования: «Поручая цензорам печати составлять записки, я особенно настаивал на том, чтобы авторы писали свободно и по своему личному убеждению, совершенно не принимая в расчет мнения тех или других политических партий и не считаясь с взглядом высшей гражданской администрации. Записки, предназначенные для сведения высших военных властей, должны быть свободны от посторонних влияний и точно давать картину действительного, т.е. преобладающего настроения массы. По моим наблюдениям, положение обрисовано относительно правильно» [КА, Д. 3847. Л. 12].

В военной цензуре работали лица, владевшие финским, шведским, немецким, французским, английским и другими иностранными языками из числа финляндских граждан, члены семей русских офицеров и духовенства, учителя. Составлялись как еженедельные, так и двухнедельные (впоследствии ежемесячные) отчеты на основании корреспонденции, просмотренной цензорами. Этой документации командир дислоцированного в Финляндии 42-го армейского корпуса придавал серьезное значение.

Не меньше значение, чем умонастроения финляндцев, для военной цензуры имело состояние духа российских рядовых и их офицеров, служивших на северо-западном рубеже воюющей империи. В частности, в мае 1916 г., сделав вывод о «безразличном настроении» почти всех частей Выборгского гарнизона, военный цензор все же отметил проявления «бодрого настроения» в саперных ротах и саперном батальоне — «25 % и выше», объяснив это тем, что нижние чины указанных рот преимущественно выполняют роль инструкторов и руководителей рабочих, занятых на строительстве и укреплении позиций. «Совершенно особняком стоит военно-топографическая команда, где нижние чины живут самостоятельно по деревням, не в казарменной обстановке, не обремененные работой и нарядами, и, видимо, часто получают наградные деньги от производства топографических съемок». Полное отсутствие «угнетенного настроения» — «самое большее 10 %» — наблюдалось, главным образом, в Управлениях (командах писарей). Оттуда же поступали сообщения о «хорошей и веселой жизни». Они резко отличались от тех настроений, которые прослеживались в письмах рядовых, занятых на взрывных работах или на очистке территории от камней [КА, Д. 3847. Л. 16–16 об.].

По заключению цензора, стремление к победе наиболее ярко выражено было в письмах солдат учебной команды одной из бригад государственного ополчения, а желание скорейшего достижения мира — в корреспонденциях из лечебных заведений, авторы которой уже побывали на войне и пострадали от неё. Из лазаретов шли письма с откровенным выражением радости по поводу освобождения от военной службы. «Процент скучающих» оказался наиболее высоким по выборгскому району в 12-й инженерной дружине, «три письма содержали жалобы на то, что их авторы уже больше года находятся в Финляндии и испытывают скуку, не имея возможности присоединиться к местной гражданской жизни из-за незнания шведского и финского языков» [КА, Д. 3847. Л. 14, 17].

Тем не менее, по сведениям московского историка А. Б. Асташова, исследовавшего цензурные материалы Российского государственного военно-исторического архива, военнослужащие 423-го Лужского пехотного полка, долго стоявшего в Таммерфорсе (Тампере), смогли наладить переписку с местными жительницами: весной 1916 г. проверка показала, что из ста просмотренных здесь корреспонденций 58 оказались письмами любовного содержания. Цензоры докладывали по начальству, что части, находившиеся в Финляндии, «широко этим занимались» и вообще считали «легкой» службу в Великом княжестве [Асташов, 2002: 627].

Согласно сводке данных за февраль 1917 г., полученных при просмотре корреспонденции из частей, расположенных в районе гельсингфорсского военно-цензурного пункта, большинство писем было отнесено к разряду «спокойных, сдержанных и безразличных». Но кое-кто из матросов жаловался на недостаток пищи и выражал недовольство жизнью на корабле и порядком увольнения в отпуск. Военный цензор Гельсингфорса капитан И. Чекоидзе указал в отчете на недовольный, озлобленный тон автора одного из писем, по-видимому, моряка, который заявлял: «Тюрьма и корабль — одно и то же». Оставшийся неизвестным другой автор «не то в шутку, не то всерьез восхваляет в стихах особенности и тяжести солдатской жизни и службы». По наблюдениям Чекоидзе, среди писем «есть очень дерзкое, но больше, кажется, беспечности и ухарства в обычном стиле» [КА. Д. 14007. Л. 4–4 об.]. Автор другого задержанного письма «сделал намеки на взяточничество в штабе 510-го пехотного Волховского полка», по-видимому, желая, как заключил цензор, «вынудить родных прислать ему денег якобы для подкупа». В мае 1916 г. военный цензор Выборга объяснял просьбы такого рода ростом дороговизны предметов солдатского обихода — мыла, табака, бумаги [КА. Д. 3847. Л. 14 об.]. В 512-м Деснинском пехотном полку было задержано письмо с жалобой на грязь и холод в помещении, в 428-м Лодейнопольском пехотном — письмо сектантского содержания [КА. Д. 14007. Л. 8–8 об.].

В обязательном порядке задерживалась корреспонденция с условными обозначениями, письма на немецком языке, в том числе служивших в российских войсках этнических немцев, адресованные родным [КА. Д. 14007. Л. 10; Д. 13750. Л. 1]. Изъятию подлежала корреспонденция на тех языках, которыми не владели сотрудники военной цензуры, особенно в нестоличных цензурных пунктах Финляндии, — на татарском, польском, латышском, эстонском, английском и т.д. В переписке старшего военного цензора г. Николайстад (Вааса) упоминается о том, что переписка из населенных пунктов Гарпе, Вельта и др. велась почти исключительно по-немецки. Согласно циркулярному предписанию главнокомандующего VI армии должны были задерживаться все письма на еврейском языке. По представлению старшего военного цензора Особый Финляндский военно-цензурный комитет в марте 1916 г. принял решение уничтожить 841 письмо, направленное из Империи в Финляндию, что и было произведено в присутствии членов комиссии [КА. Д. 13841; Д. 3683. Л. 21].

И все же сами составители отчетов по перлюстрации корреспонденции отмечали, что за исключением некоторых категорий писем переписка вряд ли могла дать «вполне правильное представление о психологическом настроении частей войск», поскольку почти вся она находилась «под давлением как войсковой, так и общей цензуры». В частности, цензорами специально выявлялись упоминания о тоске по родному дому как одной из причин

«угнетенного состояния» военных. Авторы писем, зная о том, что их переписка контролируется, зачастую преднамеренно не писали об этих настроениях.

Таким образом, переписка российских военнослужащих, как и гражданского населения Финляндии, подвергалась не только внешнему воздействию органов цензуры, но и испытывала влияние внутренней «самоцензуры», неизбежной в условиях военного времени. Однако накануне Февральской революции 1917 г. причиной задержания писем военных становились «дерзкое высмеивание начальства», «осуждение народохозяйственной деятельности правительства», а также сомнения в улучшении судьбы «маленьких людей» даже при успешном исходе войны.

Армейцы и моряки-балтийцы на страницах периодики, беллетристических произведений и перед фотообъективом

Численность личного состава находившихся в Финляндии армейских частей стала максимальной в конце августа – сентябре 1917 г., когда из-за угрозы германского десанта на северо-западном российском рубеже появились дополнительные войска [Клинге, 2005; Норри, 2011; Luntinen, 1997].

Так, в Выборгском гарнизоне служили 10–12 тыс. чел., в Свеаборге (Гельсингфорсе) — 25 тыс. чел., на Або-Оландской Укрепленной позиции — 6500 чел. Если к этому добавить находившиеся в районе Выборга части численностью до 4 тыс. чел., то можно заключить, что общее количество сухопутных войск, размещенных в Финляндии, прежде всего, вдоль западного побережья и у железнодорожных магистралей, составляло около 100 тыс. чел. Вместе с личным составом финляндских военно-морских баз Балтийского флота в этот период в бывшем Великом княжестве находилось до 125 тыс. русских солдат и матросов [Башмакофф, Лейнонен, 1990; Nähri 1984; Turpeinen, 1984; Ketola, 1987; Nykvist, 1988].

Как уже отмечалось, языковой барьер обычно не позволял контактам между местными жителями финляндских губерний и размещавшимися здесь военными выходить за рамки элементарных бытовых отношений. Хотя сохранились свидетельства о том, что в некоторых коммунах русские обычно приглашали финнов и шведов на свои праздники «с песнями и музыкой» [Nykvist, 1988]. Незнание населением глубинки русского языка вряд ли вызывало у обычного военнослужащего «чувство беспредельной национальной горечи и обиды», о котором часто писалось в официальной «Финляндской газете». В частности, «после многих и совершенно неудачных попыток» автора одной из публикаций «объясниться с туземным населением языком их метрополии» [Б. Л-ий, 1914]. Однако в заметке упоминаются и факты взаимной заинтересованности сторон в развитии контактов, выгодных как для военных, так и для жителей Великого княжества.

«Кто бывал летом в Вильманстранде [Лаппеенранта – *Е.Д.*], — пишет автор, — тот, конечно, мог наблюдать, как целыми обозами тянутся крестьянские телеги на рынок и в места расположения войск, всегда находя по очень высоким ценам сбыт излишку своих продуктов». Так же благоприятно для горожан, особенно жителей Гельсингфорса, стал, благодаря военному постою, решаться вопрос о сдаче жилья внаем. «Многочисленные же миниатюрные городки, совершенно безнадежные в экономическом отношении из-за своего отдаленного

положения, буквально перерождаются с приходом войск и долго затем живут на счет получаемых у них заработков» [Там же].

В шведоязычных и финноязычных изданиях наряду со статьями, направленными против пребывания русских войск в Великом княжестве, можно обнаружить и публикации, которые отмечали положительные для края последствия российского «военного присутствия». Автор «Письма из Экенеса» в газету «Huvudstadsbladet», описывая изменившийся к лучшему облик провинциального города, указал на «громадное и разностороннее значение» появления в окрестностях Экенеса (Таммисаари) целого казарменного городка для русских военных, в народе городок получил название «Россия». Перед войной здесь было закончено строительство сорока каменных зданий, двадцати складов, надворных построек, конюшен и т.п.

Местным жителям строительство оказалось выгодно тем, что мастера, особенно плотники, смогли хорошо заработать. Помимо рабочих рук военным понадобилось много строительного материала, который, разумеется, не был привозным, и население получило большую выгоду от его поставок. Оживилась дорога, которая прежде оставалась настолько безлюдной, что временами в Экенес бывало трудно добраться: «русские военные делают несколько рейсов в день между Экенесом и казарменным городком, и желающие могут воспользоваться их повозкой». Если сначала горожане испытывали «опасения и страхи» из-за появления казаков и близкого соседства с обитателями казарменного городка, то, по свидетельству автора письма, эти страхи быстро рассеялись. Военные вели себя совершенно корректно, и никаких осложнений в отношениях между ними и жителями Экенеса не замечалось [Huvudstadsbladet, 1914: 14]. Как свидетельствует очевидец, многие крестьяне из коммуны Лиллкюро, занятые на строительстве военных укреплений в губернии Ваза, хвалили русских офицеров, считая их добродушными и порядочными людьми. Однако отношения здешнего населения к российским военным все же не стоит идеализировать: после вывода отдельных воинских частей из района Эстерботнии (Похъянмаа) вглубь Финляндии члены самоуправления коммуны высказывались против их возвращения [Heikkinen, 1999: 25–36]. Такие настроения нельзя объяснить исключительно недовольством жителей края из-за падения дисциплины в войсках во время «демократизации» армейской и флотской жизни весной – летом 1917 г.

По словам свидетеля событий, в годы войны «у русских была суровая дисциплина»: провинившимся полагалось просить у остальных прощения на виду у всех, и «офицер бил их» [Там же, 28]. Понятная для военнослужащих российских войск и признаваемая ими «отеческая» репрессивность традиционалистического общества [Булдаков, 2000: 253–264] в глазах финляндцев становилась из ряда вон выходящим фактом, запоминающимся на всю жизнь.

Рукоприкладство начальства и придирки, особенно со стороны младших командиров, по причинам, подчас весьма далеким от дел службы, нередко становились причиной дезертирства нижних чинов. В частях, размещенных на российско-шведской границе, оно приняло форму бегства солдат в соседнюю Швецию [КА. Д. 6064]. Показания дезертировавшего в январе 1917 г. рядового 1-го Пограничного конного дивизиона Е. Артеева, вернувшегося из Швеции летом того же года, проливают свет на ту обстановку, в которой нередко проходила служба мобилизованных в армию, в большинстве своем, вчерашних крестьян. На допросе в контрразведывательном отделении 42-го армейского корпуса Артеев,

призванный в 1914 г., рассказал, что сначала отношение к нему со стороны офицеров и унтер-офицеров было доброжелательным. Причиной резкого ухудшения отношений стал конфликт с унтер-офицером, вызванный сведением личных счетов из-за расположения к Артееву одной из жительниц финского города Кеми.

Конфликты с населением бывшего Великого княжества из-за преследования жительниц Финляндии со стороны рядовых военнослужащих многократно увеличились в обстановке «вседозволенности», сопровождавшейся падением дисциплины в войсках после Февральской революции 1917 г..

В письмах, поступивших в редакцию «Известий Гельсингфорского совета», постоянно звучали призывы солдат и матросов к их товарищам не бросать своим поведением тень «на юную революционную свободу». Таково, например, обращение служившего в Гельсингфорсе в крепостной роте минной обороны моряка А. Новикова, которому в июле на одной из центральных улиц финляндской столицы — Эспланаде — пришлось спасти «русскую барышню» от принуждения к сожительству и неминуемых побоев в случае отказа, которыми ей угрожал матрос с миноносца «Боевой» [РГА ВМФ. Ф. Р-315, Оп. 1. Д. 21. Л. 28–29]. И. Ю. Моисеева на материале писем участника Первой мировой войны, хранящихся в Научном архиве Национального музея Республики Коми, отмечает весьма распространенные опасения военнослужащих по поводу венерических заболеваний. Эти опасения сдерживали от соблазна беспорядочных отношений, с отсутствием которых приходилось мириться фронтовикам [Моисеева, 2007: 187]. При размещении войск в гарнизонных городах Финляндии, не ставшей театром военных действий, такая мотивация к воздержанию срабатывала меньше.

Невзирая на обвинения в адрес матросов, пораженных «гостеприимчатой болезнью», и во избежание обид со стороны жительниц города «за непристойное приставание к женщинам наглых мужчин», читатель гельсингфорских «Известий», подписавшийся лишь инициалом, выступил с необычным предложением. Поскольку в годы войны «в Гельсингфорсе проститутки развелось очень много, а матросов, солдат и рабочих мужчин масса», автор письма в редакцию, оставшегося, правда, неопубликованным, посоветовал «всем женщинам честным носить заметку о честности: белую ленту на правом рукаве» или «принять какие-либо другие меры честным женщинам», и объявить в газетах о принятых мерах, позволяющих «отличить честную женщину от проститутки» [РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21. Л. 32–34].

Говоря о повседневной жизни солдат и офицеров российских войск, дислоцированных в Финляндии, нельзя обойти вниманием вопрос о продовольственном снабжении [Бажанов, 2014: 146–155]. Эстонец по происхождению А. Валтари оставил воспоминания, в которых нашли отражение различные стороны повседневной жизни солдат 422-го пехотного полка, размещавшегося в начале 1916 г. в Тавастгусе (Хямеенлинна), и 424-го Чудского, стоявшего неподалеку в Сатакунта. На основе личных впечатлений от прохождения службы он рассказывал о том, что по утрам солдаты завтракали чаем с хлебом и солью, на обед их кормили селедкой или салакой с картошкой, гречневой или просяной кашей. По вечерам давали картофельный или гороховый суп, щи или свекольник и чай. На день по норме полагалось 10 кусочков сахара и порция топленого масла с гречневой кашей. Как отметил А. Валтари, такое питание считалось разнообразным. В полковой пекарне десять человек за день выпекали от восьмисот до тысячи караваев весом в 5 кг. Пекарня располагалась

в специальном бараке посреди казарменного двора, там же находились 16 полевых кухонь полка для личного состава в 4 тысячи военных. Самовары с кипятком имелись в каждом батальоне [Korkama, Roudasmaa, 1988: 256].

В действительности разнообразия в продуктах, поступавших на стол российского солдата, было крайне мало, хотя Главное интендантское управление предпринимало все возможное для расширения наименования продуктов, входивших в солдатский рацион. По заключению исследователя, сама система продовольственного снабжения русской армии, несмотря на явные недостатки, все же справилась с поставленной перед ней в годы войны задачей обеспечения самым необходимым, и прежде всего, продуктами питания. Однако масштабы заготовок приводили к недостатку в разнообразии продуктов питания рядовых военнослужащих, и уже в ходе войны приходилось изыскивать новые пути решения этой задачи, в частности, проводились эксперименты по выработке новых вариантов консервов, сушению овощей и т.д. [Аранович, 2003: 138–141].

Условия размещения военнослужащих также оставляли желать лучшего. По свидетельству А. Валтари, казармы полка, где он служил, были тесными и душными, с нарами в три этажа, и на рядового приходилось лишь полметра жилого пространства [Korkama, Roudasmaa, 1988: 256].

В финляндской провинции, вдалеке от больших городов, где не было большого скопления военных, политические баталии, разворачивавшиеся в столичной прессе Великого княжества, не влияли на повседневную жизнь сельского населения и не сказывались на отношении к финнам и шведам со стороны военнослужащих. В годы войны нижние чины продолжали оставаться довольно изолированными от местного населения не столько из-за специфики военной службы, сколько из-за различий в культуре, языке и конфессиональной принадлежности.

... и перед фотообъективом

Наработки историков в области антропологической интерпретации фотографий военнослужащих [Добрындеев, 2010; Круткин, 2005] определяют подходы к анализу армейских фотопортретов периода Первой мировой войны. В частности, фотоматериалов из коллекции Эрика Хагглунда, которые в 1916–1918 гг. были сделаны в фотоателье в Вёро (губ. Ваза) и ныне хранятся в Архиве Шведского Литературного общества в Финляндии, а также офицерских фотопортретов и фотографий нижних чинов, сделанных в канун и в период Первой мировой войны, и опубликованных в мемуарной и исследовательской литературе.

Фотография занимает важное место в арсенале визуальной антропологии, поскольку «социальный опыт включает в себя визуальную составляющую — умение видеть и умение быть видимым» [Круткин, 2005], а фотопортрет всегда является средством конструирования такой реальности, какой ее хотели бы видеть изображенные на снимках. Как отметил ижевский исследователь В. Л. Круткин, фотографирование ввело в повседневность новый опыт видения, повлияв на биографическую память, причем исследовательский интерес представляет «не только фотографирование события, но и само событие фотографирования» [Круткин, 2005]. Безусловно, оно становилось значимым и для пехотинцев, кавалеристов, санитаров, служивших вблизи шведской границы на северо-западном рубеже воюющей империи и воспользовавшихся возможностью

запечатлеть себя вместе с товарищами по оружию как в павильоне фотоателье финляндского шведа Э. Хагглунда, так и в зафиксированных им постановочных сценах «на природе» или на улицах местечка Вёро.

В нашем распоряжении имеется 16 снимков из этой коллекции, в частных архивах и Архиве Карельского научного центра РАН обнаружены фотопортреты моряков Балтийского флота и пехотинцев в окружении сослуживцев, в том числе сделанные в фотоателье г. Кронштадта [Дубровская, Кораблев, 2017]. Фотографии, снабженные общеупотребительными инскриптами, зачастую присылались родным по почте.

Одна из опубликованных армейских фотографий (рис. 1.) представляет собой групповой портрет моряков Балтийского флота: офицера в окружении шести нижних чинов.

Рис. 1. Флотская повседневность. Моряки-балтийцы летом 1917 г. Крайний слева — уроженец Водлозерья (Пудожский уезд Олонецкой губ.) А. Д. Зайцев, впоследствии житель г. Мончегорска. [Дубровская, Кораблев, 2017: 227]

Фотография получена от потомков Ф. Д. Ермилиной (Фокиной), крестьянки д. Канзанаволок Водлозерской вол. Пудожского уезда Олонецкой губ. На фотооткрытке, где с оборотной стороны обозначено место для марки, для основного текста и для адреса, имеется традиционный инскрипт: «На добрую память Кумушке Феклы Даниловны Фокиной от кума Лёши» и неразборчивая дата, которую можно прочесть как 10. III и как 10. VII 1917 г. Этот снимок, посланный на родину Алексеем Даниловичем Зайцевым, совпадает по времени с другим его фотопортретом, сделанным в мастерской финского города Або (Турку), и с фотографией, присланной по почте летом 1917 г. (рис. 2.). На ней двое

моряков-балтийцев запечатлели себя в декорации фотоателье, изображающей веселую лодку в тихой речной заводи на фоне ветвей прибрежных деревьев, склонившихся к воде. Подобный фотосюжет был весьма распространенным для армейских снимков периода Первой мировой войны.

Рис. 2. Фотография Алексея Даниловича Зайцева (справа), с товарищем по службе в Балтийском флоте. Август 1917 г. [Дубровская, Кораблев, 2017: 200]

Надпись на бескозырках стоящих внутри этой наивной декорации А. Д. Зайцева и его товарища можно прочесть лишь частично: «Балт. Флот». Инскрипт на обороте фотооткрытки адресован племяннице И. А. Махлатовой, урожд. Ермилиной: «На добрую память дорогой крестнице Ирише», и датирован 12 июля 1917 г. Это позволяет с уверенностью говорить о том, что обе рассматриваемые фотографии были сделаны почти одновременно. Исходя из деталей флотской повседневности, сохраненных фотографией, можно утверждать, что групповой снимок моряков-балтийцев относится не к весне, а к лету 1917 г.

Прежде всего следует отметить, что моряки сфотографированы уже после того, как отшумела известная «погонная революция» на флоте [Колоницкий, 2001: 56–60]. Балтийский флот, выступив инициатором отмены погон у морских офицеров, во многом подготовил почву для отданного в мае распоряжения военного и морского министра А. Ф. Керенского об упразднении погон и введении нарукавных нашивок на флотскую офицерскую форму по образцу военного обмундирования союзного российскому британского флота [Тимирев, 1998: 32–33]. На групповой фотографии неизвестный офицер запечатлен именно в таком «британском» кителе.

К тому же белые форменки и белые брюки офицера — это летняя форма одежды в солнечные дни, и к мартовским дням относиться не может. Снимок сделан не на корабле, как может показаться с первого взгляда. После трагического для российского флота большого морского сражения с японцами 14 мая 1905 г.

в Цусимском проливе на кораблях было запрещено иметь деревянную мебель. А на снимке группа моряков расположилась на деревянных стульях вокруг деревянного стола с пишущей машинкой. На кораблях моряки обычно фотографировались на палубе или на мостике [Цветков, 2009: 41, 45, 47–48, 57, 76–77, 85–93].

В пользу съемки на берегу говорит и тот факт, что помещение просторное, в нем много света, это вновь наводит на мысль, что она производилась в летнее время. Аксельбант на кителе офицера может свидетельствовать, что это штабной офицер, да и интерьер, в котором сделана фотография, больше соответствует штабному помещению. Итак, снимок скорее всего, сделан на берегу, хотя не исключено, что это салон на верхней палубе реквизированного для военных нужд парохода, ставшего, допустим, плавбазой.

На вопрос о чине офицера вряд ли можно дать определенный ответ, поскольку весь обшлаг его кителя на снимке не виден. Очевидно лишь, что верхний галун с характерным завитком «кёрлом» вдвое шире нижнего, хотя мог быть и еще один нижний, не видный на фотографии. Если узкий галун один, то перед нами мичман, что более соответствует возрасту портретируемого, если их два — лейтенант. Однако есть деталь, позволяющая предположить последнее. В петлице виден Орден св. Георгия 4-й степени, полускрытый канцелярским прибором. Получивший эту награду получал и представление к следующему чину, хотя в обстановке ширившейся «демократизации» армии и флота к лету 1917 г. установления подобного рода, сделанные в вооруженных силах царского времени, вполне уже могли перестать действовать⁴.

«Послегоспитальная» короткая стрижка офицера допускает предположение о том, что после ранения этот человек мог быть откомандирован в распоряжение одного из штабов морских частей на Балтике. Территория Финляндии, как и большая часть акватории Финского залива, не стали театром военных действий, и прохождение службы здесь порой расценивалось как своего рода «отдых» после участия в боях.

Военные, служившие в российской армии и на флоте в Финляндии, в подавляющем большинстве были русскими. Вместе с тем в частях и подразделениях встречались представители самых различных этносов, с началом Первой мировой войны мобилизованные «под ружьё». Подтверждением тому — один из моряков из упоминавшейся группы балтийцев, отличающийся восточной внешностью, или земляки, сфотографировавшиеся в ателье Э. Хагглунда, предположительно, уроженцы Поволжья, марийцы или татары, которые летом 1917 г. решили запечатлеть себя с раскрытой книгой за столом, покрытым белой скатертью, в интерьере фотомастерской.

Правда, в этом же интерьере сделаны и мене «строгие» снимки, на которых на столе перед портретируемыми вместо книг красуются бутылки и стаканы. Одна из фотографий изображает замершего на стуле молодого кавалериста с шашкой в ножнах, рядом с которым на соседнем стуле «служит» на задних лапках небольшая собачка — возможно, его преданный друг, память о котором захотелось сохранить или поделиться эмоциональной памятью с теми, кто остался на далекой родине.

⁴ Приношу искреннюю благодарность С. Л. Рычкову за помощь в интерпретации фотодокумента.

Один из кавалеристов снят вне студии в полной форме верхом на лошади (рис. 3.), трое кавалеристов в окружении двух санитаров с велосипедами решили запечатлеть себя на фоне аккуратных домиков шведского местечка. С фотографии, сделанной «на природе» и относящейся, по всей вероятности, к дореволюционному периоду, смотрят служившие в Эстрепотнии товарищи по оружию — пехотинцы и кавалеристы. От других снимков коллекции это изображение отличается тем, что обмундирование портретируемых полностью соответствует уставной форме одежды, чего не скажешь о военных, запечатлевших себя у Э. Хаггунда весной 1917 — зимой 1918 гг.

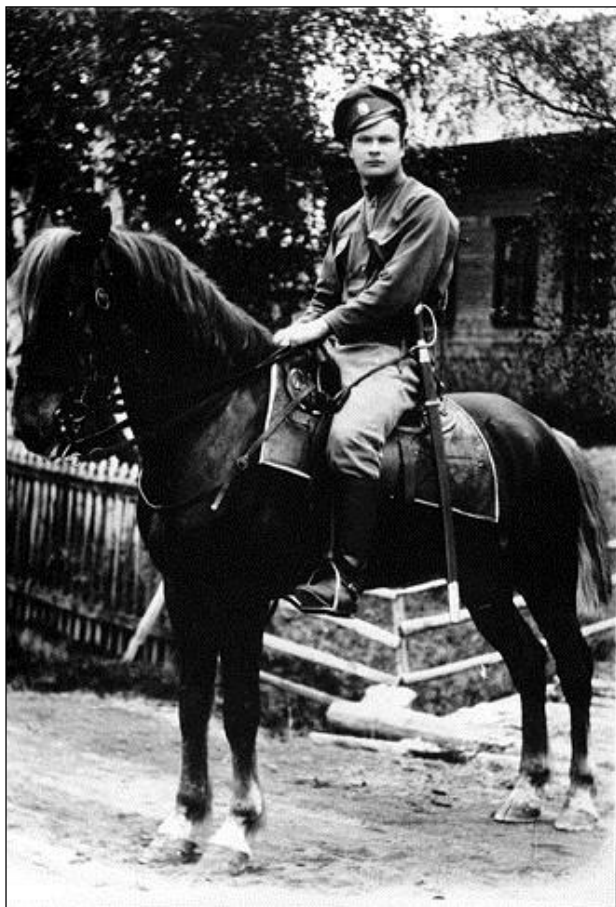

Рис. 3. Кавалерист (Из коллекции фотоателье в Вёро, губ. Вааса, Финляндия). 1918 г. [Дубровская, 2008: 66]

На большинстве фотографий военные украшены неизменным символом революции — кусочком красной материи под кокардой фуражки, который свидетельствует как о их симпатиях к переменам в обществе и в армии, так и о намерении продемонстрировать лояльность новой власти и новому порядку (последнее часто диктовалось стратегией выживания). На фотографиях нижних чинов, особенно на групповых изображениях «революционного» времени, можно увидеть и «неуставные» кепки, и шейные платки, и едва затянутый, выражаясь

современным языком, «дембельский» ремень, и чуть ли не наполовину вынутую из ножен шашку, и даже букетик знаков — те атрибуты, с которыми рядовые пожелали сохранить себя «для истории». (рис. 4.)

Рис. 4. Символы «демократизации» армии: революционные бантики и другие неуставные элементы обмундирования (Из коллекции фотоателье в Вёро, губ. Вааса, Финляндия). Лето 1917 г. [Дубровская, 2008: 110]

Фотоизображения российских военных, сделанные шведским фотографом, помогают понять, как весной — летом 1917 г., в условиях повседневной жизни в отдаленной финляндской провинции, вдали от арены политических дебатов бывшей великокняжеской столицы, формировался механизм адаптации российских военных к новым условиям жизни в иной культурной среде. Срок пребывания российских войск в местах своей более чем вековой дислокации подходил к концу

Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (0225-2018-0011).

Источники

Российский государственный архив Военно-морского флота (в тексте — РГА ВМФ). Ф. 760. Оп. 1. Д. 14; Ф. Р.-35. Оп.1. Д.21

Kansallisarkisto (в тексте — КА). Коллекция «Русские военные бумаги». Д. 3847, 14007, 13841, 3683, 6064.

Список литературы

Аранович А. В. Из истории военного Петербурга. СПб.: «Перспектива – Просвет», 2003. 176 с.

- Асташов А. Б. Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. М.: РОССПЭН, 2002. С. 268–281.
- Асташов А. Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность: Новый хронограф, 2014. 740 с.
- Бажанов Д. А. Снабжение экипажей кораблей Гельсингфорсской военно-морской базы в марте-мае 1917 г.: повседневность и политика // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. С.146–155.
- Бажанов Д. А. Щит Петрограда: служебные будни российских дредноутов в 1914–1917 гг. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 224 с.
- Башмакофф Н., Лейнонен, М. Из истории и быта русских в Финляндии. 1917–1939 // *Studia Slavica Finlandensia VII* / Eds. V. Melanko, A. Mustajoki, E. Peuranen. Helsinki, 1990.
- Безрогов В. Г. Культура памяти: мифологизация и/или историзация пережитого? // Культура исторической памяти: неустребованный опыт. Матер. Всеросс. науч. конф. Петрозаводск, 2003. С. 7–13.
- Бердинских В. А. Проблемы устной истории и русское крестьянство в XX веке // Устная история в Карелии. Сб. науч. статей и источников. Вып. 1. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2006. С. 17–20
- Б. Л-ий. Обыкновенная история // Финляндская газета. 1914. 8 марта
- Булдаков В. П. «Другая» революция: пути и возможности переосмысления Октября // Академик П.В.Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М.: Наука, 2000. С.238–264.
- Витухновская М. А. «Битва монументов»: Русско-шведские войны в национальной памяти империи и Великого княжества // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века). Междунар. коллоквиум. Научн. докл. СПб.: Европейский дом, 2007. С. 48–58.
- Голубев А., Ушакин С. Экс-позиция письма: о правилах чтения чужой переписки // XX век: письма войны. Антология военной корреспонденции. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 8–21.
- Добрыднев В. А. «В память моей военной службы...» Армейский фотопортрет как отражение социальных представлений военнослужащих // «Война и сакральность». Матер. Четвертых междунар. чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии». М. - СПб: ИВИ РАН, 2010. С.218–221.
- Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны. Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. 128 с.
- Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб: «Нестор-История», 2017. 432 с.
- Клинг М. Имперская Финляндия / Пер. с фин. СПб.: «Коло», 2005. 616 с.
- Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года / Ред. В. Ю. Черняев СПб.: Дм.Буланин, 2001. 349 с.
- Колоницкий Б. И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб : Остров, 2001. 83 с.
- Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России: опыт этнографического анализа. М.: НЛЮ, 2005. 376 с.

Корнаков П. К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // *Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть* / Ред. В. Ю. Черняев. СПб.: «Глагол», 1994. С.356–365.

Круткин В. Л. Антропологическая интерпретация фотографии // VI Конгресс этнографов и антропологов России. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 384

Круткин В. Л. Антропологический смысл фотографий семейного альбома // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2005. Т. 8. № 1. С. 171–178.

Куприянов П. С. В чужом плену: европейцы за пределами Европы. По материалам рубежа XVIII–XIX вв. // *Социальная история. Ежегодник 2007*. М.: РОССПЭН, 2008. С. 303–334

Моисеева И. Ю. Фронтной дневник: трансформация гендерных аттитудов в экстремальной ситуации // *Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации*. СПб.: Индрик, 2007. С. 179–187.

Назаренко К. Б. Балтийский флот в революции 1917–1918. М.: Эскимо, М.: Яуза, СПб: Якорь, 2017. 448 с.

Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, солдат и крестьян России в период Первой мировой войны (1914–март 1918 г.). Екатеринбург. УрО РАН, 2000. 415 с.

Пушкарева Н. Л. История повседневности: предмет и методы // *Социальная история. Ежегодник 2007*. М.: РОССПЭН, 2008. С. 9-54.

Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.

Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.

Соколова И. В. Экстремальные ситуации на войне и после войны (память и текст) // *Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации*. СПб.: Индрик, 2007. С.188–198.

Соломещ И. М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917). Петрозаводск: ПетрГУ, 1992. 90 с.

Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера. СПб.: Изд. альманаха «Цитадель», 1998. 191 с.

Цветков И. Ф., Бажанов Д. А. Дредноуты Балтики. Линейные корабли типа «Севастополь» в первой мировой войне и революции (1914–1919 гг.) СПб.: «ИСТФЛОТ», 2009. 131 с.

Шадрова В. М. Роль источников личного происхождения в изучении повседневных аспектов жизни военнослужащего // *Историко-психологические аспекты военной службы. Матер. XLIII Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14 мая 2018 г.* / Под ред. С. Н. Полторака. СПб.: Полторак, 2018. С. 178–180.

Brev från Ekenes // *Huvudstadsbladet*. 1914. 14 mars.

Heikkinen S. Den Ryska soldatsken och Österbottningarna // *Blod på drivan: Händelserna 1917–1918 ur ett östrbottniskt perspektiv*. Vasa: Österbottesmuseum, 1999. S. 25 - 36.

Hoppu T. The Fate of Russian Officers // *Tampere. 1918. A Town in the Civil War* / Eds. T. Hoppu, P. Naapala. Tampere: Tampere Museums' Publications 113, 2010. P. 152–154.

Hoppu T. Joki ja sen väki II. Kokemäen Historia 1870–2010. Tallinn: Tallinna Raamatutrukikoda. Kokemäenkaupunki, Kokemäenseurakunta, 2011. S. 135–148.

- Nähri M. Venäläiset juokot Suomessa autonomian aikana // Venäläiset Suomessa: 1809-1917 / Toim. P. Kurkinen. Finnish Historical Society, 1984. S. 161–180.
- Turpeinen O. Venäjankielisten määrä Suomessa vuonna 1900 // Venäläiset Suomessa: 1809–1917 / Toim. P. Kurkinen. Finnish Historical Society, 1984. S. 21–28.
- Ketola E. Suomen solitaskapina – Lokakuun vallankumouksen strateginen edellytys // Historiallinen Arkisto. Helsinki, 1987.
- Korkama E., Roudasmaa S. Tapparasta tankkeihin. Hämeenlinnan varuskunnan historia. Joensuu: Kanta-Hämeen sotaveteraniipiiri, 1988.
- Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki: Finnish Historical Society, 1997. 486 p.
- Nykvist N. E. Aktivism och passivt måtstand i södra Svenskösterbotten 1899–1918. Vasa, 1988.

Сведения об авторе:

Дубровская Елена Юрьевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН

Dubrovskaya Elena Yurjevna,

PhD (History), Senior Research Fellow of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of the RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.99-109
УДК 159.9.072 :576.08

**Д. А. Петрашова, В. В. Пожарская,
Е. В. Хорева, С. Н. Коломейчук, Р. Е. Михайлов**

**ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ТЕСТИРОВАНИЯ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЦИТОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЕТСКОГО
И ПОДРОСТКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПОЛЯРЬЯ**

Аннотация

Статья посвящена вопросу о необходимости психолого-социологического тестирования при проведении цитогенетических исследований. Обосновывается необходимость расширения тестирования тестами, характеризующими тип хронотипа и качество сна, при проведении исследований на территориях, расположенных за Полярным Кругом. Приведены данные по частоте встречаемости цитогенетических нарушений в клетках буккального эпителия и лимфоцитах периферической крови школьников, проживающих в пгт. Умба Мурманской области. Показаны биологически значимые ассоциации цитогенетических нарушений с результатами оценки дневной сонливости (русская версия опросника PDSS) и хронотипа.

Ключевые слова

микроядра, дестабилизация генома, буккальный эпителий, лимфоциты, хронотип, дневная сонливость, PDSS

D. A. Petrashova, V. V. Pozharskaya,
E. V. Khoreva, S. N. Kolomeichuk, R. E. Mikhailov

PECULIARITIES OF PSYCHOLOGICAL AND SOCIOLOGICAL TESTING DURING CYTOGENETIC STUDIES OF CHILDREN AND ADOLESCENTS IN THE POLAR REGION

Abstract

The article confirms the evidence for combined psychological and sociological monitoring alongside the cytogenetic studies. It justifies the need to expand probing methods characterizing the chronotype and the quality of sleep while conducting research in areas located beyond the Arctic Circle. The data on the frequency of cytogenetic disorders in the buccal epithelium cells and peripheral blood lymphocytes samples of schoolchildren living in rural areas of Murmansk region (Umba) are represented. Biologically significant associations of cytogenetic disorders with the results of the assessment of daytime sleepiness (Russian version of the PDSS questionnaire) and the chronotype are shown.

Keywords

micronuclei, genome destabilization, buccal epithelium cells, lymphocytes, chronotype, daytime sleepiness, PDSS.

Введение

Микроядерный тест на соматических клетках человека характеризуется надежностью получаемых результатов, универсальностью объектов исследования, простотой по сравнению с другими методами определения повреждения ДНК, например, метафазным анализом, методом комет и т.д., и, в то же время, не уступает им по чувствительности [Garaj-Vrhovac, 2001; Горовая, 2002; Zeljezic, 2004]. Он позволяет судить о нарушениях, произошедших во время митоза [Rosin, 1992]. При исследовании человека наибольшее применение нашел микроядерный тест на лимфоцитах периферической крови и клетках буккального эпителия. Однако, на получаемые результаты могут влиять такие факторы как пол [Ghose, 1995; Китаева, 1996; Маймулов, 1998; Юрченко, 2007], возраст [Юрченко, 2007; Буторина, 2000; Bukvic, 2001], иммунологический и психологический [Соболь, 2008] статус обследуемых людей, а также диета [Pastor, 2001; Pastor, 2001 б; Лейтина, 2003; Юрченко, 2003], вредные привычки [Агбалян, 2015] и прием медикаментов. Их следует учитывать как при формировании групп для обследования, так и при статистической обработке данных и трактовке результатов [Ингель, 2006; Полиорганный микроядерный..., 2007].

Проживание в условиях Заполярья вносит свои особенности в формирование дизайна цитогенетических гигиенических исследований. Экстремальные колебания освещения (полярный день и полярная ночь) несомненно оказывают влияние на качество и продолжительность сна, а индивидуальная реакция на это воздействие определяется индивидуальными психо-физиологическими особенностями и способностью к пространственно-временной организации (хронотип). Нарушение сна является одной из наиболее частых жалоб, с которыми сталкивается педиатр. По данным Е. С. Акарачковой и соавт. значительная часть школьников испытывает временные или постоянные трудности, связанные с нарушением сна [Акарачкова, 2013]. Для оценки качества сна в клинике используют несколько инструментов, прежде всего, такой как дневник сна, а также анкеты для детей и родителей [Акарачкова, 2013].

Выявление проблем сна среди школьников особенно важно для эффективной профилактики нарушений сна и улучшения успеваемости у этой группы населения. Половое созревание является важным периодом для развития различных факторов риска здоровью подростков, поэтому существует необходимость адекватной диагностики и коррекции нарушений сна для предотвращения заболеваний в более зрелом возрасте [Ohida, 2004]. Ранее у школьников, проживающих в Республике Карелия, была выявлена зависимость продолжительности сна от возраста [Kolomeichuk, 2016]. Изменения параметров сна указывают на ранние признаки десинхронизации между биологическими часами для выборки в 539 школьников Республики Карелия и социальными указателями времени [Коломейчук, 2017]. Полученные нами данные также предполагают возможность связи академической успеваемости с субъективной оценкой параметров сна в сочетании с качеством сна. Они могут служить в качестве маркеров нарушений сна в условиях Европейского Севера России

Материалы и методы

Исследование проводилось в сентябре 2018 г. проводились в пгт Умба Терского района. Сформированная группа состояла из 11 школьников в возрасте 14–17 лет.

План исследования включал в себя интервьюирование, многопараметровое психологическое тестирование и цитогенетический анализ буккального эпителия и лимфоцитов периферической крови подростков.

Обследование проведено в соответствии с принципами Хельсинкской декларации об этических принципах медицинских исследований, утвержденной Всемирной медицинской ассоциацией, и нормами профессиональной этики: с соблюдением принципа конфиденциальности получаемой информации, обеспечением права человека отказаться от участия в обследовании; информированием испытуемого об использовании получаемой информации. Каждый испытуемый, отвечавший на вопросы теста, подписал информированное согласие на участие в обследовании.

Интервьюирование школьников проводилось с использованием специально разработанного опросника на наличие вредных привычек (курение, употребление алкоголя), медикаментозного лечения, флюорографического и/или рентгенографического обследования, условий режима дня и питания. Уточнялась этническая самоидентификация родителей, длительность их проживания на территории данного населенного пункта, а если в течение жизни были переезды, то уточнялось место рождения родителей и длительность проживания в каждом из мест проживания. Также родителями каждого из обследованных подростков заполнялся опросник, в котором указывалось наличие хронических заболеваний у ребенка, особенности течения беременности, родов и развития ребенка в течение первых лет жизни (рост и вес при рождении, во сколько ребенок начал ходить и говорить и т.д.). Проводился опрос подростков и их родителей о представленности в рационе питания продуктов местного происхождения (рыба, мясо, лесные грибы и ягоды, продукты питания, выращенные на дачных участках), употреблении витаминно-минеральных комплексов, рыбьего жира.

Психологическое тестирование включало в себя блок стандартных психологических опросников, таких как: опросник исследования тревожности у подростков, типовая карта методики САН, шкала для психологической

экспресс-диагностики уровня невротизации, тест на тревожность по Спилбергеру-Хани, цветовой тест Люшера.

Оценка дневной сонливости проводилась с помощью русской версии опросника PDSS -детская шкала дневной сонливости [Randler, 2018]. Для оценки продолжительности и качества сна подростков использовали анкеты Мюнхенский тест для оценки хронотипа [Roenneberg, 2006] и Питтсбургский тест для оценки качества сна [Buysse, 1989] Хронотип выражали как середину фазы сна в выходной день в часах с поправкой на долг сна, накопленный за учебные дни.

Формулы, использованные для расчета характеристик сна, хронотипа и социального джетлага:

$$ПСс = (ПСр \times [7-ВД] + ПСв \times ВД) / 7$$

$$ССс = ССв - 0,5 \times (ПСв - ПСс)$$

$$СДЛ = ССв - ССр ,$$

где ПСс — средняя за неделю продолжительность сна; ВД — количество выходных дней; ПСр — продолжительность сна в рабочие/учебные дни; ПСв — продолжительность сна в выходные дни; ССс — скорректированная середина фазы сна (хронотип); ССв — середина фазы сна в выходные дни; ССр — середина фазы сна в рабочие/учебные дни; СДЛ — социальный джетлаг [Borisov, 2015].

Соскоб клеток слизистой оболочки ротовой полости (буккального эпителия, неинвазивно) и взятие венозной крови (инвазивно) проводили у всех школьников, давших на это согласие, только после того, как они ответили на вопросы интервью и блока психологических тестов. Микроядерный тест на клетках буккального эпителия и лимфоцитах периферической крови человека проводился по стандартным международным протоколам [Thomas, 2009; Torres-Bugarin, 2014; Юрченко, 2007; [Пелевина и др., 2011; Tolbert, et al, 1992]. Все полученные данные вносились в реляционную многопользовательскую базу данных [Петрашова Д. А., Бурцев А.В., 2016].

Статистическая обработка материала проводилась в соответствии с рекомендациями, подготовленными на основе руководящих принципов для проведения исследований с использованием микроядерного теста, разработанных на втором заседании «Международной рабочей группы по оценке генотоксичности» (Вашингтон, США, 25–26.03.1999). Корреляционный анализ проводили с использованием критерия Пирсона. Учитывалось, что статистическая значимость не должна быть единственным фактором для определения положительных результатов, руководствовались биологическим смыслом обнаруженного явления [Kirsch-Volders et. al., 2000].

Российский и мировой опыт использования психолого-социального тестирования при проведении цитогенетических исследований

У людей в состоянии эмоциональной дезадаптации чувствительность генома к генотоксическим воздействиям повышается [Ингель, 1997; Ингель, Ревазова, 1999; Ингель, 2001; Dimitroglou et al., 2003; Ингель, 2005; Юрченко, 2007; Ингель, 2016; Калаев, 2017; Кравцова, 2018]. В тоже время, терапия, направленная на улучшение психо-эмоционального состояния человека, приводит к уменьшению цитогенетических патологий, а значит оказывает генопротекторное действие. Так, ряд исследований показывает, что прием успокоительного препарата *Fabomotizolum* на фоне аварийных выбросов в окружающую среду на металлургическом предприятии ведет к значимому

снижению частоты встречаемости всех типов хромосомных аббераций [Шредер и др., 2008; Дурнев и др., 2009; Дурнев и др., 2010б]. При анализе микроядер в клетках буккального эпителия отмечается повышение стабильности генома больных шизофренией вследствие выраженного антистрессового действия препаратов, применяемых для комплексной терапии [Калаев, 2015]. Поэтому необходимо учитывать степень эмоционального напряжения у человека для вычленения эффектов факторов окружающей среды уже на этапе формирования групп для обследования.

Как правило, при цитогенетических исследований проводится интервьюирование родителей, направленное на определение уровня дохода на одного человека, уровня образования родителей, жилищных условий (размер жилой площади на 1 человека и качество жилья), состава семьи, число взрослых на одного ребёнка, наличие вредных привычек у членов семьи (частота курения и употребления алкоголя). В результате полученной информации исследователи получают информацию о жизненных ценностях, восприятии окружающей действительности, укладом, стилем жизни, традициями и пр. как конкретного ребенка, его семьи, так и обследуемой когорты в целом.

Важность подобного интервьюирования заключается в том, что на нестабильность генома детей оказывают влияние социо-экономический статус семьи, эмоциональное напряжение родителей, менталитет, образ и качество жизни. Образ и качество жизни семьи оказывает влияние на нестабильность генома ребёнка. Так, при ухудшении условий проживания и со снижением душевого дохода семьи отмечается увеличение скорости пролиферации клеток в культуре крови детей, увеличение частоты встречаемости 2-ядерных клеток с множественными микроядрами (очень серьёзный признак глубины повреждения генома), а при увеличении душевого дохода — наблюдается снижение частоты образования несимметричных 3-ядерных клеток. Например, при ухудшении условий было отмечено ускорение пролиферации клеток в культуре крови детей. Но, помимо обстановки в семье, на геном ребенка оказывает значительное влияние и учебный процесс — показана связь психологического состояния учителя, его образования и стажа работы с показателями нестабильности генома учеников - чем ниже уровень образования учителя и степень его психологического комфорта, тем выше процент клеток, делящихся с нарушениями, ускоренно делящихся клеток, полиядерных клеток с микроядрами и другими повреждениями [Ингель, 2005; Ингель Ф. И. и др., 2011; Ингель Ф. И. и др., 2013].

Реакция на стресс индивидуальная и определенной степени зависит от генетической предрасположенности. Так, Психологическая депрессия (шкала Холмса-Рэя), Тревожность (шкала Тейлор), Переутомление (шкала Экклза), Межличностные отношения (методика Киселёва) — степень выраженности стресса у взрослых и детей на высоком уровне значимости коррелируют с содержанием диоксиновых соединений (полихлорированных бифенилов) в плазме крови обследованных людей, что связано с мутациями в генах детоксикации ксенобиотиков (PON54 (L/M или M/M), GSTM1 (0/0), GSTT1 (0/0)), которые могут приводить к увеличению степени выраженности стресса. Любые серьёзные мутации в геноме проявляются как предрасположенность к развитию состояния неадаптивного стресса. Генотоксические соединения (мутагены и канцерогены) индуцируют в клетках изменения, связанные с трансформацией

стабильного генома нормальной клетки в нестабильный, характерный для клеток опухоли. При исследовании мутагенных и генотоксических веществ установлена прямая корреляционная связь между уровнем нестабильности генома человека и риском развития рака через 10–20 лет после цитогенетического обследования [Selvarajah S., et al., 2008; Martin F. L., 2007].

Проживание в условиях Крайнего Севера накладывает свои особенности на формирование реакции на стрессовые факторы различной природы. Помимо техногенного воздействия в связи с развитыми горнодобывающей, топливно-энергетической, металлургической отраслями промышленности, свой вклад в стрессовую нагрузку на организм оказывает проживание в высоких широтах и связанные с этим региональные особенности: климат, наличие зимой полярной ночи, а летом — полярного дня. Отсутствие постоянного режима смены день/ночь вынуждает организм приспосабливаться, что сказывается на сезонном профиле и хронотипе человека, а это в свою очередь отражается на качестве его сна, дневной сонливости. На данный момент нет исследований, посвященных вкладу нарушения режима сон-бодрствование в дестабилизацию генома в условиях проживания за Полярным Кругом.

Таким образом, несмотря на то, что со времени начала применения микроядерного теста на буккальном эпителии и лимфоцитах крови человека прошло более 30 лет и за это время накопился значительный объем информации о сопряженности спонтанной частоты микроядер в клетках буккального эпителия и лимфоцитов и социально-экономическими условиями проживания, влиянием производственных факторов, психологической устойчивости индивидуума, некоторые аспекты проживания в экстремальных условиях Крайнего Севера до сих пор не изучены.

Результаты

Показано, что средние значения частот встречаемости клеток буккального эпителия с микроядрами (3.4 ± 0.50 ‰) в исследуемой группе не превышают среднепопуляционные показатели 2–5 ‰ [Tolbert et al., 1992]. Полученные значения для лимфоцитов периферической крови школьников (15.9 ± 1.52 ‰) соответствуют значениям, отмеченным у жителей российских городов — от 8.6 до 27.0 [Ингель Ф. И., 2006; Колубаева С. Н., 2010; Пелевина И. И. и др., 2011; Серебряный А. М. и др., 2011; Ахмадуллина Ю. Р., Аклеев А. В., 2013; Пожарская В. В., Петрашова Д. А., 2016]

Корреляционный анализ частоты встречаемости клеток буккального эпителия с микроядрами показал ассоциацию с вопросом PDSS “Чувствуете ли Вы себя обычно бодрым большую часть дня?” (всегда — 0 баллов, никогда — 4 балла) ($R=0.55$, $p=0.1$). Данная тенденция подтверждает гипотезу о том, что эмоциональная дезадаптация приводит к повышению чувствительности генома к генотоксическим воздействиям. Другая биологически значимая отрицательная обратная зависимость на уровне тенденции обнаружена с частотой встречаемости микроядер в клетках буккального эпителия и хронотипом ($R= -0.43$, $p=0.22$). Это свидетельствует о том, что смещение хронотипа к более позднему вносит определенный вклад в дестабилизацию генома детей. Данные тенденции, несмотря на превышение доверительных интервалов, представляют интерес, поскольку имеют биологический смысл и при увеличении выборки могут стать достоверными зависимостями.

Протрузии ядра в клетках буккального эпителия показывают достоверную отрицательную связь с вопросом PDSS “Как часто Вы чувствуете себя уставшим и раздражительным в течении дня?” ($R=-0.68$, $p\leq 0.05$). Частота встречаемости клеток с ядерной почкой и протрузией “разбитое яйцо” были также достоверно ассоциированы с вопросом PDSS “Как часто Вы думаете, что Вам не хватает сна?” ($R=0.70$ и $R=0.65$, соответственно, $p\leq 0.05$).

Для оценки степени нарушения пролиферации клеток буккального эпителия при проведении анализа препаратов учитывались клетки с двумя и более ядрами и клетки с круговой насечкой ядра. Частота встречаемости клеток буккального эпителия с более чем одним ядром ассоциирована с вопросами PDSS “Как часто Вы испытываете трудности пробуждения по утрам?” и “Как часто Вы снова засыпаете после того как проснетесь утром?” ($R=0.68$ и $R=0.74$, соответственно, $p\leq 0.05$).

Выводы

Микроядерный тест выявил тенденцию повышения частоты нарушения структуры микроядер в буккальном эпителии с нарушениями сна на пилотной выборке школьников Мурманской области. Кроме того, дневная сонливость повышает частоту возникновения ядер с аномалиями в буккальном эпителии и увеличивает степень нарушения пролиферации.

Полученные результаты подтверждают необходимость расширения психолого-социологического тестирования при проведении цитогенетических исследований в условиях Заполярья тестами для оценки дневной сонливости, качества сна и типа хронотипа.

Работа выполнена в рамках государственного задания 0226-2017-0019.

Список литературы

Агбалян Е. В., Шинкарук Е. В. Характеристика генотоксических и цитотоксических эффектов малых доз кадмия // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 6. С. 427–451.

Акарачкова Е. С., Вершинина С. В., Котова О. В., Рябоконт И. В. Основы терапии и профилактики стресса и его последствий у детей и подростков. Вопросы современной педиатрии. 2013;3:38–44.

Ахмадуллина Ю. Р., Аклеев А. В. Оценка уровня лимфоцитов периферической крови с микроядрами у потомков первого поколения хронически облученных отцов // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Вып. 2. С. 97–98.

Буторина А. К., Калаев В. Н., Карпова С. С. Влияние пола и возраста детей на частоту встречаемости микроядер в буккальном эпителии ротовой полости // Вестник ВГУ. Серия Химия. Биология. 2000. № 2. С. 143–145.

Горовая А. И., Климкина И. И. Использование цитогенетического тестирования для оценки экологической ситуации и эффективности оздоровления детей и взрослых природными адаптогенами // Цитология и генетика. 2002. Т. 36, № 5. С. 21–25.

Дурнев А. Д., Жанатаев А. К., Шредер О. В., Середенин С. В. Антимутагенные и антигератогенные свойства афобазола // Эксперим. и клин. фармакология. 2009. Т. 72. № 1. С. 46–51.

Дурнев А. Д., Соломина А. С., Жанатаев А. К. и др. Влияние афобазола на генотоксические эффекты табачного дыма в плаценте и в тканях эмбрионов крыс // Бюлл. эксперим. биол. и мед. 2010. б. № 3. С. 286–289.

Ингель Ф. И., Хусаинова Ш. Н., Легостаева Т. Б., Косдалеутова Г. А., Кривцова Е. К., Юрцева Н. А., Коганова З. И., Юрченко В. В., Анциферов Б. М., Иванов С. И. Стресс у человека. Генетические аспекты // Прикладная токсикология. Том 2, № 3 (5). 2011 С. 36–48.

Ингель Ф. И. Качество жизни и индивидуальная чувствительность генома человека. есть ли выход из порочного круга? // Экологическая генетика. 2005; 3(3): 38–46.

Ингель Ф. И. Методологические аспекты оценки эмоционального стресса в комплексных генетико-токсикологических исследованиях // Медицина труда и промышленная экология. 2001; 8: 45–8.

Ингель Ф. И. Перспективы использования микроядерного теста на лимфоцитах человека, культивируемых в условиях цитокинетического блока: Часть 2. Факторы среды и индивидуальные особенности в системе оценки нестабильности генома человека. Дополнительные возможности теста. Методика проведения экспериментов и цитогенетического анализа // Экологическая генетика. 2006. № 4. С. 38–53.

Ингель Ф. И., Степанова А. А., Степанова О. П., Легостаева Т. Б., Коганова З. И., Козлов О. Б. Факторы тревоги и вегетативный тонус старших дошкольников из магнитогорска // Гигиена детей и подростков. № 4, 2013 С. 65–73.

Ингель Ф. И., Прихожан А. М., Цуцман Т. Е., Ревазова Ю. А. Оценка глубины стресса и ее использование при проведении генетико-токсикологических исследований на людях. // Вестник Российской академии медицинских наук. 1997; 7: 24–8.

Ингель Ф. И., Ревазова Ю. А. Модификация эмоциональным стрессом мутагенных эффектов ксенобиотиков у животных и человека // Исследования по генетике. Вып. 12. СПб.: Изд-во СПб. ун-та; 1999: 86–103.

Ингель Ф. И., Юрченко В. В., Кривцова Е. Л., Юрцева Н. А., Легостаева Т. Б. Цитомный анализ эпителия слизистой оболочки щеки в комплексном генетико-гигиеническом обследовании детей в промышленном городе. // Гигиена и санитария. 2016; 95(10): 969–73.

Калаев В. Н., Артюхов В. Г., Нечаева М. С. Влияние агрессивности и связанных с ней психологических характеристик на частоту ядерных нарушений буккальных эпителиоцитов спортсменов // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. 2017. Т. 103. № 3. С. 327–347.

Калаев В. Н., Скамрова Г. Б., Игнатова И. В. Оценка стабильности генетического материала мужчин, больных параноидной шизофренией, на разных стадиях лечения с использованием микроядерного теста в буккальном эпителии // Экологическая генетика. 2015. Т. 13. № 3. С. 3–14

Китаева Л. В., Михеева Е. А., Шеломова Л. Ф., Шварцман П. Я. Генотоксический Эффект формальдегида в соматических клетках *in vivo* // Генетика. 1996. Т. 32, № 9. С. 1287–1290.

Коломейчук С. Н., Теплова Л. И. Качество и параметры сна у школьников Республики Карелия // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2017. № 11, вып. 2, С. 89–94.

Колубаева С. Н. Хромосомные aberrации, микроядра и апоптоз в лимфоцитах при радиационных воздействиях и других патологических состояниях: автореф. дис. доктора биол. наук. Обнинск, 2010. 34 с.

Кривцова Е. К., Юрченко В. В., Ингель Ф. И., Юрцева Н. А., Сеницына Е. Р., Макарова А. С. Применение цитомного анализа буккального эпителия в системе гигиенической оценки условий обучения студентов разных факультетов одного вуза // Гигиена и санитария. 2018. 2(97). С. 179-187. DOI: <http://dx.doi.org/10.18821/0016-9900-2018-97-2-179-187>

Лейтина Б. И., Ингель Ф. И., Кривцова Е. К. Влияние витаминизированных напитков на спонтанный и индуцированный мутагенез *in vivo* и *in vitro*. Модификация противоопухолевой активности // Хранение и переработка сельхозсырья. 2003. № 5. С. 90–91.

Маймулов В. Г., Китаева Л. В., Верещагина Т. В., Михеева Е. А., Шеломова Л. Ф. Цитогенетические нарушения в соматических клетках у детей, проживающих в районах с различной интенсивностью загрязнения окружающей среды // Цитология. 1998. № 40(7). С. 686–689.

Микроядерный тест на буккальных эпителиоцитах. // Полиорганный микроядерный тест в эколого-гигиенических исследованиях / Рахманин Ю. А., Сычева Л. П., ред. М.: Гениус; 2007: 220–268.

Пелевина И. И., Афанасьев Г. Г., Алещенко А. В., Антошина М. М., Готлиб В. Я., Конрадов А. А., Кудряшова О. В., Лизунова Е. Ю., Осипов А. Н., Рябченко Н. И., Серебряный А. М. Молекулярно-клеточные последствия аварии на ЧАЭС // Радиационная биология. Радиэкология. 2011. Т. 51, № 1. С. 154–161.

Петрашова Д. А., Бурцев А. В. Разработка базы данных по микроядерному тесту на клетках человека // Вестник Кольского научного центра РАН, 2016. № 2. С. 124–136.

Пожарская В. В., Петрашова Д. А. Цитогенетические нарушения в лимфоцитах периферической крови у горнорабочих Мурманской области в возрасте до тридцати лет // Вестник науки и образования». 2016, № 10(22). С. 15–19.

Серебряный А. М., Аклеев А. В., Алещенко А. В., Антошина М. М., Кудряшова О. В., Рябченко Н. И., Семенова Л. П., Пелевина И. И. Распределение индивидуумов по спонтанной частоте лимфоцитов с микроядрами. Особенности и следствия // Цитология. 2011. Т. 53, № 1. С. 5–9.

Соболь М. В., Афанасьева Е. С., Безруков В. Ф. Частота микроядер и уровень тревожности у школьников // Вестник Украинского товарищества генетиков и селекционеров. 2008. Т. 6, № 1. С. 131–136.

Шредер О. В., Смольникова Н. М., Дурнев А. Д., Середенин С. В. Влияние афобазола на тератогенные эффекты циклофосамида у крыс. // Бюлл. эксперим. биол. и мед. 2008. № 4. С. 414–417.

Юрченко В. В. Аномалии ядра эпителиоцитов слизистой оболочки щеки в исследованиях по экологии человека // Тез. 2-го съезда токсикологов России (10-13 ноября 2003, г. Москва). М., 2003. С. 300–301.

Юрченко В. В., Подольная М. А., Ингель Ф. И., Кривцова Е. К., Беляева Н. Н., Недачин А. Е., Ревазова Ю. А., Рахманин Ю. А. Микроядерный тест на буккальных эпителиоцитах человека // Полиорганный микроядерный тест в эколого-гигиенических исследованиях. М.: Гениус, 2007. С. 220–267.

- Bukvic N., Gentile M., Susca F., Fanelli M., Serio G., Buonadonna L., Capurso A., Guanti G. Sex chromosome loss, micronuclei, sister chromatid exchange and aging; a study including 16 centenarians // *Mutat Res.* 2001. Vol. 498, №12. pp. 159–167.
- Buysse DJ, Reynolds CF, Monk TH, Berman SR, Kupfer DJ. The Pittsburgh Sleep Quality Index: A new instrument for psychiatric practice and research. *Journal of Psychiatric Research.* 1989;28(2):193–213.
- Dimitroglou E., Zafiropoulou M., Messini-Nikolaki N. DNA damage in a human population affected by chronic psychogenic stress // *Int. J. Hyg. Environ. Health.* 2003; 206 (1): 39–44.
- Garaj-Vrhovac V., Zeljezic D. Cytogenetic monitoring of croatian population occupationally exposed to a complex mixture of pesticides // *Toxicology.* 2001. Vol. 165, № 2–3. pp. 153–162.
- Ghose U. R., Parida B. B. Cytological study of exfoliated buccal mucosa cells of tribes in Orissa State (India) with high risk for oral cancer // *Indian J. Cancer.* 1995. Vol. 32, № 3. pp. 95–99.
- Kirsch-Volders M., Sofuni T., Aardema M. et al. Report from the in vitro Micronucleus assay working group // *Environmental and molecular mutagenesis.* 2000. 35. pp. 167–172.
- Kolomeichuk S. N., Randler C., Shabalina I.M., Fradkova L.I., Borisenkov M.F. Chronotype of children and adolescents influences their academic achievements - evidence from Russian Karelia // *Biol.Rhythm Research.* 2016. V. 47, № 6. P. 873–883.
- Martin F. L. Complex mixtures that may contain mutagenic and/or genotoxic components: a need to assess in vivo target-site effect(s) associated with in vitro-positive(s). // *Chemosphere.* 2007, v. 69, № 6, P. 841–848.
- Ohida T, Osaki Y, Doi Y, Tanihata T, Minowa M, Suzuki K, Wada K, Suzuki K, Kaneita Y. An epidemiologic study of self-reported sleep problems among Japanese adolescents // *Sleep.* 2004. Vol. 27, № 5. P. 978–85.
- Pastor S, Gutiérrez S, Creus A, Xamena N, Piperakis S, Marcos R. Cytogenetic analysis of Greek farmers using the micronucleus assay in peripheral lymphocytes and buccal cells // *Mutagenesis.* 2001. Vol. 16. pp. 539–545.
- Pastor S., Gutierrez S., Creus A., Cebulska-Wasilewska A, Marcos R. Micronuclei in peripheral blood lymphocytes and buccal epithelial cells of Polish farmer exposed to pesticides // *Mut. Res.* 2001. Vol. 495, № 1–2. pp. 147–156.
- Randler C., Kolomeichuk S. N., Morozov A. V., Petrashova D. A., Pozharskaya V. V., Martynova A. A., Korostovtseva L. S., Bochkarev M. V., Sviryaev Yu. V., Polouektov M. G., Drake C. Psychometric characterization of the Russian version of the Pediatric Daytime Sleepiness Scale (PDSS) // *Heliyon* 2018 (in print).
- Rosin M. P. The use of the micronucleus test on exfoliated crlls to identify anti-clastogenic action in humans: a biological marker for the efficacy of chemopreventive agents // *Mutat. res.* 1992. Vol. 287. pp. 265–276.
- Selvarajah S., Yoshimoto M., Ludkovski O., Park P. C., Bayani J., Thorner P., Maire G., Squire J. A., Zielenska M. Genomic signatures of chromosomal instability and osteosarcoma progression detected by high resolution array CGH and interphase FISH. // *Cytogenet Genome Res.* 2008; v. 122, № 1, P. 5–15.
- Thomas P., Holland N., Bolognesi C., Kirsh-Volders M., Bonassi S., Zeiger E. et al. Buccal micronucleus cytome assay. *Nature Protocols.* 2009; 4(6): 825–37. doi: 10.1038/nprot.2009.53.

Tolbert P. E., Shy C. M., Allen J. W. Micronuclei and other nuclear anomalies in buccal smears: methods development // *Mut. Res.* 1992. 271. P. 69–77.

Torres-Bugarín O., De Anda-Casillas A., Ramírez-Muñoz M. P., Sánchez Corona J., Cantú J. M., Zúñiga G. Determination of diesel genotoxicity in firebreathers by micronuclei and nuclear abnormalities in buccal mucosa. *Mutat. Res.* 1998; 413(3): 277–81.

Zeljezic D., Garaj-Vrhovac V. Chromosomal aberrations, micronuclei and nuclear buds induced in human lymphocytes by 2,4-dichlorophenoxyacetic acid pesticide formulation // *Toxicology.* 2004. Vol. 200. pp. 39–47.

Сведения об авторах:

Петрашова Дина Александровна,

кандидат биологических наук, ученый секретарь Научно-исследовательского центра медико-биологических проблем адаптации человека в Арктике, ФИЦ КНЦ РАН

Пожарская Виктория Викторовна,

кандидат биологических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра медико-биологических проблем адаптации человека в Арктике, ФИЦ КНЦ РАН

Хорева Екатерина Витальевна,

магистрант Мурманского арктического государственного университета, Факультет естественных, физической культуры и безопасности жизнедеятельности

Коломейчук Сергей Николаевич,

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории генетики Учреждение Российской академии наук Институт биологии, ФИЦ Карельский научный центр РАН

Михайлов Роман Егорович,

младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра медико-биологических проблем адаптации человека в Арктике, ФИЦ КНЦ РАН

Petrashova Dina Alexandrovna,

PhD (Biol.), Scientific Secretary for Research Centre for Human Adaptation in the Arctic – FRC KSC RAS

Pozharskaya Victoria Victorovna,

PhD (Biol.), Research Associate for Research Centre for Human Adaptation in the Arctic – FRC KSC RAS

Khoreva Ekaterina Vital'evna,

master student for Murmansk Arctic State University, Faculty of Natural Sciences, Physical Education and Life Safety

Kolomeichuk Sergey Nikolaevich,

PhD (Biol.), Senior Research Associate at Laboratory of Genetics, Institute of Biology of the Karelian Scientific Center of the RAS

Mikhailov Roman Egorovich,

Junior Research Associate for Research Centre for Human Adaptation in the Arctic – FRC KSC RAS

Н. Л. Соловьевская

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПСИХОСОМАТИКИ

Аннотация

В статье рассмотрена история развития психосоматики, которая является частью в структуре медицинской психологии и медицины. Психосоматика (*греч. psyche — душа, soma — тело*) занимается изучением влияния психологических факторов на возникновение и последующую динамику соматических заболеваний. Развитие психосоматики, как направления и отдельной науки стало возможным в процессе развития отечественной и зарубежной медицинской (клинической) психологии.

Ключевые слова:

история развития, клиническая психология, медицинская психология, психосоматика, психоэмоциональное состояние, психофизиологическое состояние.

N. L. Solovevskaia

HISTORY OF PSYCHOSOMATICS DEVELOPMENT

Abstract

The article describes the history of the development of psychosomatics, which is part of the structure of medical psychology and medicine. Psychosomatics (Greek. Psyche — the soul, soma — the body) is studying the influence of psychological factors on the occurrence and subsequent dynamics of somatic diseases. The development of psychosomatics as a direction and a separate science became possible in the process of development of domestic and foreign medical (clinical) psychology.

Keywords:

history of development, clinical psychology, medical psychology, psychosomatic medicine, psychoemotional state, psychophysiological state.

В истории развития философии и науки особое место занимает развитие сравнительно молодой науки — медицинской психологии. Название «медицинская психология», часто перекликается с названием «клиническая психология». В зарубежных литературных источниках и научных кругах, более принят термин «клиническая психология». Некоторые авторы, считают клиническую психологию частью медицинской психологии, отражающей клинические вопросы [Малкина-Пых, 2005; Алёхин, 2009]. В процессе развития медицинской психологии формировалась её структура. Отечественная медицинская психология в 20–30-х гг. XX века включала в себя: клинический психоанализ, дифференциальную тестологическую патопсихологию, этнологическую патопсихологию, гештальт-патопсихологию.

Материалистическое и реалистическое направление медицинской (клинической) психологии в России стало её отличительной чертой, особенностью и привело к развитию экспериментальной психологии в СССР. Это стало возможным за счет привлечения в клинику душевных и неврологических заболеваний экспериментальных методов диагностики из психологии. Первые экспериментально-психологические лаборатории в России были открыты при психиатрических клиниках — В. М. Бехтерева в Казани (1885), затем

в Петербурге; С. С. Корсакова в Москве (1886). Клинический подход и применение новых методов послужили развитию новых направлений, таких как патопсихология и нейропсихология [Бехтерев, 1911]. Б.В.Зейгарник считала основоположником патопсихологического направления и родоначальником патопсихологии и нейропсихологии в России, В. М. Бехтерева [Золотова, 2007]. Развитие отечественной патопсихологии отличалось прочными естественнонаучными традициями, сформированными на принципах работ И. М. Сеченова о рефлексах головного мозга» и происходило в силу сложившихся социокультурных и идейных влияний, параллельно зарубежной, почти не соприкасаясь.

В то же время зарубежная клиническая психология развивалась под влиянием идей различных направлений буржуазной психологии — бихевиоризма, психоанализа, гуманистической и экзистенциальной психологии. В 1879г. Вундтом впервые открыта экспериментально-психологическая лаборатория, затем при крупных психиатрических клиниках — Э. Крепелина в Германии (1879), П. Жане во Франции (1890). Эмиль Крепелин и Зигмунд Фрейд, которые являлись медиками, дали сильнейший толчок развитию международной клинической психологии. Известны имена Роджерса, Олпорта, Маслоу, развивавшие теоретические значимые идеи, в которых основной акцент ставится не на эксперименте, а на измерении и корреляции отдельных особенностей, черт личности [Малкина-Пых, 2005:13].

Главной задачей медицинской (клинической) психологии, как научной дисциплины, является решение практических задач, теоретического осмысления накопленного опыта и разработка новых технологий. Создание и исследование новых методов, и оснащение ими специалистов – практиков в настоящее время действительно актуально и способствует развитию медицинской психологии, как науки.

Структурное содержание современной медицинской психологии в России в связи с ее развитием продолжает определяться [Алехин А. Н., 2009:87]. В настоящее время принято считать, что клиническая психология, является частью медицинской. Основными её разделами, являются: нейропсихология, патопсихология и психосоматика.

Еще в эпоху античности, когда впервые возникают материалистические представления о психических процессах и их нарушениях, в рамках философии и медицины уже формируются этико-деонтологические аспекты, затрагивающие взаимоотношения врача и больного и провозглашается принцип «лечить не болезнь, но больного». Свойство человека эмоционально, а то и болезненно реагировать на стрессовые жизненные ситуации, что во многом зависит от индивидуальных особенностей личности, лежит в основе психосоматического заболевания. Реакция на эмоциональное переживание, может сопровождаться функциональными изменениями и патологическими нарушениями в органах. Психосоматические заболевания имеют большой вес среди медицинских диагнозов, поэтому развитие данного направления в структуре медицинской психологии, как и вопросов психопрофилактики, становится насущной проблемой. Как известно, заболевание легче предупредить, чем лечить, а коррекция психоэмоционального состояния на этапе донологического (предболезненного) состояния позволит во многих случаях избежать заболевания.

Психосоматика (*греч. psyche — душа, soma — тело*) — направление в медицине и психологии, занимающееся изучением влияния психологических

(преимущественно психогенных) факторов на возникновение и последующую динамику соматических заболеваний. Вопросы коррекции психоэмоционального и психофизиологического состояния и оказание психологической помощи в кризисных жизненных ситуациях, в экстремальных условиях жизни или при выполнении профессиональных задач в экстремальных профессиях, занимают внимание современных теоретиков и практиков. Оказание психологической помощи требуется людям, связанным с военной службой, космическими, арктическими и антарктическими исследованиями, и других профессий, связанных с риском для жизни, длительной вынужденной социальной депривацией. Внутренние конфликты, невротические типы реакций или психореактивные связи обуславливают картину развившегося заболевания. Психосоматические состояния, традиционно рассматриваются либо, как психоцентрические, возникшие вследствие острого и хронического психического стресса или вследствие особенностей личности, либо соматоцентрические — обусловленные комплексом психотравмирующих событий, связанных с соматическим заболеванием [Малкина-Пых, 2005: 12].

Тесная связь психического и телесного была интересна со времен Гиппократ и Аристотеля. Проблема психосоматических нарушений и заболеваний, является актуальной как для современной медицины, так и для психологии. Немецкий врач Хайнрот в 1818 г. ввел впервые термин «психосоматический». В 1822 г. немецкий психиатр М. Якоби ввел понятие «соматопсихический» в противовес к «психосоматическому», выражая сущность психических нарушений, связанных с соматическими расстройствами. Лишь сто лет спустя термин «психосоматический» прижился в медицине. В это время психосоматическая медицина была определена как «прикладной психоанализ в медицине». Венские психоаналитики Дойч и его коллеги Фландерс Данбар, Франц Александер к концу 50-х годов опубликовали около 5000 статей о соматической медицине в США. Продолжили развивать это направление, известные аналитики Адлер, Сонди. В России при разработке метода экспериментального невроза ученые школы И. П. Павлова наиболее близко приблизились к психосоматике [Малкина-Пых, 2005: 12].

По данным ВОЗ, от 38 до 42 % всех пациентов, посещающих кабинеты соматических врачей, относятся к группе психосоматических больных [Малкина-Пых, 2005: 12]. Психосоматическое направление – это не только медицинская дисциплина, а целостный подход, учитывающий многообразие причин, приведших к болезни. Медицина, потерявшая связь с представлением о человеке, как организованной сущности с материальным, ментальным, духовным проявлением, рассматривающая человека, как набор органов и систем, не в силах разглядеть глубинные причины болезни, и пытается бороться с внешними ее проявлениями. Психосоматика, раскрывая причины заболевания, являет многообразие методов и техник, позволяющих работать с человеком применяя целостный (холистический) подход.

По мнению Радченко, человек постепенно эволюционируя, изменял тактику приспособления его психики к окружающей среде [Малкина-Пых, 2005: 12]. Физические паттерны защиты в условиях жесткого выживания в дикой среде обитания, сменились на новые, психологические защитные реакции, когда проявления активной агрессии и телесных реакций на изменяющиеся условия окружающей среды должны сдерживаться. Успешность функционирования зависит от психических возможностей человека во много раз больше, чем от силы

его мышц. Эмоции человека часто подавляются, и могут стать причиной мышечных напряжений (зажимов), вегетативных реакций (сердцебиения, повышения артериального давления, гормональных нарушений) и способствовать запуску разрушительных процессов в организме.

В настоящее время к психосоматическим заболеваниям и расстройствам относят конверсионные расстройства (истерические параличи и парестезии, психогенная слепота и глухота, рвота, болевые феномены). Демонстративность проявления симптомов, которые имеют символический характер, являются попыткой решения невротического конфликта. Функциональные синдромы с преобладанием нечетких жалоб со стороны сердечно-сосудистой, пищеварительной, дыхательной систем, мочеполовой или двигательного аппарата не сопровождаются органическими изменениями в органах. Александер описал их как проявления органических невротозов, как следствие эмоционального напряжения. Психосоматозы имеют в основе первичную телесную реакцию на конфликтное переживание. Соответствующая предрасположенность может влиять на выбор органа [Александер, 2002; Малкина-Пых, 2005].

Термин «психосоматика» (душа и тело) обозначает научное направление в медицинской психологии и медицине, устанавливающее взаимоотношения между психикой и телесными функциями, исследует, как психологические переживания влияют на функции организма и могут вызвать те или иные нарушения. Психосоматика является междисциплинарным научным направлением: в рамках медицины, физиологии, психологии, социологии. Как структурная составляющая психологии она исследует поведенческие реакции, связанные с заболеваниями, психологические механизмы, воздействующие на физиологические функции; как раздел психотерапии она ищет способы изменения деструктивных способов эмоционального реагирования и поведения.

Причины психосоматического нарушения многофакторны. Заболевание возникает при взаимодействии, как физических, так и психосоциальных факторов. Был определен интегральный психосоматический подход в теории возникновения болезни. Факторы, влияющие на возникновение психосоматических расстройств, определяют методы их психотерапии, которых существует на данный момент около полутысячи [Kadzin, 1994]. Психотерапевтические подходы имеют различные концепции: телесно-ориентированные, когнитивные, личностно-ориентированные; директивные, недирективные.

В медицинской клинической психологии выделяют два направления психотерапии: медицинское и психологическое. Можно говорить о медицинской модели психотерапии, как комплексного лечебного вербального и невербального воздействия на эмоции, суждения, самосознание человека, облегчающего симптомы заболевания. К немедицинской психотерапии можно отнести такие психотерапевтические методы, как исследование психологических проблем пациента и помощь в их решении; улучшение субъективного самочувствия и укрепление психического здоровья; обучение эффективным способам межличностного взаимодействия, гармоничного общения с людьми. Важным является участие пациента в процессе психотерапии и психокоррекции: развитие самосознания, стремление к личностному росту, реализации творческого потенциала, стремление к оптимальной реализации, успеху. С развитием новых методов, возможно гармонизирующее воздействие на телесные реакции организма, вызванные стрессом. С помощью обучения методам биологической

обратной связи (БОС) можно оказывать лечебное воздействие на такие патологические состояния, как бронхиальная астма, гипервентиляционный синдром, гипотония, панические атаки, страх, депрессия, боль; синдром хронической усталости и психоэмоционального выгорания в профессии [С. И. Сороко, В. В. Трубачев, 2010: 66]. Главная цель всякого психотерапевтического воздействия заключается в том, чтобы помочь пациентам внести необходимые изменения в свою жизнь [Александров, 1997; Годфруа, 1992; Карвасарский, 1999; Рудестам, 1997; Куэ, 2017]. Психологическая модель может использовать те же методы, но направлена на развитие личности пациента и ее успешное функционирование в изменяющихся условиях окружающей среды.

Определение здоровья в Декларации Всемирной Организации Здравоохранения звучит, как «...не отсутствие болезни или физического недостатка, а состояние физического, умственного и социального благополучия». Так и психотерапия направлена на поддержание общей гармонии личности в широком смысле слова. В Декларации по психотерапии, принятой Европейской ассоциацией психотерапии в Страсбурге в 1990 году закреплена сфера её деятельности [Малкина-Пых, 2005:10].

Большое количество теорий и моделей возникновения психосоматических заболеваний послужило причиной и необходимостью их классификации. К ним относятся характерологические направления и типологии личности. Еще врачи древности Гиппократ, Гален описали людей с разными видами темпераментов — сангвиников, холериков, меланхоликов и флегматиков. В современных теориях также предпочитается характерологическое направление, которое развивали Уильям Шелдон, Флендерс Данбар, Эрнст Кречмер [Dunbar, 1947, Кречмер, 2003, Малкина-Пых, 2005]. Было предложено деление людей на определенные типы «личностей риска», так Rosenman и Friedman [Friedman M., Rosenman R.H, 1959] выделили лиц (типа А) с поведением, приводящим к угрозе развития инфаркта миокарда. Также описания типов личности встречаются в исследованиях многих авторов [Dunbar, 1947; Irvine, Garner, и др. 1991; Siegman, Smith, 1994; Кречмер, 2003].

Психоаналитические концепции были заложены З. Фрейдом. Вытесненные из сознания социально неприемлемые инстинкты (агрессивные, сексуальные) прорываются, принимая ту или иную символическую форму [Бройтигам, Кристиан, 1999]. Существуют также следующие теории: конверсионная модель, согласно которой ущемленные эмоции порождают конверсионные симптомы; теория десоматизации и ресоматизации Шура [Schur, 1966], модель отказа от веры в будущее Энгеля и Шмале [Малкина-Пых, 2005] концепция потери объекта Фрайбергера [Freyberger, Veep и др., 1995]; концепция двухфазной защиты, или двухфазного вытеснения Митчерлиха [Mitscherlich, 1992], теория специфического психодинамического конфликта Александра [Alexander, 1950].

Основателем современной психосоматики считается Франц Александер, который впервые в 1950 г. предложил теорию, согласно которой симптомы вегетативного невроза являются не попыткой выражения подавленного чувства, а чисто физиологическим проявлением определенных эмоциональных состояний, возникновения напряжения при отсутствии действия, сбрасывающего напряжение вовне. При постоянно возникающей ситуации обратимые функциональные симптомы ведут к необратимым изменениям в органах. В результате изучения большого контингента больных с функциональными

нарушениями без патологических органических изменений авторами предложены теории возникновения психосоматических нарушений: медицинская антропология В. Вайцзеккера, биопсихосоциальная модель Икскуля и Везиака, интегративная модель здоровья, болезни и болезненного состояния по Вайнеру [Weizsacker, 1949; Wiener, 1977; Малкина-Пых, 2005].

Большую популярность приобрела концепция алекситимии — неспособности к распознаванию собственных эмоций, невозможности выразить, описать словами собственные переживания, эмоции и чувства. Алекситимия рассматривается, как присущая некоторым индивидам особенность, предрасполагающая к психосоматическим заболеваниям [Nemiah, Sifneos, 1970; Dirks, Robinson и др., 1981; Metaisky и др., 1991; Kauhanen, Kaplan и др., 1994; Freyberger, Been и др., 1995].

Также популярна теория стресса, включающая в себя ряд экспериментально-психологических, клинко-физиологических, биохимических и цитологических исследований последствий эмоционального стресса. Влияние экстремальных и хронических стрессовых ситуаций на восприимчивость и особенности развития, течения и терапии психосоматических заболеваний [Селье, 1979; Малкина-Пых, 2005].

Нейрофизиологическое направление, устанавливающее связи между отдельными психофизиологическими процессами, причины патопсихологических состояний на нейрофизическом уровне, объясняет возникновение психосоматических расстройств нарушенными кортико-висцеральными связями [Анохин, 1975]. Психоэндокринное и психоиммунное направления исследований эмоционального реагирования установило, что высокий уровень личностной и ситуативной тревожности связан с нарушением нейрогуморальной регуляции. Согласно концепции враждебности, такие негативные эмоции и чувства, как гнев и враждебность могут стать одной из причин тяжелых соматических заболеваний [Siegman, Smith, 1974]. Косенков Н. И. (1997, 2000) описал теорию нарушения функциональной асимметрии мозга, как этиологический фактор психосоматической патологии [Малкина-Пых, 2005: 10].

Перечисленные выше основные концепции психосоматической патологии сходятся в одном: социальная дезадаптация — является основной причиной возникновения психосоматических расстройств, что было освещено в работах, Бройтигама и др. (1999); Плоцца и др. (1996).

Теория совладания личности с трудными жизненными ситуациями возникла в психологии во второй половине XX в., как теория копинг была предложена американским психологом Абрахамом Маслоу. «Копинг» (от англ. to cope — справиться, совладать) — это когнитивные и поведенческие попытки справиться с определенными возникшими внешними ситуациями и внутренними требованиями. Копинг-поведение — форма поведения, отражающая готовность индивида решать жизненные проблемы, которые оцениваются человеком как напряжение или как неразрешимые. При выборе активных действий повышается вероятность человека победить стрессовую ситуацию. Формирование умения преодоления связано с «Я-концепцией», интернальным локусом контроля, эмпатией, способностью к межличностным связям. Совладающее поведение реализуется применением различных копинг-стратегий: избегание, разрешение, поиск поддержки на основе ресурсов личности и среды [Maslow, Frager, 1987]

По Averill во время действия стрессора, личностью оценивается ситуация и определяется её тип, как угрожающий или благоприятный. С этого момента формируется механизм защиты. Лазарус рассматривал эту защиту как

способность личности осуществлять контроль над неблагоприятными ситуациями [Averill, 1982; Lazarus, 1991].

Механизмы защиты и совладания сложно разграничить. Считается, что психологическая защита представляет собой отказ личности от решения проблемы и поиск ею комфортного состояния, без предпринимаемых конкретных действий. Способы совладающего поведения подразумевают проявление конструктивной активности, проживание события, не уклоняясь от неприятностей. Психология совладания, является предметом изучения механизмов эмоциональной и рациональной регуляции человеком своего поведения с целью оптимального взаимодействия с жизненными обстоятельствами или их преобразования в соответствии со своими намерениями [Либин, 1998]. Способы совладания зависят от индивидуально-психологических особенностей, от степени самоактуализации личности — чем выше уровень развития личности человека, тем успешнее он справляется с возникшими трудностями. Проблема поведения личности в экстремальных ситуациях изучалась отечественными авторами [Аршавский, Ротенберг, 1976; Фромм, 1992]. Некоторые работы посвящены изучению личности и жизненного пути, а также терапии супружеских конфликтов [Кочарян, 1994; Анцыферова, 1995].

За рубежом изучение психологии поведения в трудных ситуациях ведется в разных направлениях. Лазарус и Фолкмен выдвигают роль когнитивных конструкторов, которые обуславливают способы реагирования на жизненные трудности. Коста и Маккрей выделяют значение влияния личностных качеств, на предпочтение индивидом стратегий поведения. Лер и Томэ анализируют сами трудные ситуации, и предлагают в зависимости от их содержания выбирать стили реагирования [Lazarus, Folkman, 1984; Costa, McCrae, 1992, Малкина-Пых, 2005].

Лазарус выделяет два типа реагирования на проблемную ситуацию: проблемно-ориентированный стиль, направленный на рациональный анализ проблемы и субъектно-ориентированный стиль, направленный на эмоциональное реагирование [Lazarus, Folkman, 1984]. Первый связан с созданием плана разрешения ситуации и его выполнением. При субъектно-ориентированном стиле реагирования не предпринимаются конкретные действия, проявляется попытки не думать о проблеме или вовлекать других в свои переживания. Также появляются деструктивные желания забыться во сне, утопить проблемы в алкоголе или заесть эмоциональные переживания вкусеньким. Данные формы поведения сопровождаются инфантильной оценкой происходящего. Английский психолог Д. Роджер в своем опроснике измерения coping styles выделяет четыре фактора — рациональное и эмоциональное реагирование, отстраненность и избегание [Rogers, Jarvis, 1992].

Многие авторы описывали стратегии поведения в конфликте, где особую роль играют темперамент и характерологические черты личности. Стратегия избегания связана с чувствительностью к несовпадению ожидаемого и полученного результата [Rusalov, 1989], с негативным отношением к себе и низким уровнем самоуправления [Пантилеев, 2003]. В. М. Русалов отмечал, что стратегию сотрудничества предпочитают люди, характеризующиеся высокой предметной эргичностью, низкими показателями эмоциональности, внутренним локусом контроля и позитивным отношением к себе и другим [Rotter, 1969].

Для стратегии соперничества характерны высокий уровень эмоциональности в коммуникативной сфере и экстернальный локус контроля,

выраженное ожидание негативного отношения со стороны окружающих. Стратегия приспособления отличается самыми низкими показателями предметной и коммуникативной активности. Деиндивидуализация, «простота», недифференцированность «Я» образа [Малкина-Пых, 2005:25]. также способствует с большей долей вероятности реагирования на экстремальные, и кризисные ситуации соматическими и психическими расстройствами. Авторы по-разному оценивают рассматривают значение ситуации в возникновении заболевания: как толчка к заболеванию до признания ее определяющей роли [Коржова, 2002]. Всеми авторами признаётся, что анализ личностных характеристик во взаимодействии со стрессовыми событиями, является одной из тенденций развития современной психологии [McFarlan, 1987; Coyne, 1987].

Адаптация, в отличие от простого приспособления, понимается как активное взаимодействие человека с социальной средой с целью достижения его оптимальных уровней по принципу гомеостаза и отличающегося относительной стабильностью. Проблема адаптации тесно связана с проблемой здоровья и стратегиями поведения в различных формах адаптации. На адаптационные возможности на разных уровнях бытия влияют качество жизни человека, его ощущение, восприятие, переживание и оценка собственной жизни и отношение к ней.

Успешное разрешение проблемной жизненной ситуации зависит от адекватности оценки происходящего. Неадекватная и субъективная оценка неприятного события вызывает тяжелые последствия перенесенного стресса. Стили реагирования являются промежуточным звеном между стрессом и его последствиями в виде, тревожности, дискомфорта, соматических расстройств, сопутствующих защитному поведению. Успешность выбранного стиля реагирования зависит от адекватной оценки события, как угрожающего или нет [Либин, 1998; Либина, 2008]. Для совладающего стиля поведения характерны состояния душевного подъема и радости от успешного решения проблемы. Рациональная компетентность: предметная, коммуникативная направленность и рациональная саморегуляция представлены А. В. Либиной как формы совладающего поведения, а важность позитивной роли эмоций подчеркнула введением понятия эмоциональной компетентности [Либин, 1998; Либина, 2008].

Развивая теории развития личности и стили поведения, исследователи выделили структурные компоненты индивидуальности человека. Базовые характеристики: первая и вторая сигнальная система, свойства нервной системы и темперамент. Функциональные компоненты: «фокусинг» (focusing) при изучении психических процессов или «orientation» «attitude» при анализе личности, обозначающий особенности организации поведения и деятельности личности, в отечественной психологии соответственно «установка» и «направленность личности» [Анохин, 1975; Rusalov, 1989; Малкина-Пых, 2005]. Классификация направленности личности по Неймарк: направленность на себя, на других и на дело. Способность личности осуществлять оптимальную координацию между эмоциями и целенаправленным поведением, адекватная интегральная оценка человеком своего взаимодействия со средой, учет внешних и внутренних факторов, воздействующих на индивидуума в данной ситуации [Либин, 1998; Либина, 2008].

В. Н. Мясищев, внесший огромный вклад в развитие отечественной медицинской психологии, ввел концепцию психологии отношений, рассматривая личность как систему отношений. Отношения — это сознательная, основанная на

опыте избирательная связь человека с различными сторонами жизни, которая выражается в действиях, реакциях и переживаниях. Отношения выступают движущей силой личности, характеризуя степень интереса, силу эмоций, желаний, потребностей. Учение о психологических механизмах возникновения психосоматических расстройств, основанное на концепции психологии отношения, выявляет взаимосвязи неблагоприятной ситуации и личности больного, которая сформировалась в конкретной социально-бытовой среде [Вассерман, 1990; Карвасрский, 1999].

Синтез теорий возникновения психосоматических расстройств, адаптационных процессов личности к возникающим проблемным, кризисным и экстремальным условиям и типы психологического и эмоционального реагирования на психологические и соматические, ситуативные стрессовые факторы определяют методы и техники психологической помощи и психотерапевтического воздействия. Основной задачей современной психосоматики является развитие и становление новых технологий, методов психологической помощи при психосоматических расстройствах. Также все более актуальным становятся вопросы оптимизации психоэмоционального и психофизиологического состояния, повышения адаптивных ресурсов организма в экстремальных условиях жизни. Исследование и развитие новых телесно-ориентированных методик с использованием информационных технологий, а также хорошо зарекомендовавших себя в лечении и профилактике психосоматических расстройств, не достаточно широко применяется в практике медицинской психологии и медицине. Требуется популяризация и дальнейшее научное обоснование применения данных новых методов для широких масс, в том числе, с использованием телемедицины. С развитием новой, сравнительно молодой науки — психосоматики, появляется возможность для сохранения здоровья большой численности населения.

Список литературы

Александр Ф. Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение. /Пер. с англ. С. Могилевского. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. 352 с. (Серия «Психология без границ»).

Алёхин А. Н. О предмете медицинской психологии. Исторический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 100. С. 87–96.

Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975. 447 с.

Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1995. № 1. С. 3–19.

Бехтерев В.М. Гипноз, внушение, психотерапия и их лечебное воздействие // Вест. знания. вып. 4. СПб., 1911. 364 с.

Бройтигам В., Кристиан П. Психосоматическая медицина: Кратк. учебн. / Пер с нем. Г. А. Обухова, А. В. Бруенка; Предисл. В. Г. Остроглазова. М.: ГЭОТАР МЕДИЦИНА, 1999. 376 с.

Вассерман Л. И. О психологической диагностике типов отношения к болезни. В кн.: Психологическая диагностика отношения к болезни при нервно-психической и соматической патологии, 1990. С. 8–16.

Волков В. Т. Личность пациента и болезнь. Томск. 1995, 328 с

- Вольпе Д. Анализ индивидуальной динамики заболеваний при лечении депрессии // Эволюция психотерапии. Москва: НФ «Класс». 1998. Т. 2. С. 330–345.
- Годфруа Ж. Что такое психология. Том 1. Пер. с франц. М.: Мир, 1992. 496 с.
- Дюбуа П. Психоневрозы и их психическое лечение. СПб., 1912. 358 с.
- Золотова Н. В. Научное наследие и жизненный путь Б. В. Зейгарник // Методология и история психологии. 2007. Том 2. № 2. С. 135–146.
- Карвасарский Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия. Санкт-Петербург: Питер, 1999. 752 с.
- Коржова Е. Ю. Психологическое познание судьбы человека. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, изд-во «Союз», 2002. 334 с.
- Кочарян Г. С., Кочарян А. С. Психотерапия сексуальных расстройств и супружеских конфликтов. Монография. М.: Медицина, 1994. 224 с.
- Кречмер Э. Строение тела и характера. Пер. с нем. М.: Эксмо, 2003. 416 с.
- Куэ Э. Сознательное самовнушение как путь к господству над собой: Методы, техники, практика. Амрита, Свет, 2017. 128 с.
- Любан-Плоцца Б. Психосоматический больной на приеме у врача. СПб, 1996. 256 с.
- Либин А. В. Стиль человека. Психологический анализ. М.: Смысл, 1998. 310 с.
- Либина А. В. Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации. М.: Эксмо, 2008. 400 с.
- Малкина-Пых И. Г. Психосоматика: Справочник практического психолога. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 992 с.
- Пантилеев, С. Р. Самоотношение. Психология самосознания : хрестоматия. Самара : Бахрах-М, 2003. 35 с.
- Рудестам Кьелл Эрик. Групповая психотерапия. Психокоррекц. группы: теория и практика. Пер. с англ. Л. А. Петровской. 2-е изд. М. : Прогресс: Универс, 1993. 367 с.
- Селье Г. Стресс без дистресса. Москва: Прогресс, 1979. 126 с.
- Сороко С. И., Трубачев В. В. Нейрофизиологические и психофизиологические основы адаптивного биоуправления. СПб.: Политехника-сервис, 2010. 607 с.
- Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.
- Alexander, F. Analysis of the Therapeutic Factors in Psychoanalytic Treatment. *Psychoanalytic Quarterly*, 1950. Vol. 19. P. 482–500.
- Averill J. R. Anger and aggression: an essay on emotion. New-York, Springer-Verlag, 1982. 125 p.
- Cannon W. B. Bodily changes in pain, hunger, fear and rage. Appleton: New-York, 1929. 334 p.
- Costa P., McCrae F. Multiple uses for longitudinal personality data // *European Journal of Personality*. 1992. Vol. 6. P. 85–102.
- Coyne J. Personality and health in 1980th. *Psychosomatic medicine revisited?* // *J. Pers.*, 1987. Vol. 55 P. 254–268.
- Dirks J. F., Robinson S. K., Dirks D. L. Alexithymia and the psycho-maintenance of bronchial asthma // *Psychother. Psychosom.* 1981. Vol. 36. P. 63–71.
- Dunbar F. Mind and body: Psychosomatic medicine. Random, New York, 1947. 235 p.
- Freyberger H. J., Been P., Christodoulou G., Sensky T., Theorell T., Wise T. N. Diagnostic criteria for use in psychosomatic research // *Psychother Psychosom.* 1995. Vol. 6. P. 8–31.

Fineman S. Unemployment: Personal & Social Consequence. London: Tavistok, 1987. 325 p.

Friedman M., Rosenman R. H. Association of specific overt behavior pattern with blood and cardiovascular findings // J. Amer. Med. Ass. 1959. Vol. 169. P. 26–42.

Irvine J., Garner D. M., Craig H. M., Logan A. G. Prevalence of Type A behavior in untreated hypertensive individuals // Hypertension. 1991. Vol. 18. P. 72–78.

Jacobson E. Progressive relaxation. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1938. 493 p.

Kadzin A. Methodology, design, and evaluation in psychotherapy research // Handbook of psychotherapy and behavior change, NY: Wiley, 1994. P 19–71

Kamiya J. Conscious control of brain wave // Psychol.Today. 1968. Vol. 1. P. 56–60.

Kauhanen J., Kaplan G. A., Cohen R. D. et al. Alexithymia may influence the diagnosis of coronary heart disease. Psychosom Med, 1994. Vol. 56. 237–244.

Lazarus A. A. (Ed.), Multimodal Behavioral therapy, New York: Springer, 1976. Vol. 130. p. 196–215.

Lazarus, A. A. Tailoring the therapeutic relationship, or being an authentic chameleon. Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training. 1991. Vol. 30(3). P. 404–407.

Lazarus R., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. 1984. 456 p.

McFarlane A. C. Life events and psychiatric disorder: The role of natural disaster // British Journal of Psychiatry. 1987. Vol 151. P. 362–367

Maslow A., Frager R. Motivation and personality. New York : Harper and Row, 1987. 260 p.

Mitscherlich A. Society Without the Father: A Contribution to Social Psychology. 1992. 329 p.

Rogers D., Jarvis G., Najarian, B. Detachment and Coping: The Construction and Validation of a New Scale for Measuring Coping Strategies. Personality and Individual Differences. 1993. Vol. 15. P. 619–626.

Rotter J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. Psychological Monographs: General and Applied. 1966. Vol, 80. P. 1–28.

Rusalov V. M. Motor and communicative aspects of human temperament: a new questionnaire of the structure of temperament. 1989. T. 10. C. 817–827.

Schur M. The id and the regulatory principles of mental functioning, International Universities Press, 1966. P. 256–287.

Siegmán A. W., Smith T. W. Anger, hostility and the heart. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. P. 97–115.

Wiener, H. Ulcerative colitis. In: Psychobiology and Human Disease / H. Wiener. Elsevier, New York, 1977. Vol. 5. P. 406–424.

Weizsacker V. von Psychosomatische Medizin. Verb. Dtsch. Ges. Inn. Med., 1949. P. 55–73.

Сведения об авторе

Соловьевская Наталья Леонидовна,
младший научный сотрудник НИЦ МБП ФИЦ КНЦ РАН

Solovevskaia Natalia Leonidovna,
junior researcher Research center of medicobiological problems of the FRC KSC RAS

ЮБИЛЕИ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Anniversaries. Memorable dates

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.121-131
УДК 061.62:94 (470.21)

В. П. Петров

**Е. К. КОЗЛОВ — ЛИЧНОСТЬ СВОЕЙ ЭПОХИ, УЧЁНЫЙ, ГЕОЛОГ,
ОРГАНИЗАТОР НАУКИ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ.**

Аннотация

Статья посвящена творческой и научно-производственной деятельности одного из организаторов науки на Кольском Севере Е.К.Козлова в связи с 100-летием со дня рождения.

Ключевые слова:

академическая наука, Север, история Кольского филиала АН СССР, роль личности Козлова Е. К.

V. P. Petrov

**YE. K. KOZLOV – A PERSONALITY OF HIS ÉPOQUE, A SCIENTIST,
A GEOLOGIST AND AN ORGANIZER OF SCIENCE IN THE KOLA NORTH**

Abstract

In connection with the 100th anniversary of the birthday, the paper presents creative, research and industrial activities of Ye. K. Kozlov who was one of the organizers of science in the Kola North.

Keywords

The academician science, the North, the history of the Kola Branch of the USSR Academy of Sciences, the role of Ye. K. Kozlov as a personality.

В каждую историческую эпоху, в соответствии с присущими только ей условиями и критериями, происходит своеобразный «отбор и расстановка кадров», выдвигаются и формируются личности, судьбы которых неразрывно связаны и отражают черты конкретного времени. Это свойственно всем областям человеческой деятельности, но особенно ярко проявляется в таких интеллектуальных сферах как наука.

Послевоенный период в Мурманском регионе, как и во всей стране, характеризовался огромными трудностями восстановления экономики, создания, с учетом имевшихся ограниченных ресурсов, тяжелых природных и социально-экономических условий жизнедеятельности. Для науки этого времени — это сложнейшие задачи создания и развития научного потенциала для обеспечения решения большого комплекса научно-технических и технологически проблем, связанных с выявлением и оценкой природных ресурсов новых территорий, отошедших СССР по итогам Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., и создание новых промышленных и

сельскохозяйственных предприятий, культурной и здравоохранительной инфраструктуры, при острой нехватке материальных, финансовых ресурсов, а главное, остром недостатке квалифицированных кадров.

Активным участником научной и производственной жизни этого периода был Евгений Константинович Козлов, 100-летию со дня рождения которого была посвящена Ферсмановская научная сессия Геологического института ФИЦ КНЦ РАН. На конференции был представлен специальный доклад Е. И. Макаровой, посвященный памяти Е. К. Козлова [Макарова, 2018:4–10].

Е. К. Козлов был типичным представителем нового поколения научной интеллигенции, вышедшей из трудовой пролетарской среды, путевку, в жизнь которой дало Советская государство.

Он родился 1 декабря 1918 г. в г. Калинин (Тверь) в рабочей семье. По окончании школы Е. К. Козлов поступил на геологический факультет Ленинградского государственного университета, который окончил с отличием в 1941 году. Управлением кадров АН СССР был направлен на работу в Кольскую базу Академии наук СССР в г. Кировск младшим научным сотрудником, но уже 26 июня 1941 г. он был призван в Красную армию. Во время войны он служил на Карельском фронте в районе ст. Лоухи, закончил войну в звании старшего техника-лейтенанта, за военные заслуги был награжден двумя медалями.

После демобилизации в 1946 г. Е. К. Козлов поступил в аспирантуру на кафедру петрографии Ленинградского университета. В 1948 году, после успешного окончания аспирантуры, он вернулся на работу в Кировск и с этого времени вся его жизнь — личная, трудовая и творческая, неразрывно связана с Кольским Заполярьем.

Архивные документальные материалы, воспоминания его коллег и соратников свидетельствуют о многогранности, талантливости, чрезвычайной энергетике и человеческой притягательности его личности. [Сидоренко, Горбунов, 1975: 3–6; Войтеховский, 2008:8; Петров, 2008, 9–12; Докучаева, 2008: 36; Жамалетдинов, 2008: 39; Загородный, 2008: 40; Петров, 2008: 3–12; Петров, Макарова, Саморукова, Токарев, Усов, 2011: 86, 92, 100], Учёные Кольского научного центра, 2010: 216–217].

Поступив на работу в Кольскую базу АН СССР в должности младшего научного сотрудника, он после успешной защиты кандидатской диссертации в октябре 1949 г. был назначен старшим научным сотрудником. Уже первые научные труды Е. К. Козлова и его верной спутницы по жизни и соратника Татьяны Николаевны Ивановой были представлены на премию им. С. М. Кирова.

В последующие годы Е. К. Козлов возглавлял одну из главных лабораторий Геологического института — лабораторию петрографии, а в 1953–1961 гг. руководил Геологическим институтом.

Будучи многие годы вовлечённым в напряжённую научно-организационную и общественную деятельность, Е. К. Козлов всегда оставался активным учёным. Главным направлением в исследованиях Е. К. Козлова было изучение основных и ультраосновных интрузивных массивов, закономерностей формирования и размещения рудных месторождений. Его работы всегда носили целеустремленный характер и наряду с теоретическими аспектами были направлены на расширение сырьевой базы рудной промышленности Кольского полуострова [Сидоренко, Горбунов, 1975: 6].

Уже аспирантские исследования Е. К. Козлова Мончегорского никеленосного плутона, проведенный в 1946-1949 гг. позволили составить первую геолого-структурную карту массива, определить форму его дна как мульдообразную, а также доказать сингенетичную природу оливинсодержащих слоев течения, обогащенных сульфидной медно-никелевой минерализацией.

Исследования 1949–1953 годов привели к важным в научном и прикладном значении выводам: 1) месторождения вкрапленных и гнездовых руд Мончегорского плутона имеют тесную генетическую связь с его основными-ультраосновными породами и являются внутриформационными образованиями; 2) руды приурочены к наиболее поздним дифференциатам магмы, богатым летучими и легкоплавкими компонентами. Пластовая форма месторождений обусловлена условиями залегания дифференциатов; 3) время образования вкрапленных руд совпадает с периодом автотематоморфических изменений пород. Сульфиды образовались из остаточного-магматических растворов, возникающих в результате сложных физико-химических процессов кристаллизации магмы.

Важным достижением в научных исследованиях этого периода является установленная Е. К. Козловым латеральная гетерогенность ультраосновных — основных пород Мончегорского плутона, что явилось существенным вкладом в познание кристаллизационной дифференциации магмы.

На основе полученных данных были составлены рекомендации по направлению разведочных и поисковых работ в пределах Мончегорского района, которые были использованы геологоразведочными организациями.

Итогом многолетних научных исследований Е. К. Козлова стали защищенная в 1973 г. докторская диссертация и фундаментальная монография 1973 года "Естественные ряды пород никеленосных интрузий и их металлогения" [Козлов, 1973: 288].

Важнейшими научными результатами в этих трудах были:

- обоснование определенного этапа развития основного-ультраосновного магматизма в геологической истории Кольского полуострова с формированием дифференцированных интрузивов в условия платформы-кратогена.

- показано, что сложные дифференцированные плутоны образованы естественными рядами последовательных фаз магматизма, чаще всего нисходящего ряда.

- выделено несколько типов сингенетических рядов в расслоенных интрузивах и установлена связь сульфидного медно-никелевого оруденения с последними членами этих рядов горных пород;

- определен постмагматический характер медно-никелевого оруденения, связанного с платформенными расслоенными интрузивами.

Е. К. Козлов одним из первых рассмотрел возможные связи и особенности путей формирования медно-никелевых месторождений в различных фациальных условиях регионального метаморфизма. В западной части Кольского полуострова им, в частности, было выделено три зоны медно-никелевых месторождений: печенгская зеленосланцевая, аллареченская — амфиболитовой фации метаморфизма и ловнозерская гранулитовая зона. Он обосновал метаморфический тип медно-никелевого оруденения как результат мобилизации и переотложения в процессе метаморфизма первично магматических руд.

Вокруг Е. К. Козлова сформировалась группа высококвалифицированных специалистов в области геологии, петрологии и металлогении магматических комплексов докембрия. Под его руководством проведено комплексное геолого-петрологическое изучение массивов Федоровой тундры, р. Цага, Панских тундр, Застейд-П, Главного хребта, Монче-Чуна-Волчьих-Лосевых тундр, Нотозерского гипербазитового пояса. При его личном участии продолжалось изучение глубинного строения Мончегорского плутона и его месторождений. Выполненные под руководством Е. К. Козлова исследования явились научным базисом обоснования и открытия ряда месторождений медно-никелевых и редкометальных руд, признания Кольского полуострова в качестве перспективной платинометальной провинции [Сидоренко, Горбунов, 1975: 6].

Активная творческая, научно-организационная и административная деятельность Е. К. Козлова пришлась на трудный, но захватывающий по своей динамике период развития академической науки в Кольском Заполярье.

Судя по имеющейся в личном деле характеристике от 20.10.1949 г., подписанной Г. И. Горбуновым, Е. К. Козлов был и.о. учёного секретаря КФ АН СССР [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1267. Л. 20], а в 1950 г. был утверждён членом первого президиума Кольского филиала АН СССР [Ученые..., 2011: 80].

В 1952 г. к руководству Кольского филиала АН СССР пришел А. В. Сидоренко. Е. К. Козлов стал близким другом и соратником Александра Васильевича, с именем которого связано начало формирования системы научных учреждений Филиала. А. В. Сидоренко был «архитектором» будущей научной структуры Филиала. «Прорабами и главными строителями» в этом деле были Г. И. Горбунов, И. В. Бельков и Е. К. Козлов.

В 1961 году, после перехода А. В. Сидоренко на работу в Москву, Е. К. Козлов становится его преемником на посту председателя Президиума Кольского филиала АН СССР [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1267. Л. 73].

За высокие научные достижения и вклад в развитие производительных сил Мурманского региона Кольский филиал АН СССР имени С. М. Кирова Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 апреля 1967 года был награждён высшей наградой страны — Орденом Ленина.

В докладе «Роль Кольского филиала в развитии производительных сил Мурманской области» на сессии Ученого совета КФ АН СССР 22 сентября 1967 г. Е. К. Козлов подвел итоги работы с 1961 г. и наметил перспективы на следующую пятилетку [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 766. Л. 12-15]. Он, в частности, сформулировал три главные задачи научных исследований Филиала в изучении минеральных ресурсов региона:

- выявление закономерностей развития на глубоких горизонтах земной коры медно-никелевых, апатитовых, слюдяных и железорудных месторождений, исследование по расширению перспектив прироста запасов этих месторождений.

- определение перспектив развития горнодобывающей промышленности по производству новых видов минерального сырья. Значение промышленности по добыче и переработке полезных ископаемых Кольского полуострова в народном хозяйстве страны заключается не только в ее масштабах и удельном весе, но и в том, что материалы и продукция области направляются в те отрасли, которые определяют технический прогресс в стране, и тем самым влияют на все народное хозяйство. Развитие атомной техники, электроники, ракетной техники, сверхзвуковой авиации привело к необходимости создания новых материалов,

к использованию новых элементов, которые по прогнозам могут быть на Кольском п-ове в крупных промышленных скоплениях.

- создание научных основ наиболее экономичного технологического передела своеобразного кольского минерального сырья. Стоит задача создать такие схемы переработки кольского сырья, которые позволили бы получать готовые продукты здесь, на месте, в Мурманской области.

В формулировках второй и третьей задач перед геологами, горняками, химиками-технологами и экономистами Е. К. Козлов языком того времени определил и предвосхитил современные идеи по созданию на Кольском п-ове крупного горно-химического кластера по производству стратегических металлов, элементов и их соединений

В 1974 году на Выставке в Доме ученых в Москве, посвященной 250-летию Академии наук, были отмечены достижения КФАН СССР в получении высокочистых редких и редкоземельных элементов. Определенная заслуга в постановке и организации этих исследовательских работ принадлежит и Е. К. Козлову.

В институтах Филиала под руководством Е. К. Козлова для обеспечения новых направлений исследований были организованы 12 научных лабораторий. Прорабатывался вопрос о создании в Филиале института экономики, института комплексной переработки минерального сырья.

Е. К. Козлов встал к рулевому штурвалу в момент, когда начался активный переезд Филиала из пос. Кукисвумчорр на место будущего г. Апатиты. На плечи Е. К. Козлова легли заботы о строительстве всех объектов — научных, производственных и социальных, обеспечение их повседневной жизни и работы. О масштабах работ можно судить по докладу Е. К. Козлова на собрании 22 сентября 1967 г. «В ближайшие три года сотрудники Филиала получают жилой дом на 100 квартир, дом на 400 молодых специалистов, дом улучшенного типа на 80 квартир, два детских сада, пионерлагерь в средней полосе или на юге. Войдет в строй Институт химии, Полярный геофизический институт, корпус опытных работ, подземная обсерватория Кукисвумчорр, автоклавная для Геологического института, корпус для лаборатории "Кварц". В этом пятилетии будет начато строительство Горно-металлургического института и Полярно-альпийского ботанического сада» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6 .Д. 766. Л. 12].

Практически все эти объекты были построены или по ним было начато строительство в период нахождения Е.К. Козлова на посту руководителя Филиала.

Только в 1967–1970 гг. введено в эксплуатацию 10 тыс. м² жилплощади, число мест в детских садах Филиала — особенно острая проблема, если учесть, что средний возраст сотрудников был около 30 лет — возросло более чем в 4 раза, достигнув цифры 400.

Большое внимание Е. К. Козлов уделял укреплению кадрового потенциала Филиала и его институтов, научно-вспомогательных, технических служб и социальной сферы. С 1961 по 1971 гг. штатная численность Филиала возросла более чем в 2 раза, с 917 до 2340 чел. Численность научных работников составило 500 человек. Число докторов и кандидатов наук достигло 160 чел. К 1971 г. число аспирантов выросло с 20 до 115, число аспирантов очной формы обучения увеличилось до 31.чел.

Соратники и все люди, знавшие Евгения Константиновича Козлова, вспоминали и вспоминают его как многогранную личность, человека, любившего жизнь во всех её проявлениях, глубоко преданного своему делу, науке и одновременно любившего музыку и поэзию, бардовские песни и остроумные анекдоты, всегда бывшего душой различных праздничных и других общественных мероприятий.

Являясь руководителем крупного учреждения он сочетал высокую требовательность при подборе и работе с кадрами с душевной заботой об организации рабочих мест, быта, здоровья сотрудников, не взирая на их служебное положение. Он относился к особому типу людей, которые никогда не проходят безучастно мимо, если сталкиваются с человеком, подавленным какими-либо жизненными проблемами. Е. К. Козлов всегда был готов, словом и делом оказать возможную помощь. Автор лично знает такие примеры.

Будучи активным общественно активным человеком, членом Партии с 1945 года он неоднократно избирался депутатом народных советов, членом различных партийных и общественных органов и организаций. Е. К. Козлов глубоко понимал ключевые проблемы промышленного и социально-экономического развития Мурманской области и конкретные задачи по их научному обеспечению и решению. Развивая идеи А. Е. Ферсмана, он сформулировал конкретные задачи по комплексному использованию руд Хибин, Ковдора, Печенги, в частности, более широкой переработке нефелина, развитию в Мурманской области слюдяной, флогопитовой и вермикулитовой промышленности, освоению кейвских кианитов, добыче и переработке редкометалльных руд. Обладая высокой эрудицией, удивительной способностью привлекать и убеждать в правоте своих идей и предложений, Е. К. Козлов имел тесные деловые и дружеские связи с представителями производств, особенно геологических организаций и горнорудных комбинатов. Он был непременным участником важнейших совещаний, конференций, разработок планов и программ геологических и поисково-разведочных работ. В 1968 г. Е. К. Козлов был награжден Знаком «Отличник разведки недр».

Трудовые и военные заслуги Е. К. Козлова отмечены государственными наградами: орденами «Знак Почёта» и «Трудового Красного Знамени», пятью медалями. Он почётный гражданин г. Кировска. Имя Е. К. Козлова носит одна из улиц в Академгородке г. Апатиты. Десятилетний период деятельности Е. К. Козлова на посту председателя президиума Филиала — это время создания и подъёма научной, производственной и социальной инфраструктуры Академгородка, дальнейшего развития системы научных учреждений Филиала, качественного и количественного роста его потенциала.

На фото приложения 1 представлены основные этапы научной деятельности Е. К. Козлова на Кольском полуострове за 1941–1973 годы. Материалы подготовлены заведующим сектором формирования и хранения цифровой информации Токаревым А. Д.

**Приложение 1. Евгений Константинович Козлов —
годы работы на Кольском полуострове.**

Рис. 1. Выпускник
Ленинградского
госуниверситета —
мл. научный сотр.
КБАН. 1941 г.

Рис. 2. Зам. директора
Геологического
института КФАН СССР.
1951 г.

Рис. 3. 1961 г.
Председатель
Президиума КФАН
СССР

Рис. 4. Сотрудники Геологического института КФАН СССР Е. К. Козлов
и Т. Н. Иванова, выдвинутые на соискание премии им. С. М. Кирова. 1950 г.

Рис. 5. Е. К. Козлов с сотрудниками отряда на полевых работах в Панских тундрах. 1956 г.

Рис. 6. Выступление Е. К. Козлова на торжественном заседании, посвященном 250-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. 1961 г.

Рис. 7, 8. Е. К. Козлов на исследовании керн
на Ловнозерском месторождении. 1964 г.

Рис. 9. Е. К. Козлов в рабочем кабинете. 1967 г.

Рис. 10. Создатели академического городка
в г. Апатиты.
Е. К. Козлов, И. В. Бельков, Г. И. Горбунов,
А. В. Сидоренко. 1971 г.

Рис.11. Защита
Е. К. Козловым
докторской
диссертации. 1973 год.

Источники

НА КНЦ РАН. Ф. 1.Оп. 6. Д. 766.

НА КНЦ РАН. Ф. 1.Оп. 18. Д. 1267

Список литературы

Войтеховский Ю. Л. Открытие V всероссийской Ферсмановской научной сессии «Петрология и минерагения Кольского региона», посвященной 90-летию со дня рождения д.г.-м.н. Е. К. Козлова // Петрология и минерагения Кольского региона. Труды V Всероссийской (с международным участием) Ферсмановской научной сессии, посвященной 90-летию со дня рождения д.г.-м.н. Е. К. Козлова. Апатиты, 14–15 апреля 2008 г. Апатиты. Изд-во Кольского научного центра РАН, 2008. С. 8.

Докучаева В. С. Воспоминания о Е. К. Козлове // Петрология и минерагения Кольского региона. Труды Ферсмановской научной сессии. Апатиты. Изд-во Кольского научного центра РАН, 2008. С. 36.

Жамалетдинов А. А. Встречи с Е. К. Козловым // Петрология и минерагения Кольского региона. Труды Ферсмановской научной сессии. Апатиты. Изд-во Кольского научного центра РАН, 2008. С. 39.

Загородный В. Г. Светлой памяти Евгения Константиновича // Петрология и минерагения Кольского региона. Труды Ферсмановской научной сессии. Апатиты. Изд-во Кольского научного центра РАН, 2008. С. 40.

Козлов Е. К. Естественные ряды пород никеленосных интрузий и их металлогения. Л.: Изд-во Наука. 1973. 288 с.

Макарова Е. И. Е. К. Козлов — руководитель, ученый, создатель: К 100-летию со дня рождения. Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН № 15, 2018. С. 4–10.

Петров В. П. Роль Е. К. Козлова в развитии академического научного центра на Кольском полуострове // Петрология и минерагения Кольского региона. Труды Ферсмановской научной сессии. Апатиты. Изд-во Кольского научного центра РАН, 2008. С. 9–12.

Петров В. П., Макарова Е. И., Саморукова А. Г., Токарев А. Д., Усов А. Ф. Кольский научный центр. Летопись 1930–2010, Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2011. С. 86, 92, 100.

Сидоренко А. В., Горбунов Г. И. Основные ультраосновные породы Кольского полуострова (Памяти доктора геолого-минералогических наук Е. К. Козлова). Апатиты, 1975. Изд-во Кольского филиала АН СССР. С. 3–6.

Учёные Кольского научного центра 1930–2010. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН. 2010. С. 216–217.

Сведения об авторе

Петров Валентин Петрович,

доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Petrov Valentin Petrovich,

Dr. Sci. (Geology-Mineralogy), Professor, Chief Research Fellow of the Barents Centre
of the Humanities FRC KSC RAS

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Scientific Life

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.132-134

О. В. Шабалина

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МИЛЛЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ-2018: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ТРАДИЦИИ В СОХРАНЕНИИ И ИЗУЧЕНИИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

O. V. Shabalina

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “MILLER READINGS-2018: CONTINUITY AND TRADITIONS IN PRESERVING AND RESEARCHING THE DOCUMENTARY ACADEMIC HERITAGE” IN ST. PETERSBURG

«Миллеровские чтения – 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия» состоялась в Санкт-Петербурге 24–26 мая 2018 г. Соорганизаторами конференции выступили Санкт-Петербургский научный центр РАН, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН, директор д.и.н. И. В. Тункина), Фонд поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий центр встреч» (директор А. А. Немкова), поддержку конференции оказал Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» (председатель А. Г. Елфимов).

Датой основания Архива РАН считается 6 (17) января 1728 г., когда указом императора Петра II студент академической гимназии этнический немец Г. Ф. Миллер был «определён» к академическому архиву. Впоследствии он стал его руководителем и конференц-секретарем Петербургской академии наук. Традиционно в рамках «Миллеровских чтений» отдается дань уважения многовековым российско-германским научным связям. Благодаря труду архивариусов и действительных членов академии наук в XVIII–XIX вв., большинство из которых составляли немцы, закладывались основы и традиции сохранения ценнейшей научной документации, формировался архив мирового значения. Символично, что работа секций проходила в здании Евангелическо-лютеранской церкви Святых Петра и Павла (Петрикирхе) — главном российском лютеранском храме, где иностранные подданные присягали России на верность при поступлении на службу в Академию наук.

В Миллеровских чтениях приняли участие 139 учёных, в том числе 24 иностранных коллеги из университетов Японии, Латвии, Украины, Дании, Австралии, Франции, Монголии, Германии, академических институтов Нидерландов, Польши, Белоруси. 115 отечественных исследователей представляли научные учреждения, архивы, библиотеки, музеи и вузы 5 городов России (Москва, Санкт-Петербург, Брянск, Ставрополь, Тобольск, Апатиты).

В рамках работы конференции были открыты две выставки «Эстампажи Русского археологического института в Константинополе в собрании СПбФ АРАН» и «Художественное творчество ученых».

Работа конференции началась с приветствия участникам членами Программного комитета конференции и представителями академических институтов и выступления профессора, академика Гёттингенской академии наук В. Лефельдта (Германия) с докладом «Тобольский рапорт Д. Г. Мессершмидта как образец программы ученого для исследования Сибири». Также на пленарном заседании были озвучены доклады директора СПбФ АРАН, д.и.н. И. В. Тункиной и профессора, д.филос.н. Э. И. Колчинского (СПбФ ИИЕТ РАН), посвященные реформам РАН в 1917–1918 гг., раннесоветскому периоду работы Архива АН СССР и переводом АН в Москву в 1934 г.

Работа конференции была продолжена в течение двух дней по 6 секциям: «История науки», «Изучение архивного наследия», «Изучение славянских языков и этногенеза в Академии наук», «Азия в экспедициях, документах и исследованиях» «Академия наук и просвещение в России», «Проблемы консервации и реставрации архивных и библиотечных фондов».

Самая насыщенной по количеству докладов (23) была работа секции, посвященной различным проблемам изучения и использования архивного наследия — руководители секции зам. директора СПбФ АРАН, к.и.н. Д.В. Серых и с.н.с. СПбФ АРАН, к.и.н. Т. В. Костина. В первый день независимый исследователь Д. Г. Хрусталева представил судьбу новгородско-ганзейского договора 1269 г. В различных докладах были рассмотрены в качестве потенциальных исторических источников материалы различных фондов СПбФ АРАН: по проблеме истории естественного кабинета герцогини Анны Яблоновской (доклад директора Музея фармацевтики ИИН Польской АН И. Арабас); письма Х. Абовьяна к акад. Х. Д. Френу (доклад с.н.с. СПбФ АРАН О. В. Иодко); архив барона Розена по бабизму и религии бахаи (доклад с.н.с. ИВР РАН Ю. А. Иоаннесян). Доклад с.н.с. НИУ «Высшая школа экономики», к.и.н. М. Б. Лавринович был посвящен истории Архива Коллегии иностранных дел в структуре властных отношений в 1780-е-1800-е гг. Проблемы архивного дела, подготовка архивной реформы 1870-х гг. и создание Археологического института для подготовки архивистов и археографов — это вопросы, затронутые в докладе гл.архивиста ЦГИА, к.и.н. Н. В. Колышницыной. Научные биографии ученого секретаря Архива АН СССР И. С. Лосевой (доклад с.н.с. СПбФ АРАН Н. С. Прохоренко) и астронома А. П. Ганского (доклад с.н.с. АРАН, к.и.н. Н. В. Литвиной), а также история организации и деятельности Зоологического музея и института в документах Научного архива ЗИН РАН (доклад с.н.с. ЗИН РАН, к.б.н. Н. В. Слепковой и зав.научным архивом ЗИН РАН Е. П. Тихоновой) были с интересом восприняты аудиторией.

Во второй день работы секции были заслушаны доклады, посвященные исследовательской деятельности и проблемам обработки, сохранения и использования личных фондов ученых различных специальностей: историков Е. П. Подъяпольской (доклад м.н.с. АРАН Ю. В. Стеценко) и проф. Г. Г. Писаревского (доклад независимого исследователя д.и.н. И. В. Черказьяновой), биолога Б. П. Токина (доклад зав.отделом СПбФ АРАН, к.и.н. М. В. Мандрик), физикогеографа А. В. Шнитникова (доклад доц. СПб ГУПТИД, к.пед.н. Л. Б. Эрштейна и н.с. СПбФ АРАН В. В. Онощенко), археолога К. М. Поликарповича (доклад доц. БрГУ, к.и.н. А. А. Чубура), химиков первой

половины XX в. (доклад н.с. СПбФ АРАН и В. В. Онощенко и . СПб ГУПТиД, к.пед.н. Л. Б. Эрштейна). Два доклада представляли влияние идеологии советского периода 1920–1950-х гг. на становление и развитие физиологии в СССР, судьбы советских физиологов (доклады с.н.с. СПбФ АРАН, к.и.н. Е. Г. Застрожной и зам. директора СПбФ АРАН, к.и.н. Д. В. Серых). На основе архивных материалов в докладе уч. секретаря СПбФ АРАН, к.и.н. Л. Д. Бондарь был проанализирован персональный состав Байкальской лимнологической станции в 1920–1930-х гг., в докладе в.н.с. ЦГП ФИЦ КНЦ РАН, к.и.н. О. В. Шабалиной — история высокоширотной экспедиции на о. Диксон в 1916 г. и организации там метеорологических и гидрологических наблюдений.

Работа конференции завершилась итоговым пленарным заседанием и представлением директором СПбФ АРАН, д.и.н. И. В. Тункиной архивных издательских серий (см. рис. 1).

Участники конференции подтвердили тезис о том, что Миллеровские чтения стали традиционным крупнейшим международным научным форумом для ученых, использующих материалы первого научного архива России в качестве источниковой базы для своих исследований.

Рис. 1. Директор СПбФ АРАН, д.и.н. И. В. Тункина представляет архивные издания

Сведения об авторе

Шабалина Ольга Вячеславовна,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Shabalina Olga Vyacheslavovna,
PhD (History), Leading Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities,
FRC KSC RAS

М. В. Иванова

**XXVII МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕРЕГОВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АРКТИЧЕСКИЕ БЕРЕГА: ПУТЬ К УСТОЙЧИВОСТИ» В МУРМАНСКЕ**

M. V. Ivanova

**XXVII INTERNATIONAL COASTAL CONFERENCE «ARCTIC SHORES:
SHORE-UP TO SUSTAINABILITY» IN MURMANSK**

В сентябре 2018 года в городе Мурманске состоялась XXVII Международная береговая конференция «Арктические берега: путь к устойчивости». Основной фокус конференции был направлен на обсуждение проблем, связанных с развитием Арктики. Организатором конференции традиционно выступила Рабочая группа «Морские берега» Научного Совета РАН по проблемам Мирового океана. Проведение конференции поддерживалось Министерством образования и науки РФ, Правительством Мурманской области и Российским фондом фундаментальных исследований. Конференция проводилась на площадке Мурманского арктического государственного университета (МАГУ). Более полувека конференция служит платформой для диалога профессионалов, исследователей и представителей общественных организаций по тематикам, связанным с устойчивым развитием береговых территорий.

В работе конференции приняло участие более 280 участников из институтов РАН, Московского государственного университета, Вильнюсского университета (Литва), Дальневосточного федерального университета, Северного университета Норвегии, Таллинского технического университета (Эстония), Одесского национального университета (Украина) и других высших учебных заведений, Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН, ФИЦ «Кольский научный центр» РАН, и ряда других научно-исследовательских организаций России, стран ближнего и дальнего зарубежья: Литвы, Латвии, Эстонии, Украины, Абхазии, Кубы, Турции. Работу конференции открыл ректор МАГУ Сергеев Андрей Михайлович отметив высокий уровень научной привлекательности мероприятия, возможности дальнейшего сотрудничества ученых разных специальностей, объединенных общим интересом – комплексным изучением Арктических берегов.

Научная программа конференции включала 108 докладов, представленных участниками в рамках пленарных, тематических секционных заседаний и постерной сессии, и охватывала широкий круг вопросов. Традиционно основные направления работы научных секций были посвящены вопросам гидро-, морфо- и литодинамики морских берегов и прилегающей акватории с учетом строительства и эксплуатации гидротехнических сооружений; проблемам экологической уязвимости и антропогенной нагрузки на береговые экосистемы и биоресурсы.

Особенностью конференции стало привлечение ведущих специалистов различных научных направлений, объединение гуманитарных и естественно — научных исследований, посвященных комплексному изучению Арктической зоны РФ. Были рассмотрены вопросы взаимодействия природных

(геофизических) систем в Арктике (атмосфера, гидросфера, литосфера); современные информационные технологии в задачах исследования и развития береговых систем и арктических территорий; социально-экономический взгляд на береговые системы окраинных морей России и Арктики; правовые, международные и историко-культурные аспекты развития береговых систем и арктических территорий (рис. 1).

Рис. 1. Конвинуер секции д.э.н. Иванова М. В. подводит итоги работы

Доклады, представленные на секции «Правовые, международные и историко-культурные аспекты развития береговых систем и арктических территорий» вызвали живой интерес аудитории и позволили увидеть особую чувствительность и хрупкость арктических территорий к различным правовым и социально-культурным изменениям. Доклад М. А. Питухиной «Мультикультурный барометр — универсальный инструмент мониторинга за миграционными процессами» затронул одну из современных проблем социума — миграцию, когда в современном мире новые миграционные процессы реструктурируют сложившейся социум арктических территорий, обостряя проблемы характерные для новой мультикультурной общности. Что безусловно требует разработки научных подходов и правовых инициатив к решениям проблем формирования и изменения культурной идентичности как коллективной, так и индивидуальной, адекватному конструированию политической жизни.

В докладе С. Л. Горина и М. В. Коваль «О неопределенности правового статуса приливных осушек на берегах морей России» в очередной раз был поднят вопрос об отсутствии законодательного статуса прибрежной зоны, что лишает юридической основы пользователей ее ресурсами. Особенности отдельных участков арктического побережья определяют необходимость законодательного решения вопроса правового статуса приливных осушек для урегулирования вопросов хозяйственной деятельности в береговой зоне моря. Решение данной проблемы требует внесения поправок в Водный кодекс. Это позволит устранить возможные противоречия, связанные с пересечением на приливных осушках сфер ответственности контролирующих и надзорных органов.

Доклад О. В. Шабалиной и М. В. Ивановой «Нетрадиционный комплексный источник по истории изучения и освоения Арктики и Субарктики Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН» представил возможности коллекции книжных владельческих знаков, автотраффов, маргиналий как комплексного источника для исследований специалистов в различных областях научного знания. Учитывая, что в ближайшей перспективе Арктика будет в фокусе интереса широкой научной общественности, изучение исторического опыта через введение в оборот новых исторических источников особенно актуально.

Доклады секции «Социально-экономический взгляд на береговые системы окраинных морей России и Арктики» Т. В. Белевских, М. В. Ивановой, А. А. Бертоша «Туристская привлекательность прибрежных поселений Арктической зоны (на примере села Териберка Мурманской области)» и О. В. Шабалиной, К. С. Казаковой «Арктические берега в работах экспедиционных художников из коллекции Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН» соединили во времени красоту и привлекательность Арктических просторов, позволив увидеть ближайшую перспективу развития туристского кластера сурового северного края.

Подводя итоги, можно отметить, что конференция выполнила свою основную задачу: предоставила участникам возможность познакомиться с научными достижениями исследователей разных регионов России и других стран, обеспечила эффективный обмен новейшей научной информацией.

Сведения об авторе

Иванова Медея Владимировна,

Доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Ivanova Medeya Vladimirovna,

Dr. Sci. (Economics), Leading Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities,
FRC KSC RAS

AD MEMORIAM

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.138-144

Е. Ю. Дубровская

**СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ТИТОВ (1958–2015) —
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РУССКОГО СЕВЕРА**

E. Yu. Dubrovskaya

**SERGEY MIKHAYLOVICH TITOV (1958–2015) —
RESEARCHER OF THE MILITARY HISTORY OF THE RUSSIAN NORTH**

27 июня 2018 г. Сергею Михайловичу Титову — талантливому историку, автору увлекательных научных и научно-популярных работ, экспозиций и выставок Национального музея Республики Карелия, хранителю музейных тайн и блестящему иллюстратору своих публикаций, лауреату литературной премии журнала «Север» — могло исполниться всего 60 лет.

Сергей Михайлович Титов (1958–2015)

Сергей Михайлович внес значительный вклад в изучение военной истории России и Карелии. К сфере его научных интересов относились история советской Онежской военной флотилии и Онежской береговой бригады финнов в период Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.), изучение событий Гражданской, советско-финляндской и Великой Отечественной войн на территории Карелии.

Он жил так, будто знал, что жизнь его коротка. А может быть, была коротка, потому что он так жил. Он спешил. Спешил жить и работать. О широте его творческой природы говорит хотя бы то, что он совмещал такие разные увлечения: скрупулезные исторические исследования за письменным столом и участие в праздничных, наполненных звоном средневековых мечей, действиях клуба исторической реконструкции «Стягъ». Почти четверть века Сергей Михайлович отдал учительскому труду в Карелии — сначала в Пудожгорской средней школе, а затем в петрозаводском профессионально-техническом училище № 10, где совмещал преподавание истории и обществоведения с начальной военной подготовкой и обязанностями заместителя директора по воспитательной работе.

Выпускник историко-филологического факультета Петрозаводского госуниверситета, С. М. Титов уже в студенческие годы увлекся историей военно-технических связей стран Европы в эпоху средневековья. Его дипломная работа получила высокую оценку рецензента — доктора исторических наук А. Н. Кирпичникова, непревзойденного знатока археологических загадок Старой Ладogi. Немногие вчерашние студенты-историки могут похвалиться такой солидной экспертизой своих квалификационных сочинений. Позже интерес к проблематике средних веков, привлекшей исследователя еще на студенческой скамье, побудил его к изучению военной истории древнего племени корела.

Итогом многолетней работы над темой стала монография, вышедшая в издательстве Петрозаводского университета [Титов, 2007]. Эта работа оказалась первой попыткой комплексного изучения военной истории средневекового племени. На фоне широких исторических параллелей с привлечением обширного круга источников в ней была представлена развернутая картина эволюции военной организации корелы, показан внутренний мир средневекового воина, прослежены основные события военной истории Северо-западного Приладожья конца XV столетия. Через три года в Санкт-Петербурге увидел свет Французско-русский толковый словарь «Рыцарство. Дворянство. Армия», подготовленный совместно с заведующим кафедрой французского языка Карельской государственной педагогической академии (КГПА) Н. С. Егоровым и изумительно проиллюстрированный самим Сергеем Михайловичем, не упускавшим в рисунках мельчайших деталей, свойственных изображаемой эпохе. А ведь он, уроженец г. Пудожя, лишь в течение одного года учился в художественной школе Медвежьегорска, когда вместе с родителями жил в этом городе.

Однако военная тематика «средневековой юности» мало-помалу уступила место исследовательским проблемам вооруженного противостояния на Севере России в трагическом двадцатом веке. Отец Сергея Михайловича, родом из села Авдеево Пудожского района, во время Великой Отечественной войны семнадцатилетним ушел из дома юнгой на Северный флот, нес службу во флотском полуэкипаже и Беломорской военной флотилии. Конечно же, суровый флотский опыт отца предопределил особую чувствительность сына к теме «озерного фронта» — истории сражений на Онежском озере в период Гражданской войны и в годы Великой Отечественной.

Вклад С. М. Титова в разработку этих творческих тем и помощь в проведении мероприятий, посвященных 70-летию освобождения Петрозаводска от оккупации, отмечены памятной медалью «Патриот России», признательностью Ассоциации ветеранов ВМФ и подводников, а также общественной организации

«Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей». Яркие выступления историка на научных конференциях в Санкт-Петербурге, Петрозаводске, Великом Новгороде, статьи по военной истории эпохи средневековья, публикации о военном деле древней карелы, об опыте комплексной реконструкции событий Невской битвы 1240 г., о сражении рыцарских времен — Ледовом побоище 1242 г., о боевых действиях периода Гражданской и Великой Отечественной войн [Титов, Обзор...2011; Титов, Онежская... 2012; Титов, Онежская...2015] неизменно вызывали интерес как специалистов-исследователей, так и широкой читательской аудитории. Сергей Михайлович входил в Российское военно-историческое общество, был экспертом по культурным ценностям — предметам и коллекциям холодного и огнестрельного оружия, к нему, члену-корреспонденту Ассоциации историков-оружиеведов при Московском Кремле «Арсенал», часто обращались за помощью работники правоохранительных органов. Он поддерживал контакты с петрозаводскими клубами военной истории «Стягъ» и «Стражник», с поисковыми объединениями и ветеранскими организациями, особенно с Союзом ветеранов ВМФ г. Петрозаводска.

К работе в Карельском государственном краеведческом музее (ныне НМРК) С. М. Титов приступил в 2007 г., первоначально был научным сотрудником научно-экспозиционного отдела, а с 2008 по 2014 г. — его руководителем. Сергей Михайлович являлся автором интереснейших выставок и музейных экспозиций, вел научно-исследовательскую, популяризаторскую и экспозиционно-выставочную работу по направлениям военной истории Карелии. Под его руководством отдел занимался подготовкой постоянной экспозиции музея, в том числе, экспозиционного раздела, посвященного истории города Петрозаводска в XVIII – начале XX века.

Среди созданных С. М. Титовым многочисленных выставок особенно запомнились посвященные Великой Отечественной войне «Страницы истории Карельского фронта» (2009 г.), «Перед атакой» (2010 г.), в 2011 г. — «Солдаты Карельского фронта» и «Фронт на Онего». На следующий год были подготовлены выставки «Медики Карельского фронта» и экспозиция к двухсотлетию Отечественной войны 1812 года. На авторских выставках С. М. Титова, мастера популяризации исторических знаний, посетители музея — люди разного возраста, разных профессий и взглядов — могли по-новому посмотреть на, казалось бы, хорошо известные события Второй мировой. Об этом говорят названия экспозиций: «...И карандаш был оружием. Художники Карельского фронта» (2013 г.), «В июне 1944-го» (2014 г.), «Сквозь лед и пламя... К 75-летию окончания советско-финляндской войны 1939-1940 гг.» (2015 г.). В год столетия начала Первой мировой войны заметным событием в жизни города и республики стала выставка «Первая Мировая: мгновения великой войны» (2014 г.).

Сегодня, когда миновало почти сто лет со времени сражений Гражданской войны в нашем крае, очень не достаёт деятельного участия Сергея Михайловича в подготовке «юбилейной» выставки, подобной той, с которой посчастливилось познакомиться в 2009 году и которая впервые рассказала о противостоянии красной, белой и союзнической флотилий в акватории Онежского озера в 1919 г.

История онежских военных флотилий, противостоявших друг другу во время Гражданской войны и союзной интервенции, стала актуальной в научном отношении темой кандидатской диссертации С. М. Титова,

выполненной на кафедре истории КГПА. И хотя в наши дни обозначился вполне резонный интерес исследователей к присутствию на Севере британских экспедиционных сил и к истории не только белой, но и английской военной флотилии [Барон, 2011; Жалнин, 2009], Сергей Михайлович впервые поставил вопрос о необходимости комплексного изучения военных действий всех трех флотилий на Онежском озере. Проведенное им исследование проблем Гражданской войны и военной интервенции на Русском Севере, а также участия Онежской озерно-речной флотилии Красного флота (ООРФ) в этом вооруженном противостоянии было успешно завершено в 2012 г.

С. М. Титову удалось показать необычайную остроту политической и экономической обстановки в регионе, который на заключительном этапе Первой мировой войны оказался вовлечен в орбиту международной политики и в сферу интересов враждебных военно-политических коалиций. Желание как можно выше поднять планку исследования вело историка к долгим научным изысканиям в архивах и библиотеках Петрозаводска, в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге, к знакомству с множеством отечественных и зарубежных сайтов, чьи материалы могли прояснить запутанные обстоятельства столкновений сторон в 1919 г.

Богатый документальный материал, а также широкое привлечение мемуарной и исследовательской литературы позволили ученому показать яркую картину боевых действий и проследить судьбы как самих кораблей, так и военных моряков, служивших в дивизионе канонерских лодок и в дивизионе заградителей — самых мощных кораблей флотилии, на сторожевых судах и в гидроотряде ООРФ, и прежде всего, их командиров, в недавнем прошлом — кадровых офицеров императорского Балтийского флота.

Основываясь на изучении тщательно выявленного и систематизированного фактического материала, Сергей Михайлович, в частности, провел обстоятельный анализ служебной деятельности экипажей заградителей «Шексна», «Березина» и «Яуза» в 1918–1920 гг., показав их важную роль в сражениях Красного флота в акваториях Ладожского и Онежского озер. Он ввел в научный оборот множество новых неопубликованных документов, фотоматериалов, свидетельств мемуарного характера, проанализировал первые исследования 1920-х гг. по истории Онежской озерно-речной флотилии, в которых участники событий сумели обобщить боевой опыт, приобретенный в годы Гражданской войны. Это позволило исследователю отойти от долгие годы доминировавшего в отечественной историографии мнения о массовой большевизации судовых комитетов в первые годы советской власти и о ведущей роли флотских комиссаров, руководивших кадровыми моряками-профессионалами.

Помимо подготовленной диссертационной работы увлечение избранной темой увенчалось в 2009 г. авторской выставкой в НМРК «1919 год. Флотилии Онежского озера», научными статьями в петрозаводских изданиях [Титов, Бой...2011; Титов, К истории...2012] и петербургском журнале «Кортик» [Титов, Бой... 2011; Титов, Командиры... 2013, 2015], замечательной публикацией 2013 года на страницах журнала «Север» о взаимоотношениях командования Онежской озерно-речной флотилии и 1-й стрелковой дивизии РККА [Титов, Флотилия...2013].

Как обидно и больно, что защите диссертации о противостоянии трех флотилий на Онежском «озерном фронте» не суждено было состояться... Единственным комплексным исследованием по истории ООРФ по-прежнему является увидевшая свет более полувека назад монография К. А. Морозова о боевых действиях на Онеге в 1918–1920 гг. [Морозов, 1961].

В 2018 г. удалось опубликовать небольшую статью С. М. Титова, посвященную анализу историографических представлений о боевых действиях на Онежском озере в годы Гражданской войны и военной интервенции. Она позволяет полнее осветить этапы изучения проблемы в отечественной исторической науке, показывает наметившиеся в последние годы новые идеи и исследовательские подходы к разработке истории морских и воздушных сил, противостоявших на Севере [Титов, 2018].

Не многие знали, какого напряжения сил потребовало обращение к самой главной научной теме, которой Сергей Михайлович был предан до последних дней жизни, — Великой Отечественной войне в Карелии. Им собран не только огромный документальный материал из российских и финляндских архивов для книги о Великой Отечественной. Он участвовал в экспедициях на места боевых действий, увлеченно занимался сбором исторических предметов для расширения экспозиционной базы создаваемых выставок и пополнения музейных фондов. Исследователь побывал в Карелии практически на всех местах военных сражений, и всегда с ним ездили сыновья и их друзья, которым Сергей рассказывал, рассказывал, рассказывал, чтобы молодые помнили о страшных и героических днях войны.

Работая в музее, он каждый год проводил Уроки мужества в школах, читал лекции по истории Великой Отечественной войны в МВД, занимаясь патриотическим воспитанием молодежи, учащихся образовательных учреждений Петрозаводска. В 2014 г. — в год семидесятилетия освобождения Петрозаводска от финской оккупации — С. М. Титов стал лауреатом специальной премии издающегося в Петрозаводске литературно-художественного и общественно-политического журнала «Север» за исследование, посвященное освобождению Петрозаводска в 1944 г. [Титов, Две...2014].

Последнюю публикацию в «Севере» о партизанском рейде в январе 1943 года на позиции финского гарнизона в Заонежье автор завершает размышлением, к которому предлагает присоединиться неравнодушному читателю: *«Сегодня, когда многое в нашей истории подвергается переосмыслению и сомнению, у кого-то может возникнуть вопрос: а стоило ли партизанам или солдатам лыжных батальонов, рискуя и неся потери, совершать такие походы. Не проще ли было отсидеться на своем берегу, прикрывшись линиями укрепленных позиций и оцетинившись орудийными и пулеметными стволами? Не проще. Для этого командование Карельским фронтом должно было иметь на берегу Онежского озера немалые силы. А их не хватало...»*

Но был и другой способ обороны. Не ожидая противника, идти к его берегу и сделать так, чтобы он, каждодневно боясь внезапной атаки, зарывался в землю, устанавливал минные поля, растягивал километры проволочных заграждений и сооружал десятки и сотни артиллерийских и пулеметных позиций. Именно этим должны были в течение всей войны заниматься финны, чья береговая оборона на Онежском озере по всем показателям — и по численности войск, и по мощи боевых средств — всегда превосходила советскую.

Сказать, что финские лыжные отряды никогда не бывали на восточном берегу Онего, нельзя. Однако частота этих походов, а главное, их результативность были минимальными. И в этом немалая заслуга тех, кто раз за разом, из ночи в ночь, уходил навстречу неизвестности, зная, что гарантии на возвращение ему никто никогда не предоставит» [Титов, Сон... 2015: 201].

Эту публикацию, появившуюся летом 2015 г., автор увидеть не успел. Он не дожил, не дописал, не довоспитывал, ушел на подъеме своих творческих планов. Огромная несправедливость, что Сергея Михайловича, человека удивительной эрудиции, невероятной работоспособности и отзывчивости, уже больше трех лет нет с нами. В нашем пишущем сообществе так остро не хватает его исследовательского азарта, глубоких знаний, блестящего слога, дружественного отношения, жизненной разумности, заинтересованного внимания. Сергея Михайловича Титова долго еще будут помнить все, кто его знал, а всё, что он сделал в исторической науке и публицистике, останется надолго.

...Нарисованный им средневековый рыцарь, которого воспроизвели на памятнике вдова ученого Нина Александровна Титова и его сыновья, снова торопит своего скакуна. У таких людей, как Сергей Михайлович, не бывает прошедшего времени и сослагательного наклонения.

Список литературы

Барон Н. Столкновение империй: российско-британские взаимоотношения во время интервенции союзников на севере России // Труды Карельского научного центра РАН. Серия Гуманитарные исследования. Вып. 2. 2011. № 6. С. 90–96.

Жалнин Д. Е. Онежская флотилия Северной области в 1919–1920 гг. // Ученые записки Мурманского государственного педагогического университета. Исторические науки. Вып. 9. Мурманск, 2009. С. 19–34.

Морозов К. А. Онежская флотилия в годы войны и иностранной интервенции (1918–1920). Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1961. 126 с.

Титов С. М. Бои на Онежском озере в 1919 г. (по материалам фондов НМРК) // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 6. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 80–84.

Титов С. М. Бой 3 августа 1919 г. на Онежском озере // Корттик: Флот. История. Люди. 2011. № 12–13.

Титов С. М. Военные флотилии Онежского озера в период Гражданской войны и военной интервенции в Россию // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX – XXI в.: Сб. науч. трудов Всерос. науч.- практ. конф. Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 28 сентября 2018 года. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. С. 330–336.

Титов С. М. Две недели июня. (К 70-летию освобождения Петрозаводска) // Север. 2014. № 5-6. С. 46–60.

Титов С. М. К истории взаимоотношений командования морских и сухопутных сил Красной Армии в боях на Онежском озере в 1919 г. // Человек в истории: героическое и обыденное: матер. междунар. науч.-практ. конф., посвященной Году российской истории (Петрозаводск, 18–20 сентября 2012 г.). Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2012. С. 147–153.

Титов С. М. Командиры и комиссары Онежской флотилии (1918–1920) // Корттик: Флот. История. Люди. 2013. № 14. С. 97–105; 2015. № 15.

Титов С. М. Обзор боевых действий на Онежском озере в 1919 году [Текст: электронный ресурс] / С. М. Титов // Краеведческие чтения [Текст: электронный ресурс]: материалы 4-й научн. конф. (16–17 февраля 2010) / сост. Н. П. Новикова. Петрозаводск: Национальная библиотека Республики Карелия, 2011. С. 130–139.

Титов С. М. Онежская военная флотилия в 1941 году // Петрозаводск в Великой Отечественной войне. 1941 год: статьи и воспоминания. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. С. 83–101.

Титов С. М. Онежская военная флотилия в 1944 году // Карельский фронт в годы Великой Отечественной войны. Сб. статей междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 29–30 сент. 2014 г.). Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2015. С. 106–116.

Титов С. М. Очерки военной истории древней корелы. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2007.

Титов С. М. Сон в ясную ночь (Партизанский рейд на Линдому 16-17 января 1943 г.) // Север. 2015. № 5–6. С. 192–201.

Титов С. М. Флотилия и дивизия. О боях на Ладожском и Онежском озерах в 1919 г. // Север. № 9–10. С. 166–176.

Сведения об авторе

Дубровская Елена Юрьевна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН

Dubrovskaya Elena Yurjevna,

PhD (History), Senior Research Fellow of the Institute of Language,
Literature and History of the Karelian Research Centre of the RAS

АСПИРАНТСКИЕ ТЕТРАДИ

Postgraduate Notebooks

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.145-153
УДК 338.484

А. А. Бертош

МАТЕРИАЛЬНОЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В РАЗВИТИИ ТУРИСТСКОЙ ИНДУСТРИИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ): ОБЩАЯ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация

В статье анализируется влияние особенностей территорий Арктической зоны РФ на развитие туристской индустрии. Рассматривается специфика культурного наследия российской Арктики. На примере Мурманской области классифицируется историко-культурное наследие арктических регионов России и оценивается возможность вовлечения его в туристскую индустрию.

Ключевые слова:

культурное наследие, памятники истории и культуры, Арктическая зона Российской Федерации, Мурманская область.

A. A. Bertosh

MATERIAL HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE IN THE DEVELOPMENT OF TOURISM INDUSTRY OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION (ON THE EXAMPLE OF THE MURMANSK REGION): GENERAL STATEMENT OF THE PROBLEM

Abstract

The influence of the characteristics of the territories of the Arctic zone of the Russian Federation on the development of the tourist industry is analyzed in the article. It is considered the specificity of the cultural heritage of the Russian Arctic. On the example of the Murmansk region is classified historical and cultural heritage of the Arctic regions of Russia and assessed the possibility of its involvement in the tourism industry.

Keywords:

Cultural heritage, historical and cultural objects, the Arctic zone of the Russian Federation, Murmansk region.

Растущая международная и внутривластная роль территорий Арктики предопределяет общее повышенное внимание к вопросам их освоения. В этих условиях особое значение приобретает диверсификация экономики регионов Арктической зоны Российской Федерации, в том числе посредством развития туристской индустрии. Одним из перспективных направлений деятельности в сфере туризма является использование материального историко-культурного наследия в качестве территориального ресурса. Увеличение привлекательности за счёт актуализации памятников истории и культуры особенно важно для районов, не обладающих значительным природно-ресурсным и социально-

экономическим потенциалом. Ориентация на историко-культурное наследие сопряжена с меньшими экологическими рисками по сравнению с другими вариантами туристского освоения.

Арктическая зона РФ имеет ряд особенностей, которые определяют специфику использования её историко-культурного потенциала в туристской индустрии:

а) географическое положение: удалённость и труднодоступность многих территорий; фактическая невозможность посещения ряда местностей в течение значительной части года;

б) ограниченный доступ в некоторые районы (территории с регламентированным посещением для иностранных граждан, пограничные зоны, закрытые административно-территориальные образования);

в) природно-климатические условия: суровость арктического климата, наличие вечной мерзлоты, полярная ночь, затрудняющая визуальное восприятие и т.п.;

г) демографические особенности: низкая плотность и неравномерность распределения населения;

д) социально-экономические факторы: высокая урбанизированность, ориентация экономики на сырьевые отрасли и тяжёлую промышленность, слабая диверсификации экономики.

Актуальность разработки моделей существования материального культурного наследия в современной социально-экономической среде обусловлена необходимостью повышения эффективности использования данного ресурса, с целью постепенной его трансформации в один из факторов устойчивого развития территории. При этом необходимо учитывать специфику историко-культурного наследия Арктики:

1. Многие объекты культурного наследия относятся к памятникам археологии, значительная часть которых обладает слабой туристской привлекательностью, а распространение сведений об их местоположении ограничивается действующим законодательством [Об утверждении перечня, ЭР]. Большинство археологических объектов находится вне сферы туризма и не оказывает влияния на туристский потенциал территории.

2. Часть объектов культурного наследия арктических территорий обладает относительной историко-культурной ценностью, имеющей значение в масштабах локальной местности или отдельного региона. Актуализация таких памятников требует подготовительной научно-методической работы, направленной на включение их в общий контекст туристско-экскурсионной деятельности.

На примере Мурманской области, являющейся одним из самых доступных для внутригосударственного и международного туризма регионов Арктической зоны РФ, можно проиллюстрировать основные группы памятников истории и культуры, формирующие туристский потенциал территорий Арктики.

1. Памятники археологии.

Задействована в региональной туристической индустрии лишь небольшая часть от общего числа археологических объектов. В первую очередь — это каменные лабиринты (т.н. «вавилонны»), находящиеся в прибрежных местностях Кольского полуострова, комплекс петроглифов, расположенный на островах озера Канозеро (Терский район), и некоторые другие объекты.

II. Памятники истории.

Данная группа самая многочисленная, в широком смысле к ней относятся почти все памятники культуры. Из её состава можно выделить несколько подгрупп, принадлежность к которым условна, и один и тот же объект может быть одновременно включен в несколько из них. Помимо причисленных к указанным ниже подгруппам, в регионе также расположены иные памятники истории.

- Памятники саамской культуры. Саамы имеют законодательно закреплённый на региональном уровне статус коренного народа Кольского Севера [Устав, ЭР], но аутентичных объектов, относящихся к их истории, сохранилось мало. Туристская индустрия региона при обращении к саамской теме активно использует методы реконструкции и стилизации, что несёт в себе риски вульгаризации и фальсификации подлинного наследия [Бодрова, 2017].

- Памятники поморской культуры. Поморы, как старожильческая этнокультурная группа русских, наряду с саамами и рядом иных народов (карелами, коми-ижемцами и др.) формировали традиционную культурную идентичность Кольского Севера в доиндустриальную эпоху. На сегодняшний день материальные артефакты истории поморов широко популяризируются в туристской сфере как неотъемлемая часть самобытного наследия региона. Ценность некоторых объектов, относящихся к поморской культуре, признана на общегосударственном уровне (в качестве примера можно привести объект культурного наследия федерального значения Церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Варзуга [О дальнейшем, ЭР]).

- Памятники военной истории. На территории Кольского полуострова в XX веке разворачивались события нескольких крупных военных конфликтов (Гражданская война в России, Советско-финляндская война), оставивших свой след в местном материальном наследии. Наибольшее влияние на судьбу региона оказали боевые действия Великой Отечественной войны, которые велись на Севере в 1941–1944 годах, что нашло своё отражение в многочисленных памятниках и мемориалах, расположенных почти по всей территории полуострова, включая удалённые и труднодоступные районы (рис. 1). Объекты, имеющие отношение к военной истории, активно популяризируются средствами туристской индустрии и вызывают устойчивый интерес у гостей региона. Распространение данного опыта на другие территории Арктической зоны РФ маловероятно, т.к. Мурманская область является единственным регионом российской Арктики, где шли крупномасштабные сухопутные сражения Великой Отечественной войны.

- Памятники, связанные с международными отношениями. Приграничное положение Мурманской области определило наличие на её территории объектов, свидетельствующих о международных контактах. К наиболее значимым памятникам такого типа можно отнести сланцевую плиту на острове Большой Аникиев Баренцева моря, на которой в течение нескольких веков оставляли надписи моряки разных стран, Екатерининский копец — каменный межевой знак на российско-норвежской границе, установленный в 1826 году (оба памятника признаны выявленными объектами культурного наследия [О включении объекта «Аникиева плита», ЭР; О включении объекта «Екатерининский копец», ЭР]) и церковь Святых Бориса и Глеба, построенную в приграничье в 1874 году (рис. 2), являющуюся объектом культурного наследия регионального значения [Об утверждении списка, ЭР]. Актуализация таких объектов средствами туристской индустрии осложняется их расположением в пограничной зоне, для посещения которой требуется оформление пропуска.

Рис. 1. Объект культурного наследия регионального значения.
Обелиск на братской могиле погибших катерников,
расположенный на труднодоступной территории;
упразднённое поселение Гранитный, Кольский район
(фото Бертоша А. А., 2018)

Рис. 2. Объект культурного наследия регионального значения
Церковь Святых Бориса и Глеба; западный берег реки Паз,
российско-норвежская граница (фото Бертош В. В., 2015)

- Памятники науки и техники. На территории области имеется уникальный объект, пользующийся постоянным интересом туристов — первый в мире атомный ледокол «Ленин», признанный объектом культурного наследия федерального значения [О включении выявленного, ЭР]. К числу других памятников такого типа можно отнести образцы военной техники, в основном периода Великой Отечественной войны, находящиеся в разных населённых пунктах региона. Большая коллекция техники собрана в филиале Военно-морского музея Северного флота — Музее военно-воздушных сил Северного флота в посёлке Сафоново. Несмотря на значительный туристский потенциал, музей фактически выведен из массовой туристической сферы, т.к. расположен на территории закрытого административно-территориального образования. В целом, при наличии на территории региона значительного количества уникальных памятников науки и техники [Рябев, 2018], их вовлечённость в туристскую сферу, за небольшими исключениями, остаётся слабой.

- Памятники истории изучения и освоения региона. К таким объектам можно отнести маяки и навигационные знаки, расположенные на побережье Баренцева и Белого морей, и на близлежащих островах (рис. 3). В силу своей труднодоступности данный тип памятников востребован только среди тех, кто ориентирован на экстремальные формы туризма. В то же время некоторые из них становятся объектами музейного хранения и экспонирования, и доступны широкому потребителю туристических услуг [Петров, Пация, Шабалина, 2012: 31–32].

Рис. 3. Маяк конца XIX – начала XX века; остров вблизи устья реки Рында, Ловозерский район (фото Бертоша А. А., 2018)

К указанной подгруппе относятся также промышленные и научные сооружения, сосредоточенные в Апатитах, Кировске, Ковдоре и других населённых пунктах (рис. 4). На сегодняшний день направления туристической индустрии, в рамках которых они могут быть актуализированы (индустриальный туризм и т.п.) сравнительно слабо развиты в регионе.

- Религиозные памятники. На территории Кольского полуострова эта категория представлена, в первую очередь, объектами, относящимися к православному христианству: церкви, часовни, кресты и т.п. Такой тип памятников широко вовлечён в туристическую индустрию и активно актуализируется как через религиозный (паломничество), так и через историко-культурный виды туризма.

Рис. 4. Выявленный объект культурного наследия
Здание производственное (лаборатория)
Мурманского морского биологического института;
нп Дальние Зеленцы, Кольский район
(фото Бертоша А. А., 2018)

III. Памятники градостроительства, архитектуры и монументального искусства. Данный вид объектов формирует самобытный исторический облик ряда городов области (Мурманска, Мончегорска, Кировска и других), к ним относятся жилые дома, здания общественного назначения, скверы, памятники и т.п. Большинство таких объектов можно причислить и к памятникам истории, но основная их ценность заключается именно в сохранении сложившейся градостроительной композиции (обычно, в т.н. «историческом» центре населённого пункта). Подобные объекты не являются самостоятельным фактором туристической привлекательности, т.к. в большинстве своём относятся к советскому периоду и имеют сопоставимые аналоги на территории других регионов.

Помимо отдельных объектов и групп памятников, объединённых в ансамбли, в Мурманской области имеется ряд территорий, представляющих интерес с точки зрения историко-культурного ландшафта. В качестве примера можно привести четыре принципиально различающихся вида культурных ландшафтов региона:

1. Ловозеро — село, являющееся административным центром одноимённого района. Одно из исторических мест расселения народа саами на Кольском полуострове, известно в качестве погоста с XVII в. Исторические

застройка и планировка села в значительной степени были утрачены. В настоящее время оно имеет туристскую привлекательность как региональный центр наследия саамов, находящийся в традиционном месте их проживания и хозяйствования.

2. Ковда — поморское село XVI века, расположенное в Кандалакшском районе вблизи Белого моря. Его планировочная структура отражает русские строительные традиции Беломорья и содержит целый ряд аутентичных объектов, обладающих историко-культурной ценностью, которые формируют культурный ландшафт населённого пункта. Фактически село является одним из немногих в регионе мест, где в значительном количестве сохранились объекты поморской материальной культуры, при этом оно находится в гораздо большей транспортной доступности, чем схожие населённые пункты Терского берега Кольского полуострова. Несмотря на указанные факторы, в настоящее время представители туристической индустрии проявляют слабый интерес к поселению.

3. Териберка — село в Кольском районе на берегу Баренцева моря. Поселение, существующее с XVII века (первоначально — в качестве сезонного становища), практически полностью утратило историческую застройку (рис. 5). Трансформации экономической, политической и социальной систем в 1990-е годы серьезным образом сказались не только на спаде производства, изменении уровня и качества жизни, но и на функционировании социальных институтов [Казакова, Змеева, 2008: 50–51]. Лишь несколько лет назад на фоне роста туристской привлекательности территории в местном социуме активизировалась деятельность по возрождению поморских традиций и актуализации материального культурного наследия. В настоящее время в Териберке преобладают два взаимодополняющих направления формирования локального бренда: русская поморская культурная идентичность прибрежного поселения и пафос колонизации арктических пространств. Несмотря на активную популяризацию историко-культурного наследия села, основными факторами его туристской привлекательности остаются географическое положение и природно-климатические особенности, соответствующие массовым стереотипным представлениям об Арктике [Белевских, Иванова, Бертош, 2018].

Рис. 5. Панорама исторической части села Териберка; восточный берег губы Лодейная, Кольский район (фото Бертош В. В., 2018)

4. Остров Кильдин (Баренцево море), административно подчинённый сельскому поселению Териберка Кольского района. В настоящее время остров фактически не заселён, но на его территории находится значительное количество обладающих туристским потенциалом объектов и мест, связанных с различными периодами истории. На протяжении нескольких столетий Кильдин осваивался саамским и поморским населением Кольского полуострова. С XVII века на нём начал вести хозяйственную деятельность Свято-Троицкий Трифонов Печенгский монастырь, а затем управление островом на длительное время перешло Спасо-Преображенскому Соловецкому монастырю. В советский период на Кильдине активно развивалась хозяйственная деятельность, в т.ч. йодное производство [Шабалина, 2014: 45–46], размещались военная инфраструктура, учреждения системы исправительно-трудовых лагерей и другие объекты. На острове можно в условиях ограниченной территории проиллюстрировать сразу несколько эпох отечественной истории, что представляет интерес в рамках историко-культурного, индустриального, религиозного (паломничество) и других видов туризма. Обладают туристской привлекательностью и его природно-географические особенности, т.к. Кильдин является одним из самых доступных для посещения островов российской Арктики. К факторам, препятствующим развитию туристической индустрии, можно отнести включение территории Кильдина в пограничную зону и сложность доставки на остров крупногабаритных грузов, необходимых для формирования инфраструктуры.

Историко-культурное наследие регионов Арктической зоны РФ обладает значительным потенциалом для качественного развития существующих туристских направлений в Арктике, но территориальная специфика затрудняет формирование новых дестинаций только на его основе. Наиболее эффективным направлением развития туристической индустрии арктических регионов представляется сочетание историко-культурного и природоориентированного видов туризма.

Список литературы

Белевских Т. В., Иванова М. В., Бертош А. А. Туристская привлекательность прибрежных поселений Арктической зоны (на примере села Териберка Мурманской области) // Арктические берега: путь к устойчивости: мат. конф. / ред. колл. Румянцев Е. А. (отв. ред.), Гогоберидзе Г. Г. (зам. отв. ред.), Князева М. А. Мурманск: МАГУ, 2018. С. 366–369.

Бодрова О. А. Этническая символика в контексте регионального брендинга (на примере Мурманской области) // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2017. № 14. С. 19–22.

Казакова К. С., Змеева О. В. История одной сельской школы как индикатор социально-экономических перемен в стране // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации. Апатиты. Изд-во Кольского научного центра РАН. 2008. С. 44–59.

Об утверждении перечня отдельных сведений об объектах археологического наследия, которые не подлежат опубликованию: приказ Министерства культуры РФ № 2328 от 01.09.2015 // Министерство культуры Российской Федерации. URL: https://www.mkrf.ru/documents/ob_utverzhenii_perechnya_otdeln355917.

Об утверждении списка памятников истории и культуры Мурманской области, подлежащих охране как памятники местного значения: решение исполнительного комитета Мурманского областного Совета депутатов

трудящихся № 29 от 05.06.1968 // Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. URL: <https://okn-mk.mkrf.ru/maps/show/id/292236>.

О включении выявленного объекта культурного наследия «Атомный ледокол «Ленин», 1959 г. (Мурманская обл., город Мурманск, плавпричал Мурманского морского вокзала) в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия федерального значения и утверждения границ его территории: приказ Министерства культуры РФ № 3044 от 11.12.2015 // Министерство культуры Российской Федерации. URL: https://www.mkrf.ru/documents/o_vklyuchenii_vyuavlennogo_obekt360505.

О включении объекта «Аникиева плита», обладающего признаками объекта культурного наследия, в перечень выявленных объектов культурного наследия: распоряжение Комитета по культуре и искусству Мурманской области № 31 от 20.12.2016 // Комитет по культуре и искусству Мурманской области: официальный сайт. URL: <https://culture.gov-murman.ru/upload/iblock/63c/rasporyazhenie-31.pdf>.

О включении объекта «Екатерининский копец», обладающего признаками объекта культурного наследия, в перечень выявленных объектов культурного наследия: распоряжение Комитета по культуре и искусству Мурманской области № 30 от 20.12.2016 // Комитет по культуре и искусству Мурманской области: официальный сайт. URL: <https://culture.gov-murman.ru/upload/iblock/fd5/rasporyazhenie-30.pdf>.

О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР: Постановление Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 (с изм. на 14.02.2009) // Docs.cntd.ru: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9012089>.

Петров В. П., Пация Е. Я., Шабалина О. В. История организации и создания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра Гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН (1970–2012) // Вестник Кольского научного центра РАН. 2012. № 4 (11). С. 24–36.

Рябев В. В. Проблемы сохранения специфических категорий историко-культурного наследия в Мурманской области // Труды Кольского научного центра Российской академии наук. Гуманитарные исследования. Вып. 13. Апатиты: Издательство ФГБУН ФИЦ КНЦ РАН, 2018. С. 16–23.

Устав Мурманской области (в ред. от 12.03.2018) // Правительство Мурманской области: официальный портал. URL: https://gov-murman.ru/regulatory/charter_mo.

Шабалина О. В. Из истории йодного производства в Кольском Заполярье // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 6 (25). С. 43–54.

Сведения об авторе

Бертош Андрей Александрович,
аспирант ФИЦ КНЦ РАН

Bertosh Andrey Alexandrovich,
postgraduate of FRC KSC RAS

О. А. Зайцев

«ЛОПАРСКИЕ ПРИХОДЫ» В ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ СИСТЕМЕ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Аннотация

Делается попытка проследить формирование «лопарских приходов» в церковно-приходской системе Архангельской епархии в XIX – начале XX веков, которое являлось составной частью более масштабного процесса — христианизации саамского населения Кольского Севера, начавшегося в XVI веке с деятельности просветителей Трифона Печенгского и Феодорита Кольского и миссии кольского священника Алексея Симонова в 1681-1682 годов. В статье дается характеристика источников, главным образом Клировых ведомостей православных приходов первого и второго Кольских благочиний Архангельской епархии, на основании которых дается описание 5 лопарских приходов: Печенгского, Пазрецкого, Нотозерского, Ловозерского, Кильдинского и одного колонистского прихода — Китовского, который помимо колоний включал в себя Мотовский погост.

Ключевые слова:

лопарский приход, Кольский Север, христианизация, православная церковь, саами, клировые ведомости.

О. А. Zaytsev

«THE LAPPISH PARISHES» IN THE CHURCH-PARISH SYSTEM OF THE KOLA NORTH IN THE XIX - THE BEGINING OF THE XX CENTURIES

Abstract

An attempt is made to trace the formation of “Lappish parishes” in the parochial system of the Arkhangelsk diocese in the 19th and early 20th centuries, which was an integral part of a larger process — the Christianization of the Sami population of the Kola North, which began in the 16th century with the activities of the Enlighteners of Trifon Pechengsky and Theodore Kolsky and the mission Kola priest Alexei Simonov in the years 1681-1682. The article describes the sources, mainly of the cleric registers of the Orthodox parishes of the first and second Kola deaneries of the Arkhangelsk diocese, on the basis of which a description is given of 5 Lappish parishes: the Pechenga, Pazretsky, Notozersky, Lovozero, Kildinsky and one colonist parish — Kitovsky, which in addition to the colonies included Motovsky village.

Keywords:

The Lappish parish, Kola North, Christianization, Orthodox Church, the Sami, cleric registers.

В задачи статьи входит общее описание процесса формирования самостоятельных саамских приходов с середины XIX века до установления советской власти в 1920 году и определение круга проблем, которые требуют отдельного изучения. Рассмотрение источниковой базы и литературы осуществлялось в соответствии с такими аспектами как правомерность и значение названия «лопарские приходы» в клировых ведомостях, место саамских приходов в церковно-приходской системе Российского государства.

Источники

Из *архивных (неопубликованных) материалов* в качестве основного источника были взяты клировые ведомости православных приходов первого и второго Кольских благочиний Архангельской епархии за период с XIX по начало XX веков. Клировые ведомости по Кольскому Северу в основной своей массе хранятся в Государственном архиве Мурманской области в фондах И-17 «Благочиние Мурманского округа Олонецкой епархии (1824-1938 гг.)», И-20 «Кандалакшский приход (1721–1920, 1927–1931 гг.)», И-67 «2-е Александровское благочиние Архангельской епархии (1899–1918 гг.)», И-73 «2-е Кольское благочиние Архангельской епархии (1883–1899 гг.)». По Кандалакшскому приходу источник хранится в фондах Мурманского областного краеведческого музея в виде прошнурованной книги за 1829–1905 годы [МОН НВ 2029/25 ПИД].

Клировые ведомости — это годовые отчеты приходского духовенства о состоянии вверенного им прихода. Они состояли из трех частей: ведомости о церкви, ведомости о причте и ведомости о прихожанах. Представляют собой массовый источник как по истории, так и по этнографии. В третьей части документа указывается этническая принадлежность прихожан — «лопари» [например, ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 15. Л. 73-72], а созданные приходы называются «лопарскими» [например, ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–4], поскольку населенные пункты (саамские погосты) являются моноэтническими образованиями или с преобладанием саамского населения. Таким образом, на основании данных этого источника можно реконструировать процесс образования саамских приходов и степень включенности народа в церковно-приходскую систему Русской Православной Церкви на Кольском Севере накануне революционного процесса, начавшегося в России в 1917 года.

Среди *опубликованных источников* отметим «Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской Епархии». Выпуск III за 1896 год основан на клировых ведомостях за указанный год. Он представляет собой своеобразный экстракт данных из накопленного материала по церковно-приходской истории Кольского Севера до 1896 года или за 1895–1896 годы [Краткое историческое описание, 1896].

Другим не менее важным и своеобразным документом является «Отчет священника кольского собора Всемилостивого Спаса Алексея Симонова о поездке по саамским погостам в ноябре 1681 — феврале 1682 г.», который был опубликован три раза: в 1998 году М. Г. Кучинским, в 2004 году А. Ю. Жуковым, и в 2009 году В. В. Калугиным [Кучинский, 1998: 104-111; Жуков, 2004: 298-304; Калугин, 2009]. Оригинал хранится в Российском государственном архиве древних актов: фонд 137 «Боярские и городовые книги» опись 2, дело 114. Нельзя не согласиться с мнением М. Г. Кучинского, который оценил данный источник как представляющий многосторонний интерес, так как он «содержит ценные сведения о духовной культуре саамов в последней четверти XVII века и дает основание критически взглянуть на государственную политику христианизации на окраинах зарождавшейся империи» [Кучинский 1998: 106].

Христианизация кольских саамов до образования «лопарских приходов»

Процесс христианизации кольских саамов, можно сказать, проходил на протяжении всей дореволюционной истории Кольского Севера. Как отмечает С. А. Никонов, «христианизация коренного населения Кольского Севера,

начавшаяся в первой четверти XVI века, требовала не только деятельности здесь «миссионеров-одинок», но и создания местных монастырей. Уже во второй половине XVI столетия на западе и юге Кольского полуострова существовало, по меньшей мере, три монастыря: Троицкий Печенгский, Петропавловский Кольский и Пречистенский Кандалакшский» [Никонов, 2011: 310].

В конце XVII века «центральная власть озаботилась вопросом христианизации некрещеных народов Московского государства» [Никонов, 2011: 310]. По мнению М. Г. Кучинского, миссионерская деятельность Швеции и Дании среди западных групп саамов на Скандинавском полуострове не осталась без внимания и России, власти которой расценивали это как работу по закреплению данных территорий за собой, что в свою очередь требовало ответа [Кучинский, 1998: 105-106]. Однако, общая картина причин, побудивших российское правительство организовать миссию, будет неполной, если не отметить того факта, что после церковной реформы патриарха Никона во второй половине XVII столетия происходили народные волнения в Карелии и на Беломорье. То есть была потенциальная возможность более широкого распространения старообрядчества, чего государственная власть ни как не могла допустить.

В результате по российской части Лапландии была организована миссия кольского священника Алексея Симонова с ноября 1681 по февраль 1682 года. В ходе расспросов коренного населения, проведенных им в указанный период, выявилось незнание основ православного вероучения [Кучинский, 1998: 107–109; Никонов, 2011: 310; Митрофан, 2017б: 284–285]. Так, в отчете Алексея Симонова относительно Вороненского погоста сообщает следующее: *«крещены, де, оне с давних лет, а веры православныя христианства обычаев никаких не знают, и проповеди Святого Евангелия и благочестии поучения ни от кого не слышали; а от святого крещения лет по двадцати и по тридцати, а иные и до старости у отцев духовных и во церквах не бывали; и тайны святого покаяния не знают, и тела и крови Господа нашего Иисуса Христа не причащались и иных таин Святыя православныя христианские церкви не держат, для того, что живут, де оне от Кольского острога в дальних местах»* [Кучинский, 1998: 107]. Такая ситуация характерна почти для всех посещенных Алексеем Симоновым погостов, кроме Пазрецкого и Нявдемского, и то с большой оговоркой о частичном знании основ православного вероучения [Кучинский, 1998: 109]. Более того, в трех посещенных погостах, Вороненском, Семиостровском и Ловозерском, *«обычаи, де они, лопари, держат от прародителей своих»* [Кучинский, 1998: 107–108], то есть придерживаются традиционных верований.

В итоге миссии Алексея Симонова жители 8 саамских погостов построили у себя следующие часовни: 1) в честь Рождества Воскресения Христова — Вороненский погост, 16 ноября 1681 года; 2) во имя Пресвятой Богородицы — Семиостровский погост, 26 ноября 1681 года; 3) во имя Богоявления Господня — Ловозерский погост, 22 декабря 1681 года; 4) во имя Воскресения Господня — Масельский погост, 3 января 1682 года; 5) во имя Благовещения Пресвятой Богородицы — Екостровский погост, 18 января 1682 года; 6) во имя Иоанна Предтечи — Бабинский погост, 10 февраля 1682 года; 7) во имя Николая Чудотворца — Нотозерский погост, 12 февраля 1682 года; 8) во имя великомученика Георгия — Сонгельский погост, 15 февраля 1682 года [Кучинский, 1998: 106-109]. В Пазрецком погосте имела церковь святых князей

Бориса и Глеба, ее же прихожанами являлись и саамы Нявдемского погоста. Оба погоста были приписаны к Кольскому приходу.

Однако, несмотря на результаты миссионерской деятельности, до середины XIX века не было самостоятельных саамских приходов, а саамские погосты были закреплены за Кольским, Понойским и Кандалакшским приходами, а также Печенгским монастырем (с середины XVI века по 1764 год). Печенгский погост, после секуляризации земель и упразднения монастыря был приписан к Кольскому Собору). После упразднения Кандалакшского и Печенгского монастырей остались только 3 прихода, в состав которых входили саамские погосты: Кольский приход (10 погостов: Кильдинский, Вороньинский, Ловозерский, Масельский, Нотозерский, Сонгельский, Мотовский, Печенгский, Пазрецкий и Нявдемский); Кандалакшский приход (2 погоста: Бабенский и Экостровский) [МОН НВ 2029/25 ПИД; ГАМО Ф. И-20]; Понойский приход (7 погостов: Семиостровский, Лявозерский, Иокангский, Лумбовский, Каменский, Куроптевский, и Сосновский). И на протяжении длительного времени новые приходы не создавались.

Таким образом, несмотря на всю значимость миссии священника Алексея Симонова, развития церковно-приходской системы на Кольском Севере не происходило вплоть до 1840-х годов.

«Лопарские приходы» и приходы с саамским населением.

В основной своей массе новые приходы стали выделяться из Кольского и Понойского приходов. Процесс создания новых приходов начался с 1840-х годов и усилился с 1860-х годов в связи с колонизацией Мурманского берега и увеличением числа населения на Кольском Севере. При каждом приходе причт состоял из двух штатных единиц: священника и псаломщика, которым отпускалось жалование из казны.

Особо стоит отметить наименование в клировых ведомостях ряда новых приходов «лопарскими». При учете населения прихода в третьей части клировых ведомостей среди крестьян отмечалась их этническая принадлежность, а те приходы в которых саамы были «титულным» народом (в случае если приходская церковь располагалась в саамском погосте) назывались «лопарскими» (так как по терминологии того времени саамов называли лопарями). Таким образом, видно, что клировые ведомости несут в себе еще и этнографическую информацию.

Стоит более подробно остановиться на тех приходах, что вышли из Кольского прихода.

1. Печенгский лопарский приход был образован в 1855 году и открыт как самостоятельный приход при бывшей монастырской церкви во имя Сретения Господня при мощах Преподобного Трифона 11 ноября 1857 года для саамского населения. [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 78. Л. 9–12; там же. Д. 103. Л. 95–101].

После восстановления Печенгского монастыря в 1886 году приход остался при Трифоновской церкви (где были захоронены тела 116 печенгских мучеников погибших от рук шведского отряда в 1590 году). Церковь была построена «из часовни, стоявшей на месте бывшего Печенгского Троицкого монастыря» с благословения епископа Архангельского и Холмогорского Нафанаила в 1880 году колонистами, заселявшими это место с 1870 года [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 112. Л. 7–10; Федоров, 1996]. По возобновлению Печенгского монастыря на прежнем месте колонисты были переселены в колонию Гагарку, а Трифоновская церковь

игуменом монастыря Ионафаном была перенесена на средства обители на Баркинский кряж, при Печенгской губе. Церковь была построена из дерева, крестообразная на каменном фундаменте с крышей на 4 ската, снаружи обшита тесом и окрашена охрою (желтой краской). К церкви пристроены деревянная звонница («колокольница») над крыльцом, трапезная и паперть с глухим крыльцом и с двумя главами. «Утварью и ризницей Трифоновская церковь посредственная, с полным кругом богослужбных книг». [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 103. Л. 13–16, 65–68, 95–101; Там же. Д. 112. Л. 7–10].

Престол один, во имя Преподобного Трифона, просветителя лопарей, освящен на новом месте 22 октября 1900 года по благословению Преосвященного Иоанникия Епископа Архангельского и Холмогорского игуменом Печенгского монастыря Ионафаном. Св. Антиминс священнодействован и подписан Преосвященным Серапионом 29 января 1885 года.

После основания приход сначала включал в себя 4 погоста: Печенгский, Мотовский, Пазрецкий и Нявдемский и 8 колоний становищ: Монастырское, Баркино, Княжуха, Трифонов ручей, Ворьема, Малонемецкое, Столбовое, Китовка [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 46. Л. 7–10]. Располагался в 16,5 верстах от воссозданного Трифоно-Печенгского монастыря. В 1874 году Пазрецкий и Нявдемский погосты выделились в отдельный приход [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 46. Л. 11–15.], а с 1902 года колонии Китовка, Западная Лица, Вайда-Губа, Мало-Волоковая, Ура и Мотовский погост выделились в Китовский приход [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 139–152]. В итоге в составе Печенгского прихода остались Печенгский погост, колонии Монастырская, Баркино, Княжуха, Трифонов ручей, Ворьема, Малонемецкая и Столбовых [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 71–82].

В разных пунктах описываемого прихода устроено пять деревянных часовен с крышами на 2 ската: 1) часовня во имя Св. Николая Чудотворца в Мотовском зимнем погосте в 90 (или 85) верст от приходского Трифоновского храма в Печенгской колонии, «построена в давние времена лопарями того же погоста», имела 2 небольших окна; 2) часовня во имя Воскресения Христова на Мурманском берегу в становище Китовка, в 50 верстах от приходской церкви, устроена в 1854 году саамами Мотовского погоста, имела 2 окна, снаружи была обшита тесом и окрашена охрой, с деревянным крестом поверх крыши; 3) часовня во имя прп. Трифона Печенгского на Мурманском берегу в Малонемецком становище, в 20 верстах от приходской церкви, устроена в 1806 году саамами Печенгского погоста, имела одно окно и деревянный крест поверх крыши; 4) часовня во имя Св. Николая Чудотворца, в становище Столбовых, устроена в 1871 году промышленниками Шиженской деревни Кемского уезда, в 50 верстах от приходской церкви, имела 2 окна, снаружи была обшита тесом и окрашена белилами, с деревянным крестом поверх крыши; 5) часовня во имя Св. Николая Чудотворца, в становище Ворьема, в 50 верстах от приходской церкви, устроена в 1873 году промышленниками-крестьянами Малошуйской деревни Онежского уезда, имела одно окно, снаружи обшита тесом и окрашена, с деревянным крестом поверх крыши [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 103. Л. 95–101].

В селении Баркине с 13 ноября 1893 года работала церковно-приходская школа, которая содержалась на средства Печенгского монастыря [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 103. Л. 95–101].

Настоятелями прихода в разное время были священники:

1. Василий Григорьевич Дьячков (11 ноября 1857–1860 годы) [Краткое историческое описание, 1896: 228];

2. Петр Степанович Лысков (1860–1866 годы) [Краткое историческое описание, 1896: 228];

3. Яков Васильевич Дмитриев, с 1866 по 1868 годы временно исполнял обязанности настоятеля Печенгского прихода, будучи настоятелем Кольского прихода (1858–1868 годы) [Федоров, 2017: 64];

4. Константин Прокопьевич Щеколдин (18 февраля 1868 – 10 августа 1874 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 46. Л. 7-10; Краткое историческое описание, 1896: 228];

5. Петр Иванович Ручьев (начало 1875 – октябрь 1882 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 86. Л. 1-4; Краткое историческое описание, 1896: 228];

6. Георгий Кириллович Терентьев (1882–1899, 1900–1903 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 103. Л. 95–101; Краткое историческое описание, 1896: 228; Федоров, 2017: 196];

7. Василий Федорович Спасский (1907–1922 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 330. Л. 44–50; Бардилова, 2015: 197-198; Федоров, 2017: 189].

С 1904 по 1906 год место настоятеля прихода было «вакантно», то есть пребывало без настоятеля [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 305. Л. 72–85; там же. Д. 310а. Л. 71–82; Бардилова, 2015: 197].

Приход фактически прекратил свое существование в 1920 году, с передачей его территории в состав Финляндии по Юрьевскому мирному договору между РСФСР и Финляндской республикой [Административно-территориальное деление, 1995: 27; Федоров, 2017: 152-153, 189, 196].

2. Пазрецкий лопарский приход был основан в 1874 году, выделившись из Печенгского лопарского прихода, и включал в себя 2 погоста: Пазрецкий и Нявдемский. Причем Нявдемский и часть земель Пазрецкого погостов (то есть почти все земли к западу от реки Паз, кроме участка земли, на котором стоит Борисоглебская церковь XVI века) отошли к Норвегии по российско-шведскому договору 1826 года о разграничении границ [Административно-территориальное деление, 1995: 22].

Река Паз стала границей между государствами. С середины XVI века по 1764 год эти погосты были приписаны к Печенгскому монастырю, с 1764 по 1856 годы — к Кольскому Собору, с 1856 по 1874 годы — к Печенгскому приходу. Саамы этих погостов вели полукочевой образ жизни, и в связи с этим причт также следовал за прихожанами [Краткое историческое описание, 1896: 218–225].

В Пазрецком весенне-летнем погосте было две деревянные церкви во имя святых благоверных князей Бориса и Глеба, они располагались по обеим сторонам реки Паз. Старая церковь на западной стороне, по преданию, была построена в 1565 году самим преподобным Трифоном Печенгским, а по другой версии, из описи 1856 года, была построена и освящена в 1632 году игуменом Илларионом. Но вероятно в этом году церковь была возобновлена и освящена уже во второй раз, так как она упоминается в писцовой книге Алая Михалкова. Новая церковь на восточной стороне построена в 1872 году по повелению великого князя Алексея Александровича и освящена 25 августа 1874 года [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 46. Л. 11–15].

В трех верстах от церкви на запад (на Норвежской территории) находилась пещера Трифона Печенгского, которую саамы почитали как святыню. Деревянные часовня святого великомученика Георгия Победоносца в Нявдемском погосте [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 46. Л. 11-15; там же. Д. 103. Л. 114–120].

В Пазрецком погосте 28 февраля 1888 года открыта церковно-приходская школа. Особенностью школы в Пазрецком погосте был сезонный характер обучения, разработанный К. П. Щеколдиным в соответствии с хозяйственным календарем саамов [Казакова, 2018: 26].

Настоятелями прихода в разное время были священники:

1. Константин Прокопьевич Щеколдин (10 августа 1874–5 октября 1915 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 46. Л. 11-15; там же. Д. 311а. Л. 87-102; Краткое историческое описание, 1896: 225; Бардилова, 2015: 199-200; Федоров, 2017: 228-229];

2. Назарий Алексеевич Синцов (1916–1918 годы), который в 1918 году вместе с причтом переезжает в Мурманск [Бардилова, 2015: 200; Федоров, 2017: 184–184].

Также как и Печенгский приход, Пазрецкий прекратил свое существование с передачей в 1920 году территории Печенгской области Финляндии согласно мирному договору [Административно-территориальное деление, 1995: 27; Федоров, 2017: 142–143, 184–185, 228–229].

3. Китовский Владимирский приход был основан в 1902 году, выделился из Печенгского прихода и включал в себя колонии Китовка, Западная Лица, Вайда-Губа, Мало-Волоковая, Ура и Мотовский погост. В клировых ведомостях «лопарским приходом» не назывался [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 139–152].

В приходе имелись две церкви. Первая — приходская церковь в становище Китовка, имела один престол во имя святого благоверного равноапостольного князя Владимира, была перенесена из становища «Порт-Владимир» и устроена на средства петербургского купца 1 гильдии Ивана Дмитриевича Шустрова. Здание церкви было деревянное, прочное и имело вид креста, с одной главой без колокольни. Вторая — приписная церковь в становище Китовка, располагалась на Китовском острове в 5 верстах от приходской, имела один престол во имя Святителя Алексия Митрополита Московского, в 1897 году перенесена на средства колониста Хипагина из становища «Порт-Владимир» и освящена 20 июня того же года. Здание церкви было деревянное в виде корабля, прочное, обнесено оградой [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 139-152].

В приходе имелись три деревянные часовни: 1) часовня во имя св. Николая Чудотворца в становище Китовка, располагалась на Китовском острове в 5 верстах от приходской церкви (поскольку на острове помимо часовни находилась приписная Алексеевская церковь, то и богослужения летом совершались в церкви), была построена саамами в 1875 году, имела 2 окна и входные двери, крыта на 2 ската, посередине крыши имелся деревянный крест; 2) часовня во имя Воскресения Христова в Китовке; 3) часовня во имя святого Николая Чудотворца в Мотовском погосте, была перенесена на другое место и освящена в 1905 году [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 330. Л. 63–69; Там же. Д. 310а. Л. 139–152].

Утварью иризницей местная и приписная церкви были скудны, а также не имели богослужебных книг [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 330. Л. 63-69; там же. Д. 310а. Л. 139–152].

Расстояние от Архангельской духовной консистории до местной приходской церкви около 1200 верст по зимнему тракту; от Благочинного — около 300 верст; от Печенгской — зимою 50 верст, а летом 222 версты, от приписной в 4 верстах. Мотовский погост находился в 70 верстах от приходской церкви и «препятствий в сообщении нет» [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 139–152].

В приходе как не было ни раскольнических скитов и молелен, так не было ни церковных, ни «противораскольнических» (то есть узко ориентированных против старообрядчества) библиотек [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 139–152]. Настоятелями прихода в разное время были священники:

1. Елпидифор Александрович Преображенский (1904–1905 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 305. Л. 140–152; Бардилова, 2015: 214–215; Федоров, 2017: 164];
2. Николай Хрисанфович Азлов (1907–1918 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 330. Л. 63–69; Бардилова, 2015: 215; Федоров, 2017: 16–17].

В 1903 и 1906 годах место настоятеля прихода было «вакантно», то есть пустовало [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 139–152; Бардилова, 2015: 214].

4. Нотозерский лопарский приход был основан в 1862 г. и включал в себя 2 погоста: Нотозерский и Сонгельский. В приходе имелись две церкви:

Первая церковь — приходская церковь в Нотозерском погосте была построена в 1866 году на сумму Святейшего Синода, в количестве 1788 рублей 41 копейка, а 17 декабря 1870 года она была освящена в честь Богоявления. Здание церкви построено из дерева в виде креста, на каменном фундаменте, в одной связи с такой же колокольней, но «капитальных поправок не было со времени построения церкви» лишь в 1897 году стены с наружной стороны обшиты тесом, в 1898 году окрашены белилами, а в 1899 году внутренние стены церкви были обшиты тесом и окрашены голубою краскою; купола и кресты окрашены медянкой; крыша окрашена смолой с суриком [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 45–58].

Вторая церковь — приписная церковь в Сонгельском погосте была построена в 1896 году, на средства саамов из того же погоста, в количестве 235 руб. 30 коп., в 1897 году в церковно-приходской школе в Сонгельском погосте был устроен алтарь для церкви, а была она освящена 8 февраля 1901 года во имя Преподобного Трифона Печенгского. Зданием церковь была деревянная в одной связи с церковно-приходскою школою; стенами и крышею крепка, капитальных поправок не было с построения церкви [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 45–58].

Обе церкви утварью, ризницею и богослужебными книгами были снабжены достаточно [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 45–58].

Приходская церковь находилась в расстоянии от Архангельской духовной консистории в 1065 верстах, от местного благочинного, а равно и от Кольского Собора в 65 верстах, от печенгской церкви в 150 верстах, от нотозерской часовни в 5 верстах, от сонгельской церкви-школы в 65 верстах [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 45–58].

В приходе имелись 2 часовни: одна в Нотозерском погосте, освящена в честь Воскресения Христова, а вторая в Сонгельском погосте, освящена в честь Богоявления. Обе часовни были построены из дерева «в давния времена» местными саамами и несколько раз были переносимы ими с одного места на другое, что было связано с переселением жителей погостов на новые места [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 305. Л. 45–58; там же. Д. 310а. Л. 45–58; Краткое историческое описание, 1896: 212–214]. На 1906 год нотозерская часовня была крепкая и обшитая тесом, но не была окрашена, а сонгельская — была ветхая, в связи с чем «должна подлежать уничтожению». Обе часовни не имели ни

ризницы и ни церковной утвари, кроме ветхих икон, на реставрацию которых не было средств [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 45–58]. Нотозерская часовня находилась в 5 верстах от приходской церкви, а сонгельская — в 75 верстах [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 45–58]. Богослужение в них совершалось по 2 раза в год: в первой церкви — в Пасху и 6 января, и во второй — в январе и в одну из недель великого поста, «когда местные саамы исполняют христианский долг исповеди и причастия» [Краткое историческое описание, 1896: 212–214]. В 1904 году в нотозерской часовне богослужения отправлялись во второй день Богоявления Господня, в Великий пост в каждое воскресенье и во второй день Святого Воскресения. А в сонгельской часовне «за ветхостью богослужения не отправлялись» [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 45–58].

В обоих погостах было открыто по одной церковно-приходской школе, которые находились в отдельных зданиях. В 1899 году церковно-приходская школа в Нотозерском погосте была закрыта, но в 1902 году была открыта вторично как школа грамоты [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 45–58].

Настоятелями прихода в разное время были священники:

1. Георгий Кириллович Терентиев (1862—1871 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 78. Л. 5–8; Федоров, 2017: 196];

2. Михаил Петрович Федоров (1872–1873, 1878–1880 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–3; Федоров, 2017: 213];

3. Павел Иванович Терентиев (1880–1883 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 78. Л. 13–20; Федоров, 2017: 198];

4. Павел Васильевич Дмитриев (1885–1891 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 112. Л. 11–14; Федоров, 2017: 64];

5. Иоанн Иосифович Костылев (1892–1906 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 305. Л. 45–58; Краткое историческое описание, 1896: 212–214; Бардилова, 2015: 195; Федоров, 2017: 106];

6. Иоанн Васильевич Быков (1906–1909 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 311а. Л. 45–58; Федоров, 2017: 38];

7. Виталий Михайлович Черняев (1909–1916 годы) [Бардилова, 2015: 195–196; Федоров, 2017: 222–223];

8. Назарий Алексеевич Синцов по указу Архангельской духовной консистории с 13 октября 1918 года временно исполнял обязанности настоятеля Нотозерского прихода, и как минимум по 1921 год, так как в этом году проживал в Нотозерском погосте) [ГАМО Ф. И-17 Оп. 1 Д. 330 Л. 30–36; Федоров, 2017: 183–184].

5. Ловозерский лопарский приход был основан в 1862 г. и включал в себя 4 погоста: Ловозерский, Лявозерский, Воронинский, Семиостровский (причем Семиостровский и Лявозерский приходы до этого входили в состав Понойского прихода) [Краткое историческое описание, 1896: 233–242] и 11 колоний на Восточном Мурмане: Териберка, Гаврилово, Шельпино, Щербиниха, Трящино, Рында, Золотая, Харловка, Семь Островов, Восточная Лица и Варзино.

В дальнейшем из колоний Восточного Мурмана было образовано три прихода: в 1885 году — Териберский [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 99–112], в 1893 году — Гавриловский [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 113–125] и в 1902 году — Рындский [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 310а. Л. 127–138]. Увеличение числа колонистов-лютеран (норвежцев, финнов и фильманов (саамов-лютеран) на Западном Мурмане, а позже, и появление Лютеранского

прихода, обусловили появление новых православных приходов в колониях, так как «значительное преобладание числа лютеран над православными на Западном Мурмане не могло не беспокоить русские власти» [Орехова, 2007: 45].

В Ловозерском погосте с 1887 года проживали оленеводы коми-ижемцы и их пастухи ненцы [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 103. Л. 109–113]. Они пришли из Печерского уезда со стадом оленей в 5 тыс. голов. «Это были энергичные и предприимчивые люди», которые «вели хозяйство коммерчески» [Ушаков, 1972: 345]. Как ниже будет видно, коми-ижемцы сыграли не последнюю роль в развитии Ловозерского прихода.

Первая приходская церковь в Ловозерском погосте была построена из дерева в 1862 г на средства Святейшего Синода в размере 1782 руб. 41 коп. Имела один престол и была освящена 10 декабря 1873 г. во имя Богоявления Господня, но с 24 на 25 марта 1896 г. сгорела вместе со всем имуществом [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 305. Л. 59; там же. Д. 310а. Л. 59; там же. Д. 330. Л. 37].

Вторая приходская церковь была построена, за место сгоревшей, там же в 1896–1898 годах по инициативе прихожан, на их пожертвования в размере 1000 руб. и при помощи надворного советника Федора Алексеевича Сахарова 700 руб. деньгами и церковной утварью. В деле строительства новой церкви принимали особенно деятельное участие проживающие в Ловозере коми-ижемцы Иван Наумович Терентиев, братья Поликарп Иванович Рочев (церковный староста) и Назарий Иванович Рочев. Церковь имела один престол, освященный 14 февраля 1897 года во имя Богоявления Господня. Здание храма было деревянное, по форме крестообразное, снаружи и внутри обшито тесом и окрашено белой масляной краской. Отдельно была построена колокольня на средства и при непосредственном участии братьев Поликарпа и Назария Рочевых. Согласно клировым ведомостям в 1904, 1906 и 1918 годах здание церкви было прочным. Утварью, ризницей и богослужебными книгами церковь была снабжена достаточно [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 305. Л. 59-59об.; там же. Д. 310а. Л. 59–59 об.; там же. Д. 330. Л. 37–37об].

Приписная церковь во имя Святителя Василия Великого в Семиостровском погосте была построена в 1899 году и освящена в 1900 году. Престол был один и освящён 8 февраля 1900 год. Строилась на средства саамов из того же погоста. Здание храма было построено в виде четырехконечного креста из дерева, с устроенной при ней звонницей на крыльце у входа в церковь [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 305. Л. 59–71].

В Ловозерском погосте на месте старого погоста сохранились следы старой часовни во имя Богоявления Господня, построенной в 1840-х годах в 2-х верстах от настоящего погоста. В Воронинском погосте также была деревянная часовня, но сгорела в отсутствие жителей. А на постройку новой часовни у населения не хватает средств [Краткое историческое описание, 1896: 214–218].

В 1918 году в приходе имелось две часовни:

1) В 5 верстах от Лявозерского погоста находилась деревянная ветхая часовня во имя Рождества Христова, «неизвестно когда и кем построенная» и «на какую сумму». В 1896 году были пристроены деревянные сени под одну крышу с часовней. Из утвари в ней «кроме нескольких икон, ни ризницы и ни богослужебных книг не имеется». От Ловозерской приходской церкви находилась в 60 верстах. По клировой ведомости за 1918 год известно, что надзор за лявозерской часовней доверен часовенному старосте сааму Лявозерского погоста Фоме Николаевичу Мелентиеву. Богослужения в ней совершались: 26 декабря и 27 декабря [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 330. Л. 37–43а].

2) Варзинская часовня во имя апостолов Петра и Павла была построена согласно указу Архангельской духовной консистории от 26 августа 1888 года за № 6878 на средства саамов Варзинского (летнего Семиостровского) погоста, располагавшегося на восточной стороне Мурманского берега, на устье реки Варзина. Здание часовни было деревянное с такими же сенями, обшито тесом вместе с сенями, с крышей на два ската. Из утвари в ней «кроме нескольких икон, ни ризницы и ни богослужебных книг не имеется». Располагалась в 350 верстах от приходской церкви. По данным клировой ведомости за 1918 год надзор за часовней доверен сааму Семиостровского погоста Василию Малахиевичу Мелентиеву. Богослужения в данной часовне не совершались, «за отдаленностью от приходской церкви» [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 330. Л. 37–43а].

В конце 1893 г. в Ловозерском погосте была открыта церковно-приходская миссионерская школа, в которой обучались саамские, ижемские, ненецкие и русские дети. Поскольку все школы, находящиеся в саамских погостах считались «инородческими», то курс обучения в этих школах имел свои особенности [Казакова, 2018: 145].

Настоятелями прихода в разное время были священники:

1. Клеоник Семенович Митрофанов (1862–1871 годы) [Федоров, 2017: 119];
2. Петр Иванович Ручьев (1873–1874 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 46. Л. 5–6; там же. Д. 86. Л. 1–4; Федоров, 2017: 173];
3. Георгий Кириллович Терентьев (1875–1882 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 78. Л. 5–8; Краткое историческое описание, 1896: 214–218; Федоров, 2017: 196];
4. Михаил Александрович Почезерский (1884–1892 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 112. Л. 25–28; Федоров, 2017: 163];
5. Николай Николаевич Шмаков (1893–1900 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 103. Л. 109–113; Федоров, 2017: 227–228];
6. Павел Иванович Розов (1901–1910 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 311а. Л. 59–70; Бардилева, 2015: 196; Федоров, 2017: 172];
7. Михаил Иванович Распутин (1910–1937 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 330. Л. 37–43а; Бардилева, 2015: 196–197; Федоров, 2017: 167].

6. Кильдинский лопарский приход был основан 28 мая 1894 г. и включал в себя 3 саамских погоста: Кильдинский, Масельский (Пулозерский) и Разнаволоцкий.

Приходская церковь во имя преп. Трифона Печенгского была построена в 1898 году в Кильдинском погосте на средства прихожан из дерева в форме корабля с одной главой и без колокольни. «Утварью и ризницей церковь достаточна, богослужебные книги имеются сполна» [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 330. Л. 23–29]. До постройки церкви в погосте имелась часовня во имя преп. Трифона Печенгского, построенная в 1887 г. усердием местных саамов. При приходе с 1889 г. существовала церковно-приходская школа.

В Разнаволоцком погосте имелась приписная церковь во имя Алексия Человека Божия, построена в 1895 г. «по благословению епископа Никанора на средства о. Иоанна Сергиева, протоиерея Кронштадского». Здание церкви было деревянное без колокольни и имело форму креста, крыша покрыта тесом на два ската, стены снаружи не были обшиты тесом. «Утварью достаточна, ризницей одно священническое облачение, богослужебными книгами достаточна». Церковь находилась в 110 верстах от приходской церкви [ГАМО Ф. И-17. Д. 305. Л. 31–44; там же. Д. 310а. Л. 31–44].

В Масельском погосте имелась часовня во имя Воскресения Христова, «очень древняя, когда и кем она построена, о том живущие при ней лопари не помнят». Здание часовни было деревянное, холодное и довольно старое. «Кроме небольшого числа икон ничего нет». Часовня располагалась в 75 верстах от приходской церкви. Богослужение в часовне бывает только в Великий пост [ГАМО Ф. И-17. Д. 305. Л. 31–44; там же. Д. 310а. Л. 31–44].

Настоятелями прихода в разное время были священники:

1. Василий Петрович Мартынов (1895–1899 годы) [Краткое историческое описание, 1896: 228–229; Федоров, 2017: 115];
2. Георгий Кириллович Терентьев (1899–1900 годы) [Федоров, 2017: 196];
3. Александр Николаевич Голубков (1901–1912 годы) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 305. Л. 31–44; Бардилева, 2015: 194; Федоров, 2017: 57–58];
4. Николай Михайлович Диомидов (с 1912 года, в 1921 году продолжал жить в Кильдинском погосте) [ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 330. Л. 23–29; Бардилева, 2015: 189, 194; Федоров, 2017: 63–64].

Таким образом, на основе анализа архивных данных, главным образом клировых ведомостей, видно, что в XIX – начале XX веков на Кольском Севере происходил интенсивный процесс формирования «лопарских» приходов Архангельской епархии. В это время на Кольском Севере начинается активное строительство храмов, увеличивается число православных приходов и церковно-приходских школ в них, а также духовенства в местах традиционного расселения коренного населения (саамов).

Список сокращений

ГАМО — Государственный архив Мурманской области

МОМ — Мурманский областной музей (устоявшаяся аббревиатура для обозначения Мурманского областного краеведческого музея, который до создания Мурманского областного художественного музея в 1991 г. был единственным областным музеем)

НВ — Научно-вспомогательный фонд

ПЖД — коллекция «Письменные источники — Документы»

Список источников

Архивные материалы

МОМ НВ 2029/25 ПЖД «Клировые ведомости Кандалакшского прихода (1829–1905 гг.)»

ГАМО Ф. И-20. Оп. 1. «Кандалакшский приход (1721–1920, 1927–1931 гг.)»

ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. «Благочиние Мурманского округа Олонецкой епархии (1824–1938 гг.)».

ГАМО Ф. И-67. Оп. 1. «2-е Александровское благочиние Архангельской епархии (1899–1918 гг.)».

ГАМО Ф. И-73. Оп. 1. «2-е Кольское благочиние Архангельской епархии (1883–1899 гг.)».

Опубликованные источники

Жуков А. Ю. Саами в XIII – XVII вв. (публикация источников и комментарий) // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 298–322.

Калугин В. В. Житие Трифона Печенгского, просветителя саамов в России и Норвегии. М.: Древлехранилище, 2009. 600 с.

Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3: Уезды Онежский, Кемский и Кольский. Издание Архангельского епархиального церковно-археологического комитета. Архангельск: Типо-литогр. Наследн. Д. Горяйнова, 1896. 267 с.

Кучинский М. Г. Миссия Алексея Симонова // Этнографическое обозрение. №6, 1998. С. 104–111.

Список литературы

Административно-территориальное деление Мурманской области (1920–1993 гг.). Справочник / Архивный отдел Администрации Мурманской области, Государственный архив Мурманской области. Мурманск: «Север», 1995. 276 с.

Бардилева Ю. П. Русская Православная Церковь на Кольском Севере в первой половине XX века. Мурманск: Мурманский государственный гуманитарный университет, 2015. 253 с.

Казакова К. С. Первоначальное обучение детей коренного населения Кольского Севера в конце XIX – начале XX вв. // Труды Кольского научного центра. Гуманитарные исследования. Т. 9. № 2–13. С. 23–30.

Казакова К. С. Полярная «Одиссея» инспектора училищ Николая Козмина в 1911 г. // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2018. № 28. С. 140–147.

Митрофан (Баданин) Присоединение Кольского Севера к Новгородской Руси. Аборигены края и первые христианские поселения // Кольский Север в Средние века. Т. 2. СПб.: Ладан, 2017. 288 с.

Митрофан (Баданин) Активная христианизация Кольского Севера в XVI веке. Просветители края, итоги миссии и их последователи. // Кольский Север в Средние века. Т. 3. СПб.: Ладан, 2017. 392 с.

Митрофан (Баданин) История Кандалакшского монастыря / игумен Митрофан (Баданин). Санкт-Петербург: Ладан; Мурманск: Изд-во Мурманской епархии, 2012. 30 с.

Никонов С. А. Кандалакшский монастырь в XVI–XVIII вв.: исследования и материалы: в 2 ч. / С. А. Никонов. Мурманск: МГТУ, 2011. Ч. I: Очерки истории. 324 с.

Орехова Е. А. К вопросу о колонизации Мурманского берега во второй половине XIX – нач. XX вв. Обзор религиозной ситуации в колониях Мурманского берега // IV Ушаковские чтения. Мурманск: Изд. МГПУ, 2007. С. 41–48.

Ушаков И. Ф. Кольская Земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период / И. Ф. Ушаков, под ред. И. П. Шаскольского. Мурманск: Кн. Изд-во, 1972. 672 с.

Фёдоров П. В. Православный словарь Кольского Севера. 2-е изд. испр. и доп. СПб.: Международный банковский институт, 2017. 232 с.

Фёдоров П. В. История Трифоно-Печенгского монастыря (1886–1917 гг.) / П. В. Фёдоров; Фонд культуры, Мурман. гос. пед. ин-т, каф. истории. Мурманск: Север, 1996. 70 с.

Сведения об авторе

Зайцев Олег Алимханович,
аспирант ФИЦ КНЦ РАН

Zaytsev Oleg Alimkhanovich,
postgraduate of FRC KSC RAS

